

В. ЗОМБАРТ

СОЦИОЛОГИЯ

Перевод И.Д. Маркусона

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МЫСЛЬ" Ленинград.

[6]

ВВЕДЕНИЕ

Введение в антологию социологии должно не только разъяснить принцип выбора, но прежде всего—начертить границы, в пределах которых что-либо должно быть выбрано, т. е. оно должно заключать в себе указания на то, что понимается в этой книге под социологией, каковы различные взгляды на сущность социологии, и лишь после этого, в заключение, разъяснить выбор приведенных здесь отрывков.

В порядке дня состоявшегося в октябре 1922 года в Вене Международного социологического конгресса заключались, между прочим, следующие вопросы: проблема лиги наций, регулирование прав меньшинства, международное духовное сотрудничество, борьба с валютными кризисами, научная организация международной торговли, экономическое и финансовое восстановление Австрии, критерии для агитации за разоружение, способы борьбы с стачками, международное регулирование эмиграционного вопроса, идея профессий, женские профессии, воспитание женщин применительно к их новым задачам, борьба с социальными ядами, международные постановления, касающиеся евгеники.

Если бы мы пожелали рассмотреть в нашей антологии хотя бы малую часть этих тем—они обнимают безграничную область всей экономической, государственной и социальной политики—то, очевидно, мы бы немногого достигли' разве если захотели бы наполнить 10 толстых томов. Итак, под социологией этой книжке понимается совсем иное.

Само собой разумеется, мы не считаем социологией то, что тот или иной автор выдает за социологию; а с другой стороны, мы решили включить в свой выбор и те статьи, авторы которых никогда не согласились бы считать их относящимися к социологии; для нас важно существо вопроса.

Под социологией в самом широком смысле слова понимается здесь всякого рода познание человеческого общежития, т. е. человеческой культуры или истории человечества, поскольку эта история рассматривается с точки зрения социальности, т. е. как события, составившиеся из поступков, *определяемых* чужим поведением или вытекающих из чужого поведения; иначе говоря, установление того, что было, есть

[7]

или будет, без рассмотрения того, что должно быть, т. е. всякого рода политики.

В этих обширнейших границах социология включает в себе две существенно различающиеся между собой дисциплины: философскую и научную социологию. Философская социология равнозначуща с философией истории. Для нее поэтому (но только для нее) правильно отождествление социологии с философией истории, как это делает Пауль Барт. Тем самым, к этой философской социологии относится всякое учение об обществе, переходящее за границы опыта, как-то: всякого рода теории о „принципах развития человечества", о „сущности" того или иного явления культуры, об „определяющих историю факторах" („материалистическое" или иное „понимание истории") и тому подобные теории, на которых лежит мета-историческая печать (и которые имеют не только отвлеченное (*fiktionistische*) значение, в каковом случае они, естественно, согласуются с научной социологией).-

Научной социологией или социологией в узком (в собственном) смысле слова (в собственном смысле, ибо для этой дисциплины у нас нет другого названия, кроме социологии, в то время как философская социология может и в дальнейшем существовать просто как философия истории) Ин называю систематическую опытную науку о человеческом общежитии. Существует ли на ряду с историей опытная

наука о человеческом общежитии? Выдающиеся ученые, напр., Макс Шелер, отрицают это и полагают, что лишь метаисторическое, т. е. философское рассмотрение человеческой культуры дает право на существование на ряду с историей отдельной самостоятельной дисциплины, в то время как всякая опытная наука о культуре по необходимости должна раствориться в истории. По моему мнению, они ошибаются. 13 том именно и заключается задача, чтобы рядом с историей обосновать опытную науку о человеческом общежитии, т. е. научную социологию. Объект опыта для нее, конечно, тот же, что и для истории. Но легко сделать между ними разграничение вследствие различного подхода к объекту.

Исторический подход—это подход к единичному, однократному, социологический же — к повторяющемуся, т. е. к типическому: отсюда—систематичность этой науки. Танненбергское сражение принадлежит истории, но Танненбергское сражение—социологии; Берлинский университет относится к истории, но Берлинский университет— к социологии и т. д. Само собой разумеется, никогда нельзя резко отграничить друг от друга оба эти метода, и в особенности историки должны постоянно прибегать к помощи соирлогических категорий. Равным образом, и различие между философской" и научной социологией никогда не проводится резко в отдельных исследованиях. Но это не

[8]

мешает нам, для нашей ориентировки, тонко различать эти разные научные возможности. Ибо только таким путем можно внести некоторый порядок в тот хаос, который сейчас господствует на научном рынке под фирмой „социологии“.

Мне хотелось бы прибавить еще несколько слов, чтобы охарактеризовать различные воззрения, которые борются теперь за признание, при попытках обосновать самостоятельную дисциплину научной социологии. Мне кажется, что с обычным подразделением социологии на „формальную“, и материальную" мы зашли в тупик и что следует вникнуть несколько глубже в проблему, чтобы достигнуть тех точек, где лежат жизненные центры различных „направлений“.

Если мы отрешимся от несерьезных попыток (однако, ежедневно повторяющихся) рассматривать человеческое общество при помощи методов исследования механики или биологии, то, если я не ошибаюсь, имеются два резко противоположных друг другу понимания, и их коренное различие является источником всех тех разногласий, которые раздирают ныне представителей социологии.

Одно течение я назову психологической социологией: она построена на науке о душе, другое же—ноологической: это наука о духе. В этой антологии есть образчики обоих направлений. Нам придется поэтому несколько подробнее рассмотреть их различное существо, ибо фактически всякое понимание социологической проблемы покоится на ясном усвоении противоположности этих двух методов исследования.

Психологическая социология стремится понять человеческую культуру, как совокупность душевных процессов отдельных индивидуумов, находящихся между собой во взаимодействии, и пытается разложить этот комплекс душевных процессов на конечные, простейшие, основные, факты душевной жизни. Но эти конечные основные факты — это чувства, инстинкты, склонности, так что человеческое общество кажется им „сплетением склонностей“. Но тем самым они ставят человеческую культуру в тесную связь с внешней природой, в которой действуют те же побудительные силы, что и в человечестве (излюбленные аналогии с животными „обществами“, само собой разумеющееся происхождение человечества из животного царства!), и рассматривают историю, как естественный процесс, подчиняющийся в конечном счете тем же „законам“, как и вся вселенная. Это направление можно назвать поэтому и натуралистической социологией.

Поскольку стремления психологической социологии направлены к тому, чтобы построить всю культуру на конеч-

[9]

ных душевных основных фактах, постольку для нее возникает необходимость разложить также и все объективно духовное на его душевные элементы. Так, язык, религия, государство, искусство, хозяйство „разлагаются“ па их душевные элементы, доказывается их „происхождение“ из душевных процессов, и именно из элементарных душевных процессов, соответственно „природе человека. Следовательно, язык,

религия, государство, искусство, хозяйство не существовали, прежде чем их не создали люди: они суть создания индивидуальных, взаимно действующих друг на друга душ.

Вполне логически—конечной целью этой психологической социологии является, на манер всех естественных наук, помология, т. е. установление общих законов или законов всеобщности, при которой конечными основными фактами являются вышеуказанные элементы. Если же общество разлагается на душевные процессы и основными фактами являются, таким образом, душевные элементы, то отсюда следует, что всякая закономерность имеет психологическую природу, и основными законами являются психологические законы (особенно явственно у Вундта и его школы). Последовательно, психология—преимущественно в ее естественно научной разновидности—считается основной наукой также и для социологии.

В этом натуралистическом образе социология впервые проложила себе путь в качестве самостоятельной науки, освободившись путем психологической постановки вопроса от естественно-правовых взглядов на человеческое общежитие. Эти начатки относятся еще к 17-му столетию. В 18-м столетии натуралистическая социология получает почти полное завершение, а в 19-м становится той наукой об обществе, которая победоносно утверждается на ряду с старыми государственными науками. Можно сказать, что это направление социологической науки еще до сегодняшнего дня осталось „господствующим“: французские, английские, итальянские и американские социологи примыкают к нему почти без исключений (поскольку он не занимается философской социологией), так что натуралистическую социологию можно назвать также „западной“ социологией. Но и среди немецких социологов, вернее среди социологов, пишущих на немецком языке, эта школа имеет многочисленных сторонников.

Однако, именно в Германии эта социология нашла самых ожесточенных противников. Желая дать здесь лишь самый общий обзор различных течений внутри современной социологии, я не имею возможности углубиться в проблему и заняться исследованием большей или меньшей обоснованности того или иного направления. Все-таки надо сказать, что кри-

[10]

тика, которой подверглась психологическая социология, несомненно основательна. В этом направлении социология проблема поставлена неправильно. Дух не растворяется в душе, и человеческую культуру нельзя выводить из элементарных человеческих склонностей и побуждений. Поэтому не может быть задачей науки об обществе, по примеру механических естественных наук, объяснять общественный космос движением душевных атомов. Как я уже доказал в своем историческом этюде, крестным отцом этой натуралистически-психологической социологии был Ньютон. Но мы теперь пошли немного дальше, и отдаем духу то, что принадлежит духу; мы не можем поэтому ни в одной науке о культуре, и менее всего в науке об обществе, довольствоваться применением заимствованных у естественных наук методов исследования. Таким образом, критическое отрицание западной социологии вполне законно. Но многие критики зашли дальше цели. Из того, что натуралистическая, господствующая, социология идет по ложному пути, отнюдь нельзя заключить, что не может быть вообще никакой самостоятельной дисциплины, которая занималась бы исключительно значением общественных отношений для человеческой культуры. Но, более подробное рассмотрение доказывает, что вполне мыслима социология,—и у нас есть уже многочисленные ростки ее,—которая избегает ошибок натуралистической социологии. ориентируясь на науку о духе (geistwissenschaftlich). Но для этого прежде всего требуется, чтобы она сделала предметом своего рассмотрения духовное, как таковое, не претендуя на то, чтобы его „разложить“ или из него что-либо „вывести“; но, с другой стороны, чтобы она признала выдающееся значение социальных отношений и всякого рода духовных зависимостей и высоко ставила исследование таковых. Если великой проблемой истории является: как дух становится дутой, то задачей социологии, основанной на науке о духе, будет—изобразить этот процесс, как общественный, т. е. как оносительный феномен в его типических формах. Итак, цель, которую ставит себе эта ноологическая социология, отлична ; от цели господствующей социологии, и тем самым отличны и пути, но которым ей надлежит идти.

Здесь будет уместно упомянуть об обычном разделении на формальную и материальную социологию, на что я указал выше. Прежде всего необходимо предостеречь от отождествления изображенной мной противоположности между ; психологической (западной) и ноологической (немецкой) социологией с

противоположением материальной и формальной социологии. Последняя альтернатива или антитеза покоится вообще, думается мне, на недоразумении, или, по крайней мере, тут правильная мысль формулирована весьма неудачно. Очевидно, противопоставить друг другу можно:

[11]

теорию и эмпирию. Все, что называют_ формальной социологией, есть не что иное, как выставление: теоретических возможностей общественных' отношении; напротив; под материальной социологией понимают осуществление таковых возможностей в истории полагаю поэтому, что следовало бы совершенно отказаться от противоположения формальной . социологии материальной и поставить на это место другое противоположение: теоретическая и эмпирическая социология, дополнив эту антитезу еще одною: общая и специальная социология.

Лучше всего сможем мы попятить разницу в существе между психологической и ноологической социологией, если выясним себе их различное отношение к обоим этим парам антитез.

Оба направления социологии ведут к теории и к эмпирии, оба распадаются на общую и специальную социологию. Но смысл тут различный. При обоих методах исследования теоретическая социология может быть общей; это значит, что и в одной и в другой социологии могут быть вырабатываемы теоретические построения всякого рода возможностей для отдельных областей культуры и для всех общественных отношений. И ноологическая социология признает подобные общие понятия (как власть, господство и т. д.) и посвящает себя выработке соответственных определений: она выводит их путем абстракции из отношений внутри отдельных культурных кругов. В ноологической социологии уже при теоретическом исследовании придается гораздо большее значение специальным отношениям. Но эта склонность ноологической социологии к специальному становится в области эмпирии исключительным ограничением, специальным. И в этом лежит самое важное различие между обоими направлениями. Ноологическая социология не знает и не может знать общей эмпирии. В то время как психологическая социология ставит именно своей задачей доказать развитие всякой культуры из элементарных душевных феноменов, ноологическая социология далека от такой смелости. Ибо она не признает предпосылки подобного метода исследования: возможности свести к единству всякую культуру. Имея собственным своим объектом обобществление духа, она должна при всякой эмпирии, т. е. при объяснении любого исторического события, подвергать особому исследованию отдельные области культуры, в которых вещественно проявляется дух. В опыте нет какого-либо общего духа, есть лишь дух в специальных областях: религии, государстве, церкви и т. д.; но ни одну область духа нельзя вывести из другой, а тем менее—все из одной. Поэтому, поскольку речь идет об опытной науке необходимо ограничиться специальным рассмотрением отдельных областей культуры, предоставив синтез философии.

12

Таково в существенных чертах усовершенствованное немецкое понимание сущности и задачи социологии; в соответствии с этим мы обладаем лучшими социологическими работами в виде монографий по отдельным областям культуры: религии, праву, хозяйству и т. д., и лишь незначительным числом сколько-нибудь годных общих социологии, которыми кишмя-кишит Запад.

Противоположность между обоими направлениями социологии выясняется еще путем рассмотрения различного отношения каждого из них к двум центральным понятиям нашей науки: понятию разумения (Verstehen) и понятию закона.

Я назвал понятие разумения центральным понятием нашей науки. Оно и является таковым, ибо наша наука есть наука о культуре. Все помыслы науки о культуре направлены на разумение, т. е. на познание изнутри во вне, в противоположность естествознанию, которое в состоянии лишь понимать (begreifen), т. е. познавать извне вовнутрь. Итак, всякая научная социология по своей цели есть „разумеющая социология. То, чего мы не „разумеем“, есть либо философия, т. е. метафизика, либо несовершенная наука. Поэтому и оба направления социологии должны быть рассмотрены с точки зрения их отношения к разумению. Непростительной отсталостью является требование от нас в настоящее время применения к культурным феноменам принципов механики или других естественных наук; это требование вытекает из заблуждения, что лишь естественно-научные методы могли бы дать нам „истинное" познание, в то время как дело обстоит как

раз наоборот: „истинное" познание достигается лишь „разумением", т.е. ограничивается областью культуры и отказывается служить нам в отношении природы.

Но естественно, разумение различно в обоих направлениях социологии. В одном случае оно — психологическое, в другом—ноологическое. Разуметь психологически означает—разуметь душу и основано на внутреннем чувствовании чужих душевных процессов.

Разуметь ноологически означает—разуметь дух и равнозначуще с пониманием смысла и значения.

Равным образом, различны понятия закономерности, которую обе социологии также считают своим центральным понятием. И тут оба направления весьма расходятся между собой. Психологическая социология, как мы видели, своею высшей целью ставит помологию возможно более общей значимости; ее закономерность есть каузальная, а в узком смысле— психологическая; свою закономерность она выводит из принудительной неизбежности душевных процессов.

Миологическая социология не может стремиться к подобной помологии по известным нам основаниям. Ее целью, напротив, является исследовать внутреннюю закономерность

13

смысла отдельных областей культуры или духа и доказать их значение для проявления духа в истории. Тем самым ее закономерность носит характер рациональный, или, в правильном понимании слова, имманентный. Нет надобности подчеркивать, что в статьях отдельных авторов часто употребляются оба эти понятия закономерности. Да и вообще заимствования между обоими направлениями являются общим правилом даже в лучших произведениях.

При выборе объединенных в этой книге образцов социологии издателю пришлось, во внимание к ограниченности места, весьма сжать себя.

Прежде всего были включены лишь писатели 19-го и 20-го веков, хотя, как я уже раньше указал и как я попытался подробно доказать в вышеупомянутой статье, начатки современной социологии восходят к 17-му столетию, а 18-е столетие, особенно в Англии, дало нам целый ряд превосходных работ.

Затем исключена была специальная социология, т. е. •относящаяся к отдельным областям культуры: социология религии, хозяйства, искусства, права и т. д. Если бы включить эти области в круг нашей антологии, она разрослась бы до огромных размеров.

Но и общая социология могла быть представлена лишь весьма ограниченным выбором. С тяжелым сердцем пришлось исключить многих выдающихся людей. Если бы в нашем распоряжении, было хотя бы только вдвое больше места, то были бы приведены такие имена, как Раценгофер, Оппенгеймер, ф.-Визе, Гольдшейд, Бринкман, Альфред Вебер, Гумплович и, несомненно, многие другие.

При выборе я руководствовался, главным образом, мыслью представить отрывки, имеющие принципиальное значение в отношении общих взглядов и метода. Я полагаю, что педагогическая ценность подобной антологии, которая должна служить не обзором литературы соответствующей области, но руководством для преподавателя при его дискуссии с учениками de principiis, тем больше, тем заостреннее, так сказать, чем одностороннее и парадоксальнее представлена определенная точка зрения. Быть может, со мной согласятся, что при таком взгляде на вещи для различных комплексов проблем дано слово достойным представителям.

В качестве социологов явно философского оттенка приведены Конт и Шелер; Конт, хотя и считал себя „позитивистом", обнаруживает себя в своем Курсе, из которого

14

здесь печатается отрывок, чистым метафизиком; Шелер же, который, как я уже указал, относит себя определенно к философской социологии, тем не менее, в своих, всегда интересных трудах много дает и (духовно) научной социологии.

Затем я с особенной обстоятельностью привел трех авторов, которые, занимались проблемой закономерности: Тарда, Брэйзига и Вундта; все это — представители психологической социологии, из ошибок которых лучше всего, как мне кажется, можно вывести правильные принципы. Такое же всеобъемлющее

изложение рациональной закономерности мне неизвестно, иначе я включил бы таковое в качестве соответствующего примера. Лучше всего с нею можно познакомиться по статье Штаммлера.

Так же широко я предоставил место проблеме понятия об обществе, на которой лучше всего можно изучить, как показал мне мой опыт, принципиально различные постановки вопроса: Спенсер, Теннис, Штаммлер, Гирке и в известном смысле также Уорд разъясняют эту проблему, и к тому же каждый из них в совершенно своеобразной манере.

Образцы определенного социально-психологического метода исследования заключаются в статьях Линднера, Лебона, Зиммеля (б), который, кроме того, представлен еще особенно ценной, методологически цельной работой о социальной психологии (а) в принципиальном ее значении. В этом эскизе мастер социально-психологического анализа сам начертил границы социально-психологического метода исследования и тем самым представил методологически важный материал для основания духовно-научной социологии.

Эта духовно-научная социология находится еще в начальной стадии своего развития. Ее лучшие достижения заключаются пока в выработке социально-научной типологии; в качестве образцов таковой я привожу извлечения из Шеффле, Шпанна, Шелера и Макса Вебера.

Вернер Зомбарт

15

Огюст Конт

(1798-1857)

Основные законы социальной динамики или общая теория естественного прогресса человечества²

„Если рассматривать с высшей научной точки зрения все человеческое развитие в его целом, то прежде всего мы придем к такому в общем пониманию: это развитие в существенных чертах состоит в том, что все более и более выделяются характерные способности человечества по сравнению с таковыми же способностями животного мира, являющимися для нас общими со всем органическим царством, хотя последние по необходимости продолжают составлять первоначальную основу человеческого существования, как и всякой иной животной жизни“.

„С такой философской точки зрения, наша социальная эволюция фактически является лишь самым внешним итогом общего прогресса, который проходит непрерывно через все живое царство от простых растений и самых низших животных, затем переходит по порядку к простейшим двуполоым животным, потом подымается до птиц и млекопитающих, а среди последних мало-помалу доходит до плотоядных и обезьян; при этом необходимый перевес чисто органических функций повсеместно отстает все более и более на задний план, и, напротив, развитие анимальных функций в собственном смысле, главным образом, развитие интеллектуальных и моральных функций, все более и более стремится к достижению жизненного влияния, которое опять-таки, даже при высшем совершенстве человеческой природы, никогда не может быть достигнуто до конца“.

„Таким путем обнаруживается... существенный характер ' нашего социального организма, если ограничиться сперва рассмотрением его чисто-статического состояния и абстрагироваться от необходимого его движения. Но этот характер должен, естественно, еще яснее выступить при непосред-

16

ственном изучении его постоянных изменений, как это легко подтверждает первая же общая оценка его постепенного последовательного хода развития.

Развивая в огромной и все растущей степени воздействие человека на внешний мир, цивилизация должна как будто прежде всего сосредоточивать наше внимание все больше и больше на заботах одного лишь нашего материального существования, сохранение и улучшение которого, видимо, составляет главную цель большинства социальных действий. Но более глубокое исследование, напротив, доказывает, что это

развитие обнаруживает постоянную тенденцию дать господство самым выдающимся способностям человеческой природы, будь то просто благодаря обеспеченности, которую оно неизбежно приносит собой в отношении физических потребностей', начинающих требовать к себе все меньше внимания, будь то благодаря непосредственным и постоянным толчкам, которые оно дает интеллектуальным функциям и даже социальным чувствам, при чем двойственное постепенное развитие последних, очевидно, неизбежно связано с этим развитием. „В этом смысле индивидуальное развитие непременно воспроизводит перед нашими глазами в более быстрой и более систематической последовательности, совокупность которой, хотя и менее ясно выражена, но может быть лучше понята, главные фазы социального развития".

„После того, как этими предварительными соображениями мы достаточно определили необходимое направление совокупности человеческого развития, мы должны теперь рассмотреть эту эволюцию в отношении ее основной и общей скорости, независимо от тех или иных различий, какие могут зависеть от климата или даже от расы".

„Если ограничиться в этом отношении одними только универсальными причинами, то с самого начала будет ясно, что эта скорость должна, по существу, определяться совместным влиянием главных естественных условий, которые, с одной стороны, относятся к человеческому организму, а с другой стороны—к среде, в которой он развивается. Но, именно неизменяемость этих различных основных условий, полная невозможность прервать или ограничить их господство не дают возможности, точно рассчитать их относительное значение".

.Социологический анализ по природе своей может в этом отношении правильно определить лишь чисто побочные общие условия на основе заметных изменений, которым они самопроизвольно должны подвергаться.

Среди этих вторичных, но длительно действующих сил, которые сообща определяют естественную скорость человеческого развития, можно прежде всего привести, следуя Жоржу Дюруа, постоянное, впрочем, сильно преувеличенное

17

и даже неправильно оцениваемое этим остроумным философом, влияние скуки. Как и всякое другое живое -существо, и человек не может быть счастлив без достаточно полного применения своих различных способностей".

„Большая трудность, которую он должен находить в осуществлении связанного с особым превосходством его природы развития, по необходимости подчиняет его в большей степени, чем другие живые существа, тому удивительному состоянию давящей скуки, которое указывает как на фактическую наличность способностей, так и на недостаточное их применение. Это состояние должно было бы в действительности быть одинаково несовместимым как с совершенной бездеятельностью, из которой не могла бы произойти какая-либо принудительная тенденция, так и с идеальной жизненной силой, которая по природе была бы способна к неустанной работе. Такая, одновременно интеллектуальная и моральная склонность, которая, как мы ежедневно видим, побуждает всех, хоть сколько-нибудь энергичных людей к такому множеству напряжений, несомненно должна была мощно содействовать ускорению нашего самопроизвольного развития на заре человечества, благодаря сильному беспокойству, которое она пробуждает, будь то ради жадных поисков новых источников возбуждения, будь то с целью более интенсивного развития нашей собственной непосредственной деятельности. Равным образом, это вторичное влияние могло ясно проявиться лишь при социальных отношениях, которые уже достаточно далеко продвинулись вперед, чтобы сделать чувствительной столь слабую первоначально потребность проявить самые значительные способности нашей природы, которые непременно являются также и наименее энергичными".

„Во-вторых, я должен указать здесь на среднюю продолжительность человеческой жизни, как на нечто такое, что, быть может, еще глубже влияет на эту скорость, чем какой-либо другой элемент, поддающийся оценке. В принципе не следует скрывать от себя, что наш социальный прогресс, главным образом, основан

на смерти; это значит, что последовательные шаги человечества непременно предполагают постоянное, достаточно быстрое обновление действующих сил общего движения, которое, будучи обычно почти незаметным в процессе каждой индивидуальной жизни, действительно бросается в глаза лишь при переходе от одного поколения к другому. В этом отношении социальный организм не менее повелительно подчиняется тому же основному условию, что и индивидуальный организм, где по прошествии определенного времени различные главные составные части, неизбежно ставшие вследствие жизненных явлений совершенно непригодными к продолжению общей работы

18

с другими частями, должны мало-помалу замещаться новыми элементами. Чтобы правильно оценить эту социальную необходимость, было бы излишне прибегать к химерическому предположению неограниченной продолжительности человеческой жизни, каковая, очевидно, привела бы к почти полному прекращению прогрессивного движения. Было бы, может быть, достаточно, не доходя до этих крайних пределов, представить себе, что фактическая продолжительность жизни увеличилась в десять раз, вообразив при этом, что ее различные естественные периоды сохранили те же самые соответственные пропорции. Если бы во всем остальном ничего не изменилось в основном строении человеческого мозга, то, как мне кажется, подобная гипотеза привела бы к неизбежному, хотя и неподдающемуся исчислению, замедлению нашего социального развития. Ибо тогда неизбежная и постоянная борьба, которая сама собой завязывается между социальным стремлением к сохранению обычной характерной чертой старости и жадной жаждой нового, этим постоянным атрибутом молодости, существенно изменилось бы в пользу первого элемента этого необходимого антагонизма. Вследствие исключительного несовершенства нашей моральной природы, именно те, кто в своем зрелом возрасте самым энергичным образом способствовали всеобщим успехам человеческого духа или общества, не могут слишком долго сохранять свое заслуженное преимущественное положение без того, чтобы невольно не противиться более или менее враждебно позднему развитию, в котором они уже не могли бы участвовать достойным образом. Но если, с одной стороны, нельзя сомневаться, что слишком долгая продолжительность человеческой жизни неизбежно стремится замедлить наше социальное развитие, то, с другой стороны, не менее неоспоримо, что слишком короткое существование, по другим причинам, представляет не менее существенное препятствие для всеобщего прогресса, предоставляя, наоборот, слишком большое господство жажде новаторства. Неизбежное сопротивление, оказываемое самопроизвольно этому новаторству упорным консервативным стремлением старости, в действительности одно только может заставить чувство усовершенствования подчинить те или иные свои усилия совокупности прежних достижений. Без этой, весьма важной узды паша слабая природа была бы, наверное, слишком склонна довольствоваться, по большей части, лишь начинаниями и неоконченными планами, которые отнюдь не могли бы способствовать основательному и устойчивому прогрессу; так, действительно, сильно выражено наше произвольное отвращение к тяжкому постоянству трудов, которого неизбежно требует каждая истинная зрелость каких-либо наших планов".

19

„Наконец, нам следует указать среди общих причин, которые модифицируют существенную скорость нашего социального развития, на естественный рост человеческого населения, который, главным образом, способствует ускорению этого великого движения. Этот рост всегда справедливо рассматривался, как самый ясный симптом постепенного улучшения человеческого положения, и, несомненно, это неопровержимо, если рассматривать рост населения во всей совокупности нашего рода, или, по крайней мере, у всех до известной степени действительно солидарных между собой наций. Но тут отнюдь не идет речь о подобных соображениях, ныне совершенно бесспорных, несмотря на преувеличенную и даже извращенную критику наших политико-экономов; кроме того, они не относятся к предмету нашего нынешнего исследования. Мне надо теперь лишь указать на прогрессирующее уплотнение нашего рода, как на конечный всеобщий элемент, который играет роль при регулировании фактической скорости социального движения. Прежде всего, можно легко убедиться в том, что это влияние, особенно вначале, всегда много содействует все большему разделению единого человеческого труда, что, конечно, несовместимо с слишком малым числом работников. Кроме того, подобное уплотнение, благодаря более интимному и менее известному, хотя и более существенному свойству, непосредственно и весьма энергично поощряет более быстрое развитие социальной эволюции; оно либо побуждает отдельных лиц решаться на новые напряжения, чтобы более утонченными способами обеспечить себе существование, которое иначе было бы этим путем затруднительное, либо заставляет общество с более упорной и сосредоточенной энергией реагировать, чтобы оказать достаточное сопротивление более мощному

развитию стремлений к обособлению. В обоих случаях мы видим, что дело идет не об абсолютном повышении числа индивидов, но об их более интенсивном скоплении на данном пространстве, соответственно особой формуле, которой я пользовался и которая вполне применима к крупным населенным центрам, где фактически должны были постоянно начинаться главные успехи человечества. Создавая новые потребности и новые затруднения это скопление развивает также самопроизвольно новые средства не только по отношению к прогрессу, но даже в пользу порядка, нейтрализуя все больше и больше различные психические неравенства и, наоборот, предоставляя растущее влияние интеллектуальным и моральным силам, которые в каждом слишком ограниченном населении по необходимости задерживаются в своем первоначальном подчиненном положении. Таково, в общих чертах, фактическое влияние подобного постоянного уплотнения, если не обращать сперва внимания на действительную

20

продолжительность его образования. Если же рассматривать теперь это уплотнение также в связи с большей или меньшей скоростью этого процесса, то легко будет открыть тут новую причину для всеобщего ускорения социального движения, в виду настоящего переворота, который должен испытать решительный антагонизм между стремлением к сохранению и жаждой новизны, при чем последняя, очевидно, должна значительно возрасти в своей энергии. В этом смысле социологическое влияние более быстрого увеличения населения, по природе своей, должно быть вполне аналогично тому, которое мы только что установили в отношении продолжительности человеческой жизни; ибо не имеет большого значения, зависит ли частое обновление индивидов от более короткой продолжительности жизни одних или от более быстрого размножения, других. Таким образом, тут нет никакой необходимости в новом исследовании для характеристики естественной тенденции этого постепенного уменьшения периода удвоения населения все более ускорять социальную эволюцию, давая новый толчок жажде улучшения. Все же, в заключение этих кратких замечаний, следует, как и в предшествующем случае, не забыть указать, что если это уплотнение и эта быстрота когда-нибудь перейдут за известную определенную степень, то они неизбежно перестанут способствовать подобному ускорению, и, напротив, сами собой создадут для него огромные препятствия. Можно представить себе достаточное переуплотнение, чтобы создать непреодолимые трудности для сохранения человеческого существования, к каким бы ухищрениям ни прибегали, чтобы избежать его последствий; что же касается быстроты размножения, то несомненно, ее чрезмерность решительно препятствует необходимой устойчивости социальных учреждений, так что она равнозначуща существенному уменьшению продолжительности нашей жизни. Но в действительности, фактическое движение человеческого населения до сих пор всегда, даже при благоприятных условиях, вопреки неразумным преувеличениям Мальтуса, далеко отставало от естественных границ".

„Только наши потомки, и к тому же, в слишком отдаленном будущем, чтобы это могло теперь внушать какую-либо разумную тревогу, должны будут серьезно беспокоиться по поводу этой самопроизвольной двойной тенденции, которой впоследствии, в виду незначительности нашей планеты и неизбежной ограниченности совокупности человеческих ресурсов, придется приобрести исключительное значение,.' когда человечество, достигнув приблизительно десятикратных размеров по сравнению с настоящим состоянием, будет повсюду столь же уплотнено, как теперь в Западной Европе. К этому неизбежному моменту времени более совершенное

21

развитие человеческой природы и более точное знание истинных законов социальной эволюции, несомненно, создадут новые средства различного рода, чтобы можно было с успехом противостоять подобным причинам уничтожения; об этих средствах мы не можем иметь ни малейшего представления, но вследствие этого нам отнюдь не следует заниматься тут исследованием того, будет ли в этом отношении достаточная общая компенсация".

„Несмотря на неизбежную солидарность, которая, согласно выставленным уже принципам, постоянно господствует среди различных элементов социальной эволюции, все же необходимо также', чтобы среди ее непрерывных взаимодействий один из этих общих видов прогресса самопроизвольно получил верх, так чтобы он обычно давал всем другим необходимый первоначальный толчок, хоть впоследствии сам он, с своей стороны, должен, благодаря собственной эволюции, получить новый стимул. Здесь достаточно будет непосредственно выделить этот превалирующий элемент, рассмотрение которого должно руководить всем нашим динамическим толкованием, не занимаясь подробно специальным подчинением ему других или

отношением их между собой, ибо это подчинение достаточно ясно обнаружится в естественном проведении подобной работы. При таком ограничении определение не представит никаких серьезных затруднений, ибо достаточно выделить социальный элемент, развитие которого могло бы быть наилучшим образом понято, не касаясь всех других, несмотря на их необходимую универсальную связь. На основе этого, вдвойне решающего характера нельзя медлить поставить на первую очередь интеллектуальную эволюцию, как неизбежно господствующий принцип всей эволюции человечества".

„Хотя наш слабый ум при этом, несомненно и необходимо, нуждается в первом толчке и в постоянном возбудителе, что производится желанием, страстями и чувствами, все же он является для них необходимым руководителем, который всегда должен был направлять весь человеческий прогресс. Лишь таким путем и благодаря все более ярко выраженному влиянию ума на общее поведение людей и общества, последовательный ход развития человечества мог, действительно, приобрести эти характерные черты прочной закономерности и длительной устойчивости, которые так глубоко отличают человеческий род от смутного, несвязанного и бесплодного развития высших пород животных, хотя наши инстинкты, наши страсти и даже наши примитивные чувства имеются в главных своих чертах у многих из них, и во многих важных отношениях даже более резко у них выражены".

„Таким образом, мы должны при всяком изучении человечества избрать или, вернее, сохранить в качестве есте-

22

ственного и постоянного руководителя всеобщую историю человеческого духа. При этой интеллектуальной истории мы должны, главным образом, заняться рассмотрением самых общих и самых абстрактных идей, требующих более специального участия наших самых выдающихся умственных способностей, органы которых соответствуют передней части лобной области. Таким образом, при рациональном порядке нашего исторического анализа неизбежно должна идти впереди последовательная оценка основной системы человеческих воззрений в отношении совокупности явлений, короче говоря, всеобщая история философии, каков бы ни был ее фактический характер: теологический, метафизический или позитивный. Ни одна другая существенная отрасль истории духа, даже история изящных искусств (включая поэзию), несмотря на свое исключительное значение, не могла бы без серьезных опасностей послужить этой необходимой цели, ибо способности выражения, которые более тесно связаны с способностями чувства и органы которых фактически, в собственном смысле, приближаются к средней части мозга, всегда, даже не исключая эпох их величайшего действительного влияния, в фактической экономии социального движения должны были подчиняться способностям непосредственной концепции. Единственный, связанный с подобным выбором научный недостаток заключается в том, что он вызывает склонность упускать из виду то там, то здесь в ходе исторических операций основную солидарность всех главных составных частей человеческого развития; но эта губительная тенденция таким же образом проявилась бы и при всяком ином аналогичном выборе".

„Охарактеризовав таким образом сперва общее направление, затем существенную скорость и, наконец, необходимый порядок совокупности человеческой эволюции, мы можем теперь перейти, без всякого иного введения, к настоящему исследованию основной идеи социальной динамики, рассмотрев прежде всего, соответственно прежним соображениям, свойственные неизбежному прогрессу человеческого духа естественные законы. Мне кажется, что истинный научный принцип такой теории заключается всецело в том великом философском законе, который я открыл в 1822 году, о постоянной и необходимой последовательности трех общих состояний: одного, первоначально теологического, затем метафизического и, наконец, позитивного; в каждой науке наш ум проходит последовательно через эти три стадии".

„Неизбежная необходимость подобной интеллектуальной эволюции должна, в качестве первого элементарного принципа, невольно перенести первоначальную тенденцию человека, глубочайшее сознание его собственной природы, на всеобъемлющее основное объяснение всех любых явлений".

23

„Одной лишь этой философии удалось, при помощи ее удивительной, характерной самопроизвольности, фактически освободить человеческий дух от той дилеммы, в которой он сперва, казалось, безвозвратно завяз, между двумя противоположными, равно повелительными необходимостями: сначала „наблюдать, чтобы дойти до правильных представлений, и сперва придумать какие-либо теории, чтобы иметь возможность с успехом предпринять систематическое наблюдение. Этот злосчастный логический антагонизм, очевидно, не мог допустить никакого другого решения, кроме естественно обусловленного неизбежным первоначальным развитием теологической философии; последняя приравнивала всевозможные явления к человеческим поступкам или непосредственно, соответственно первоначальной фикции, которая наделяет каждое тело жизнью, более или менее сходною с нашей, или впоследствии косвенно, в соответствии с более устойчивой и более плодотворной гипотезой, которая ставит над всем видимым миром обычно невидимый, населенный более или менее общими сверхчеловеческими силами мир; его суверенное воздействие постоянно вызывает все наблюдаемые явления, модифицируя по своему желанию материю, обреченную без него на полную бездеятельность. В этом, втором состоянии, более знакомом нам и более близком к нашим идеям, хоть оно никогда не могло быть первоначальным, теологическая философия дает, прежде всего, плодотворнейшие и обширнейшие вспомогательные средства для удовлетворения зарождающихся потребностей ума, который теперь склонен дать полную волю самым обманчивым объяснениям. При каждом новом затруднении, которое может нам доставить зрелище природы, фактически достаточно противопоставить ему либо представление нового Желания при соответствующей идеальной силе, либо, в крайнем случае, малоценное создание новой силы. Как бы ложны ни казались нам теперь эти ребяческие умозрения, не следует забывать, что всегда и везде только они могли вырвать человеческий гений из его первоначального оцепенения, доставляя его постоянной деятельности единственную самопроизвольную пищу, которая только и могла сперва существовать”.

„К этим различным, чисто интеллектуальным причинам присоединяются не менее самопроизвольно моральные и, прежде всего, социальные, которые сами по себе сделали бы подобную необходимость неоспоримой. С первой точки зрения, теологическая философия характеризуется вначале тем счастливым свойством, что она одна лишь могла тогда внушить человеку достаточно сильное доверие, наполняя его глубоким сознанием универсального превосходства в отношении "общего его положения и его конечного могущества, что, несмотря на его химерическое преувеличение, долгое

24

время было необходимо для постепенного развития нашего фактического поведения.

„Высокое социальное назначение теологической философии должно получить правильную оценку с двух главных точек зрения: во-первых, поскольку она вначале указала руководящие принципы организации общества, а затем потому, что она дала возможность длительного существования класса мыслителей. С первой точки зрения, необходимо признать, что образование всякого действительного общества, способного к устойчивому и длительному существованию, неизбежно предполагает непрерывное и преимущественное влияние некоторой предварительной системы общих воззрений, которая в состоянии достаточно время держать в узде бурное естественное развитие индивидуальных различий в мнениях. Поскольку такое требование остается неоспоримым даже при самых развитых социальных отношениях, где столько произвольных, внутренних и внешних причин действуют сообща с огромной энергией, чтобы крепко связать индивида с обществом, постольку было бы с тем большим правом невозможно избежать этого требования вначале, когда семьи так еще слабо связаны между собой немногими, столь же прочными, как и несовершенными, отношениями. Какую бы социальную мощь ни приписывать общности интересов и даже симпатии чувств, этой общности и этой симпатии отнюдь недостаточно для основания самого маленького устойчивого общества, если интеллектуальная общность, пришедшая путем единодушного согласия к известным основным положениям, не будет тут правильным образом содействовать предупреждению “ли устраниению неизбежных обычных разногласий”.

„Помимо этой важной социальной задачи, первоначальный перевес теологической философии над другой общей точкой зрения был политически неизбежен для интеллектуального развития человечества, поскольку только эта философия могла создать в недрах общества особый класс, посвятивший себя

регулярной научной деятельности. Эта вторая точка зрения, не будучи по природе своей столь же решающего характера, как предшествующая, необходимым следствием которой она, впрочем, является, в основе своей имеет не меньшее значение для совокупности нашей великой социологической науки, при чем она, сверх того, представляет тут двойное преимущество более легкой критики и более продолжительного 'применения; ибо в этом отношении социальное первенство теологической философии у самых передовых народов продолжалось, можно сказать, вплоть до наших дней. Мы совершенно не в состоянии теперь правильно представить себе те огромные трудности, которых потребовало в детский период человечества первое, хотя бы в грубых

25

чертах намеченное установление некоторой постоянной границы между теорией и практикой, ставшее возможным благодаря постоянному существованию, главным образом, ученого класса. Но благодаря нашей интеллектуальной слабости, "мы до такой степени склонны во всех отношениях к самой материальной рутине, что, несмотря на утончение наших умственных привычек, нам самим стоит исключительного труда дать надлежащую оценку какой бы то ни было новой операции, не затрагивающей непосредственно практического интереса. Это сравнение может, хотя и очень несовершенно, дать понять, как невозможно было в первый социальный период ввести у народов, состоявших исключительно из воинов и рабов, корпорацию, непосредственно освобожденную от военных и хозяйственных забот, характеристической деятельностью которой должна была быть прежде всего интеллектуальная. В такие суровые времена подобный класс не мог бы, наверное, ни быть основан, ни терпим, если бы неизбежный ход развития общества уже не ввел его самопроизвольно и даже ранее" не снабдил его естественным, более или менее веским авторитетом, вследствие неизбежного первоначального господства теологической философии. Такова, с этой второй точки зрения, существенная политическая задача этой первоначальной философии, которая создала таким путем корпорацию ученых, социальное существование которой, будучи очень далеко от допущения какого-либо предварительного решения, должно было, в противоположность закономерной организации всех других классов, существенно идти впереди и даже руководить ими, как это скоро докажет нам исторический анализ".

„Какое бы непреодолимое, первоначальное влияние мы в принципе ни приписали теологической философии на основе ее характерной самопроизвольности, каждая из решающих причин, объясняющих и оправдывающих подобное интеллектуальное господство, в то же время доказывает ее неизбежно-преходящий характер, ибо они всегда состоят в том, чтобы, исходя из различных оснований, констатировать совершенную, естественную гармонию этой философии с свойственными первобытному состоянию человечества потребностями, которые не могут оставаться такими же и, в соответствии с этим, допускать такую же философию, когда социальная эволюция достаточно пошла вперед. С этой точки зрения читатель может легко применить все те различные главные соображения, и повсюду он убедится, что, когда их распространяют на социальное состояние, двинувшееся далеко вперед, они столь же самопроизвольно подтверждают неизбежную окончательную гибель теологической философии и неуклонное возникновение позитивной философии; в этом, именно, состоит, главным образом, исключительная логическая тон-

26

кость подобной аргументации, которую софистический ум так легко мог бы злоупотребить, чтобы безоговорочно отвергнуть догматически какую бы то ни было истинную пользу теологической философии; это повредило бы навсегда исторической науке, которая стала бы тогда абсолютно невозможной. Если обратить прежде всего внимание на интеллектуальное назначение, то мы найдем, что во всех случаях самопроизвольное влияние теологической философии, после того как она сыграла исключительную роль в нервном пробуждении нашего ума и даже руководила его постепенным развитием, поскольку еще невозможна была [никакая другая философия, неизбежно должно было кончиться тем, что она повсюду содействовала подавлению человеческого духа с тех пор, как начал ясно проявляться его радикальный антагонизм с позитивной философией. Равным образом, и в области моральной, по меньшей мере, так же очевидно, что отрадное доверие и деятельная энергия, столь счастливо пробужденные в первый период жизни человечества обманчивыми картинами такой

философии, мало-помалу"" проявили тенденцию превратиться под слишком продолжительным ее господством в гнетущий страх и тупое равнодушие, примеры чему мы видим на каждом шагу с того момента, как эта философия, угрожаемая в своем господстве, принуждена была действовать в задерживающем, а не поощряющем направлении. В этом отношении окончательная победа позитивной философии так же несомненна, как и в первом, и это будет само собой доказано совокупностью нашего исторического анализа. Одна лишь позитивная философия может, в период мужественного расцвета человеческого разума, среди наших отважнейших предприятий, пробудить в нас непоколебимую энергию и целесознательную устойчивость, которые мы почерпаем без какой-либо внешней помощи и какого-либо воображаемого препятствия непосредственно из нашей собственной природы. Наконец, с социальной точки зрения, несмотря на то, что в этом отношении фактическое влияние теологической философии должно было удержаться дольше, слишком ясно, что эта философия, будучи по своему первоначальному назначению очень далека от стремления к объединению людей, существенно способствует их разделению и, равным образом, вызывая к жизни умозрительную деятельность духа, радикально препятствует этой деятельности. Свойство объединять людей, а равно возбуждать их деятельность, и руководить ею, принадлежит с момента падения религиозной веры более или менее исключительно совокупности позитивных воззрений, которые в настоящее время одни только в состоянии самопроизвольно установить от одного конца мира до другого, на столь же прочных, как и широких основаниях, действительную интеллектуальную

27

общность, которая может служить прочным фундаментом необъятнейшей политической организации".

„Исторический анализ ясно обнаружит перед нами, на основе совокупности социального прошлого, непрерывный упадок первой философии и соответствующий подъем второй, начиная с самых первых шагов развития человеческого разума. Хотя и может сперва показаться парадоксальным рассматривать теологическую философию именно в тот момент, когда она выполнила самую возвышенную свою миссию, но все же мы вскоре с полной научной уверенностью убедимся, что католицизм, это благороднейшее ее социальное творение, должен был быть также и последним проявлением ее силы, благодаря первоначальным зародышам разложения, которые с тех пор должны были все быстрее развиваться". “

„Ознакомившись достаточно сперва с необходимым исходным пунктом, а затем с неизбежной целью интеллектуального развития человечества, наше великое социологическое исследование требует лишь в большей мере общей, теперь почти самопроизвольной, оценки промежуточного состояния". „По мере того как теология удаляется из области науки и прежде чем там может окончательно водвориться физика, эта область понемногу заполняется метафизикой".

Эта метафизическая модификация теологической философии совершается естественно по отношению к каждому предмету путем постепенной замены божества сущностью, когда религиозные представления обобщаются, непрерывно уменьшая число сверхъестественных сил и их деятельное вмешательство, а, главное, когда они, если не в действительности, то хотя бы в принципе, достигают высшего единства. В этом последнем общем состоянии теологической философии сверхъестественная сила, потеряв свою первоначальную обособленность, обычно не могла уступить своего непосредственного руководства явлениями без того, чтобы не оставить па своем месте таинственную сущность, которая сперва необходимо из нее вытекала, но к которой впоследствии, при повседневном обиходе, человеческому духу приходилось все исключительнее сводить обособленное воздействие на каждое событие. Этот удивительный характер философия необходимо должна была сохранить долгое время либо для того, чтобы облегчить постепенный упадок теологии, изгоняя мало-помалу особое вмешательство сверхъестественных причин, либо для того, чтобы подготовить прогрессивное развитие физики, приучая все более к исключительному рассмотрению явлений. В обоих случаях это переходное состояние означает неизбежный симптом, а равно необходимое содействие. Что касается метода и науки, общий дух подобной философии, должен быть существенно аналогичен духу теологической философии, и всегда может стать одной лишь ее

28

модификацией. Метафизическая философия обладает лишь, по природе своей, меньшей интеллектуальной замкнутостью, и, в соответствии с этим, главным образом, гораздо менее интенсивной социальной мощью, и таким образом бесконечно лучше соответствует только критическому назначению, чем какой-либо действительной организации. Но эти качества, вполне приспособленные к их временной задаче во всем как индивидуальном, так и социальном развитии человечества, делают ее тем менее способной оказывать серьезное сопротивление росту позитивного духа. С одной стороны, растущее лукавство метафизических воззрений обнаруживает, таким образом, тенденцию все более и более упрощать свои характерные сущности, так что они могут уже заключаться в одних лишь абстрактных наименованиях соответственных явлений, и таким образом, доводят до полной смехотворности самопроизвольное обнаружение подобными объяснениями свойственной им радикальной пустоты, что, без сомнения, было бы невозможно по отношению к чисто теологическим формам. Во-вторых, органическая неспособность подобной философии, вследствие своей существенной непоследовательности в политическом отношении, воспрепятствовать дальнейшим модификациям, которые она неизбежно приносит с собой для теологического режима должна с таким же успехом бороться и с социальным развитием позитивного духа. Равным образом, в том и другом случае, чрезвычайно двусмысленный и подвижный характер собственно метафизической философии делает ее способной, путем бесчисленных модификаций, которым она может подвергаться, лучше, чем теологическая философия, избегать разумной дискуссии, теряющейся в смутных и неуловимых нюансах; это относится к тому периоду, когда позитивный дух, еще не вполне распространившись, не мог прямо установить единственно' действительный принцип своего общего авторитета и всецело овладеть, наконец, всеобщим признанием. Как бы то ни было, нельзя в общем отрицать интеллектуальной способности метафизики в отношении любого предмета временно поддерживать ход нашей умозрительной деятельности, пока она не в состоянии воспринять более существенной пищи, одновременно удаляя нас от чисто теологического режима и' все более подготавливая нас к истинно позитивному режиму. Кроме того, эта философия неизбежно обнаруживает такую же существенную способность руководить политическим промежуточным периодом, который постоянно сопровождает эту великую логическую переходную стадию. Не забывая о серьезных интеллектуальных и социальных опасностях, которые, к сожалению, характеризуют и метафизическую философию, подобная оценка объясняет истинный всеобщий принцип универсального влияния, которого она затем временно

29

достигла у самых передовых народов, где это влияние неизбежно предполагает инстинктивное сознание какой-то необходимой задачи, выполненной подобной философией в основном развитии человечества, а это сознание не может быть совершенно ошибочным. Таким образом, в настоящее время непреодолимая необходимость этой промежуточной стадии совершенно неоспорима, прежде чем мы произведем настоящий, специальный или общий, анализ в совокупности нашего исторического исследования".

„Для того, чтобы этот закон мог правильно выполнить подобное, научное назначение, мне нужно фактически для пополнения и подтверждения этого длинного и трудного доказательства лишь суммарно установить в принципе следующее положение: все материальное развитие неизбежно должно принять направление не только аналогичное, но даже вполне соответствующее тому, которое мы доказали только что лишь по отношению к интеллектуальному развитию, каковому, как я доказал в первой части этой главы, должны были по природе своей быть совершенно подчинены все системы социального прогресса. Поскольку это дополняй шее изучение теперь будет гораздо лучше понятно, чем главная теория, постольку мне нужно лишь, после беглой общей оценки материальной эволюции, указать на ее, до сих пор очень плохо понятое взаимоотношение с интеллектуальной эволюцией".

„Все многообразные, общие средства разумной науки, применимые к политическим исследованиям, уже сами по себе содействовали решительному установлению неизбежной первоначальной тенденции человечества к преимущественно воинственной жизни и его окончательному столь же непреодолимому назначению к индустриальному, главным образом, существованию. И в дальнейшем ни один хоть сколько-нибудь передовой ум не откажется более или менее определенно признать постоянное уменьшение воинственного духа и постепенный рост индустриального духа, как двойное необходимое последствие нашей прогрессивной эволюции, которая в этом отношении была достаточно ясно оценена большинством ученых, занимавшихся политической философией. Весьма характерное отвращение современных обществ к воинственной жизни обнаруживается постоянно во все более разнообразных формах и с растущей энергией даже в недрах армии, где, напр., повсюду пришлось прибегнуть к принудительному набору в виду совершенной недостаточности

военных наклонностей; нет надобности поэтому в формальных доказательствах того, что ясно показывает нам повседневный опыт. Несмотря на исключительное огромное развитие военной деятельности, которая вспыхнула в начале нынешнего столетия вследствие неизбежного воодушевления,

30

связанного с непреодолимыми аномальными условиями,— наш индустриальный и мирный инстинкт не замедлил вскоре восстановить регулярный ход своего преимущественного развития; этот инстинкт фактически обеспечивает спокойствие цивилизованного мира, хотя, вследствие отсутствия покамест какой-либо систематической организации международных отношений, европейский мир должен, кажется, часто стоять под вопросом; если это не всегда вызывает войну, но всегда достаточно, чтобы постоянно создавать опасное состояние беспокойства".

„Но несмотря на эту необходимую связь, индустриальное состояние так основательно отличается от военного, что всеобщий переход от одной социальной системы к другой, наверное, не мог совершиться более непосредственно, чем соответствующая последовательность в духовной области между теологическим и позитивным духом. Отсюда, наконец, с полной определенностью вытекает всеобщее необходимое посредство промежуточного состояния, вполне подобного метафизическому состоянию в интеллектуальной эволюции; в этом промежуточном состоянии человечество могло все больше и больше освобождаться от военной жизни и все более подготавливать окончательный перевес индустриальной жизни. Неизбежно двусмысленный и неопределенный характер подобной социальной фазы, где, невидимому, политическую арену должны были занять прежде всего различные классы юристов... должен был заключаться сперва в обычной замене первоначальной наступательной военной организации оборонительной, а впоследствии даже во все более ясно выраженном, невольном, всеобщем подчинении воинственного духа производительному духу. Поскольку эта промежуточная фаза еще не окончилась, постольку ее своеобразная, хотя и чрезвычайно неясная, природа может получить оценку путем непосредственной интуиции".

Густав-Адольф Линднер

(1828—1887)

Общественное самосознание 3

„Преимущество „самосознания" перед „сознанием" лежит уже в пределах индивидуальной духовной жизни, в том, что все душевные состояния стягиваются в один объединяющий их центр, выражением, которого является не поддающееся

определению „я". Это „я" расширяется в обществе до „мы", когда отдельные личности не только принимают фактическое участие в богатой духовной жизни всего общества, но вместе с тем сознают это участие.

Каждый человек, душевная жизнь которого хоть немного возвышается над простейшей примитивностью, принимает участие в общественном сознании, ибо, как уже много раз доказывалось, почти все психологическое развитие человека является результатом его связи с обществом. Но принимать участие в этой великой связи и живейшим образом сознавать это участие—отнюдь не одно и то же. Эгоист, поставленный, как и всякий другой, среди благодеяний общества, совершенно так же стягивает все душевные состояния своего сознания к тому строго индивидуальному, покоящемуся на широком базисе физических восприятий средоточию, которое он называет своим „я", он не имеет понятия о том, что душевные состояния, которые он себялюбиво называет „собственными", являются лишь продуктом его сожительства и общения с другими, т. е. собственностью общества. Впрочем, его „я" должно быть непременно гораздо более скудным, чем общественное „мы" его сограждан, ибо он вынужден отталкивать от себя все те общественные явления, которые определенно указывают на личность других членов общества, как на собственный свой источник, и замыкаться в тесном кругу строго индивидуальных душевных состояний, средоточием которых является его собственное тело.

Общественное „мы" образуется прежде всего внутри семьи, где больше всего проявляется интенсивность дружественных взаимных влияний, и отсюда распространяется на все более широкие круги. Оно обнимает родню или род (gens) и племя или нацию, при чем следует за действительным или воображаемым кровным родством (люди, принадлежащие к одной нации, равным образом считают себя кровными родственниками: немецкая кровь, славянская кровь, как аналогия к „голубой" крови дворянства—этой квалифицированной нации); затем по территориальной ассоциации распространяется на коммуну (общину), провинцию и государство. Несомненно, что на территориях со смешанным населением оба направления самосознания по кровному родству и политической принадлежности многократно скрещиваются. В выражении „мы, швейцарцы" не содержится ничего от кровного родства и национальности, а когда жители города Праги, в своем коммунальном самосознании, говорят „мы, пражцы", то тут это самосознание переступает через национальные противоречия. Эти различные направления самосознания могут скрещиваться еще и с другими отношениями, когда человек чувствует себя принадлежащим к иному общежительному кругу. Церковное

32

самосознание, которое выражается словами „мы, католики" -и которое находит себе сильную опору в исключительно-чувственном культе и в иерархическом расчленении церкви, в настоящее время весьма потускнело и должно было уступить место политическому и национальному самосознанию. Часто проявляется также сословный и корпоративный дух, выражающийся словами: „мы, дворяне; мы, солдаты; мы, студенты; мы, купцы," и т. д., и не поглощающийся политическим самосознанием, т. е. сознанием общей политической принадлежности.

Иначе складывается сознание у тех, кто сознает свою связь, свою солидарность с обществом. Их духовный горизонт простирается через все общественное сознание, в котором они принимают какое-либо участие, хотя бы самое отдаленное и косвенное. То, что для эгоиста составляет область его собственного тела, со всем тем расширением, которое дает прибавление одежды, украшений, оружия, отличий, владений, подданных и слуг, то для человека с общественным, самосознанием представляет вся территория общества со всеми относящимися к обществу иной жизни явлениями, с которыми он таким путем вступил в связь, которые он принял в свое сознание. Он знает и чувствует, что вся эта территория со всеми действующими на ней личными силами, со всеми ее трудами и деяниями, составляет единое целое, к которому принадлежит и он, хотя бы в качестве второстепенной составной части, и которые он поэтому объединяет выражением „мы". В этом „мы" он (т. е. его „я") уже не является центром; центральное место он должен уступить, быть может, главе государства или лучшему и благороднейшему человеку своего народа—покатому центру, он примыкает возможно теснее, и с этой точки зрения обозревает целое, которое, как он знает, идентично с ним самим. Таким путем он вынужден, правда, отойти от центра мира, в каковой центр каждый человек прежде всего ставит себя и откуда эгоист не может быть вытеснен никакими силами общественных влияний, но зато он щедро вознаграждается величию духовной области, которая открывается тогда перед ним, и богатством отношений, в которое - он вступает. Прежде физические восприятия, как нечто наиболее индивидуальное и близкое, занимали самое выдающееся место в его духовной жизни, и центр тяжести его мировоззрения помещался, если можно так выразиться, в желудке, благодаря чему сам он попадал в весьма жалкую зависимость от изменений в телесной машине и от определяющих ее влияний, погоды и климата; между тем как теперь он чувствует себя поднятым на ту солнечную высоту свободного общественного мировоззрения, где индивидуальные обстоятельства с их телесными радостями и телесными же скор

33

бями отступают на задний план перед великими задачами широкой общественной жизни, простирающейся перед его духовным оком.

Но какую бы форму ни принимало социальное самосознание, оно всегда оказывает одинаковое действие, а именно, оно поднимает отдельную личность над узко очерченными границами индивидуального существования и переносит его в мир богатых отношений и великих интересов. Субъективно этот подъем проявляется в повышенном самочувствии, ибо в общественном целом отдельное „я" подходит к центру, если не вплотную, то возможно ближе. Но здесь оно встречается с весьма почтенным обществом: с главою государства, с самыми великими и благородными людьми народа... Из общественного „мы" образуется общественное „наше", которое обнимает все дела и все блага, которые не подлежат частной сфере отдельных лиц в качестве

общественных дел и общественных благ, но принадлежат обществу, как таковому; отсюда: наши законы, наши суды, наш язык, наша литература, наши театры, наш общинный дом, наша промышленность, наша торговля, наши школы, наши железные дороги, наши народные праздники, наши поэты, художники, архитектора, законодатели! Как много отличий и славы возвращается тут отдельной личности, когда она, забыв о своем крошечном „я“, вступает в великое общественное „мы“ с его всеобъемлющим „наше“!

Но так же, как „я“ предполагает „не я“, или „ты“, так и „мы“ развивается лишь при наличности „не мы“, или „вы“. Мысленно соединяясь между собой, члены государства или нации отграничиваются от всех, находящихся за пределами данного общественного круга. Это отграничение может дойти до враждебности⁴. Нет ничего легче, чем подстегнуть политическое и национальное самосознание народа до нетерпимости и преследования чужеземцев. Все войны, которые велись до сего времени, обязаны этому чувству если не своим происхождением, то упорством. Нетерпимость социального сознания по отношению к „чужим“ проявляется в любой небольшой коммуне. Она растет вместе с умственной ограниченностью и исключительностью социальных отношений^{5 2}). Лишь рост образования и просвещения расширяет мало-по-

34

малу те круги, в которые поставлена отдельная личность с ее самосознанием; лишь таким путем открываются дороги к людям, которые принадлежат к другим коммунам и государствам, другим национальностям и вероисповеданиям, и это развитие продолжается до тех пор, пока этот круг не расширяется до крайних своих пределов, обнимающих все человечество. Тогда перед человеком раскрывается то космополитическое самосознание, благодаря которому он распространяет свое общественное „мы“ на все человечество.

Интенсивность социального самосознания находится в прямом отношении с задушевностью внутренних взаимодействий, а равно с замкнутостью по отношению к внешнему миру; она больше в маленьких обществах, чем в больших; она больше в замкнутых кругах, чем в таких, границы которых теряются в неопределенной дали; она больше в обществах, в которых имеет место оживленное взаимодействие всех членов, чем в таких, где это всестороннее взаимодействие происходит медленно и вяло. Эти условия имеются налицо среди офицерства и студенчества; отсюда понятно то живое самосознание, которое выражается в словах: „Мы, офицеры; мы, студенты“ и которое привело к своеобразному понятию сословной чести в этих корпорациях. В общем, однако, не следует забывать, что это социальное самосознание, или как его также называют за его исключительность: корпоративный дух, черпает богатую пищу из признания его общественной властью, так что оно поэтому держится на внешних знаках и символах, на отличных от общепринятых привычках, вообще на внешнем культе.

Герберт Спенсер

(1820-1903)

Общество есть организм

„Когда мы говорим, что социальные агрегаты и органические агрегаты имеют общие явления роста, то этим мы вовсе не исключаем еще всякой общности с неорганическими агрегатами; ибо многие из последних, напр., кристаллы, заметно растут, и все они, согласно эволюционной гипотезы, Должны были раньше или позже возникнуть путем интеграции. Тем не менее, живые существа, а равно общества, по сравнению с упомянутыми неодушевленными вещами, обна-

руживают массовый прирост столь очевидным образом, что мы справедливо можем считать этот признак характерным для первых двух. Многие организмы растут в течение всей своей жизни, а другие растут, по крайней мере, в течение значительной части своей жизни. Социальный рост продолжается обычно до тех пор, пока общество либо распадется, либо будет поглощено другим обществом.

Итак, мы нашли тут первую черту, благодаря которой общества примыкают к органическому миру и весьма существенно отличаются от мира неорганического.

Далее, к особенностям социальных, как и живых организмов вообще, относится то, что, помимо увеличения в размерах, растет и сложность их строения. Низшее животное, а также зародыши высшего,

обнаруживают лишь немного различных частей; но при большем объеме увеличиваются и дифференцируются также его части. То же самое происходит и с обществом. Вначале различия между отдельными группами его единств весьма незначительны по числу и по характеру, но по мере роста народонаселения все больше и явственнее выступают всякого рода разделения и подразделения. Затем эти процессы дифференцирования прекращаются в социальных организмах, как и в отдельных живых существах, лишь вместе с завершением типа, который характеризует состояние зрелости и предшествует упадку".

„Эта аналогия станет еще яснее, если мы укажем на то, что прогрессирующая дифференциация структуры всегда сопровождается прогрессирующей дифференциацией функций.

Первичные, вторичные, третичные и т. д. части, выступающие у развивающегося животного, приобретают большие и меньшие различия не без определенной цели. Одновременно с изменениями в их внешней и внутренней структуре происходят всегда изменения и в их функциях; вырастающие различные органы имеют всегда различные задачи. Напр., пищеварительная система берет на себя всю задачу поглощения пищи, но по мере обособлений в ее строении она распадается на различные части, из которых каждая имеет особую функцию, составляющую часть общей функции. Отдельный орган, служащий для продвижения или для схватывания, расчленяется на большие и меньшие части, каждая из которых принимает более или менее существенное участие в выполнении этой деятельности.

То же самое относится и к частям, на которые распадается общество. Когда на сцену выступает господствующий класс, то он при этом не только становится не похож на все другие классы, но и приобретает над ними власть принуждения, а когда этот класс вновь дробится на другие классы с большей или меньшей степенью господства, то и последние начинают стремиться к тем или иным видам кон-

36

тролирующей деятельности. То же самое находим мы и у классов, деятельность которых подвергается контролю. Различные группы, на которые они распадаются, имеют каждая особые свойства, а в пределах каждой отдельной группы вырабатываются опять-таки менее значительные противоречия между отдельными частями, соответствующие менее значительным противоречиям в степени их подчиненности.

„Почему этот различный характер деятельности неодинаковых частей в государственном организме и в живом существе рассматривается как настоящая функция, между тем как мы не называем так различных процессов, происходящих в несходных частях неорганического тела? Мы пойдем это еще яснее, если обратимся к дальнейшим и лучше всего характеризующим их сходным чертам. И в органическом и в неорганическом мире развитие производит не простые различия, но определенно связанные друг с другом, т. е. такие, из которых одно делает возможным другое. Части неорганического агрегата находятся в таком отношении между собой, что одна из них может существенно изменяться без того, чтобы на других это заметно отразилось. Совсем иначе обстоит дело с частями органического или социального агрегата. И в том и в другом изменения в его частях взаимно определяют друг друга, и, равным образом, изменившиеся деятельности частей взаимно зависят друг от друга. А кроме того, и тут и там степень этой взаимной зависимости растет по мере прогресса развития. На низшей ступени, животное—это один желудок, одна дыхательная поверхность, один орган. Превращение в более высокий тип с особыми придатками, которые служат для перемещения животного с места на место или для схватывания пищи, возможно лишь тогда, когда эти придаточные образования теряют свою прежнюю способность всасывать пищу из непосредственно окружающей тело среды и когда эта функция выполняется другими частями, сохранившими эту способность всасывания. Дыхательная поверхность, служащая для обеспечения питательных соков кислородом, может возникнуть лишь при том условии, чтобы связанная с этим потеря ее способности самой добывать нужный материал для восстановления и для роста была возмещена развитием особого органа, который доставляет ей этот материал.

То же самое происходит и с обществом. Мы с полным основанием говорим об его организации, и этим хотим сказать, что в нем имеются особенности того же характера. На первобытной своей ступени общество, как целое, есть одновременно воин, охотник, строитель, оружейник и т. д., т. е. здесь каждая отдельная часть удовлетворяет все потребности. Прогрессивное развитие к такой ступени, которая характеризуется наличием постоянной армии, возможно лишь

с образованием учреждений, обеспечивающих снабжение этой армии продовольствием, одеждой и военным снаряжением со стороны всего прочего общества. Когда население в одном месте занимается исключительно земледелием, а в другом— только горным делом, когда одни производят товары, в то время как другие распределяют их, то это предполагает, что в возмещение особого рода услуг, которые оказывает каждая из этих частей другим, эти другие части, с своей стороны, предоставляют первым соответствующую долю собственных услуг.

Это разделение труда, которое, как известно, впервые было доказано экономистами, как социальное явление, а затем признано было для живых существ биологами, назвавшими его „физиологическим разделением труда", есть то, что только и делает живым целым как общество, так и отдельное животное.

Я особенно подчеркиваю ту истину, что по отношению к этому основному признаку социальный и индивидуальный организм совершенно сходны друг с другом. Когда мы видим, что у млекопитающего прекращение деятельности легких очень скоро влечет за собой остановку сердца; что с невозможностью для желудка выполнять его функцию мало-помалу замирают и все прочие части; что паралич членов ведет, в конце концов, к смерти всего тела вследствие недостатка питания или неспособности противостоять опасности, что даже потеря незначительного органа, напр., глаза, лишает все прочее тело услуги, необходимой для его сохранения,—то мы не можем не признать, что взаимная зависимость частей составляет весьма существенную характерную черту организма. А когда мы, с другой стороны, наблюдаем в обществе, как рабочие железодельательной промышленности прекращают свою деятельность, когда горнопромышленные рабочие перестают доставлять им материал; как изготовление готового платья не может продолжаться при недостатке текстильного сырья; как вся фабричная работа приостанавливается, когда не действуют органы, производящие и распределяющие продовольствие; как, наконец, и господствующие силы: правительство, чиновники, судьи, полиция, не в состоянии более сохранять порядок, когда подчиненные им части не снабжают их всем необходимым для жизни,—тогда ясно, что и тут имеется столь же тесная взаимная зависимость частей, как и там. Как бы ни были различны во всем остальном оба рода агрегатов, они вполне сходны между собой в отношении этой существенной характерной черты и обусловленных ею особенностей.

До какой степени жизнь целого составляется из комбинированной деятельности взаимно зависящих частей и каким образом отсюда вытекает параллелизм между социальной

и животной жизнью, нам станет еще яснее, если мы примем во внимание, что жизнь каждого видимого организма складывается из жизней единиц, которые слишком малы, чтобы их можно было видеть невооруженным глазом.

Разительный пример тому дает нам замечательная группа Мухомицетес. Споры или зародыши этих форм становятся реснитчатыми монадами, которые после некоторого периода оживленного движения превращаются в подобие амебы, чтобы медленно ползти, принимать пищу, расти и размножаться путем деления. Затем эти амебообразные особи снова сползаются вместе, начинают сливаться в большие группы, каковые опять-таки соединяются вместе, так что получается масса, которая иногда едва видима, а иногда величиною с ладонь. Этот так называемый plasmodium, будучи неправильной формы, сетчатого строения и студенистой массы, в свою очередь, сам производит движения своих частей, подобные движениям гигантской корненожки; он медленно ползет по поверхности гниющих веществ и даже подымается по стеблям растений. Здесь, таким образом, мы ясно видим, как множество незначительных живых особей соединяются, чтобы создать относительно большой агрегат, в котором, невидимому, утрачивается их отдельная индивидуальность, но совместная жизнь которых составляется из комбинаций их отдельных жизней.

В других случаях вместо единиц, которые первоначально разделены и теряют свою индивидуальность лишь путем соединения, перед нами выступают такие формы, где единицы происходят путем размножения

из одного и того же зародыша и затем никогда не теряют своей связи, хотя, тем не менее, еще весьма ясно обнаруживается особое существование каждой такой единицы. У живой губки, напр., находятся роговые волокна, одетые в студенистое вещество, которое, как нам показывает микроскопическое исследование, состоит из подвижных монад. Мы не можем отрицать жизнь губки, как целого, ибо она проявляет известную деятельность, как совокупность. Наружные амебообразные единицы частично теряют свою индивидуальность путем слияния в охранительный слой, или кожу; сеть волокон, служащая для поддержания внешней формы целого, образуется общей деятельностью монад; точно так же, благодаря этой совокупной Деятельности образуются и те потоки воды, которые всасываются через мелкие отверстия и выталкиваются обратно через крупные. Но в то время как в этих явлениях выражается слабая общая жизнь, все же жизни многих тысяч составляющих целое единиц лишь мало подчинены этой общей жизни; они представляют как бы народ, в котором едва только начинается разделение функций, или, как это выразил профессор Гексли: „губка представляет собой нечто

39

в роде подводного города, где люди выстроились вдоль улиц и переулков таким образом, что каждый легко может выловить свое питание из воды, проплывающей мимо него".

„Даже у высших животных можно проследить эти отношения между жизнью общности и отдельных ее составных частей. Кровь есть жидкость, в которой на ряду с питательными веществами, обращается бесчисленное множество живых единиц—красных телец. Каждое из них имеет собственную биографию. В первой своей стадии, в которой его называют белым или бесцветным красным шариком, каждое красное тельце производит самостоятельные движения, на подобие амебы. „Можно затем заметить краску, которая скоро собирается внутри нее"; „и во многих случаях фактически наблюдали, как бесцветные красные тельца поглощали своих меньших товарищей—красные красные тельца".

„Таким образом, после того, как мы видели, что обыкновенный живой организм можно рассматривать, как народ, состоящий из единиц, каждая из которых ведет свою особую жизнь и среди которых многие обладают довольно значительной независимостью, нам будет совсем нетрудно рассматривать народ, состоящий из человеческих существ, также как организм.

Отношение между жизнью единиц и жизнью агрегата представляет еще одну особенность, общую обоим случаям. Жизнь агрегата может быть разрушена благодаря какой-либо катастрофе без того, чтобы тем самым была уничтожена также жизнь всех составляющих его единиц, между тем как, с другой стороны, жизнь агрегата, если только ее преждевременно не прерывает катастрофа, продолжается гораздо дольше, чем жизнь его единиц.

У холоднокровных животных реснитчатые клетки продолжают свои движения с совершенной правильностью еще долго после того как животное, часть которого они составляют, становится мертвым и недвижимым. И мышечные волокна еще сохраняют способность сокращаться под влиянием раздражений".

„Подобным же образом может прекратиться всякая торговая деятельность, всякая работа правительственной машины и т. д. которые составляют общую жизнь народа, напр., вследствие внутренних взрывов, без того, чтобы тем самым должна была прекратиться и деятельность отдельных его единиц. Некоторые классы этого народа, в особенности широко-распространенные и проживающие в более отдаленных местностях, которые занимаются производством средств питания, еще долго могут продолжать существовать и, как прежде, заниматься своим особым делом.

С другой стороны, мы видим, как каждый из мелких живых элементов, которые составляют взрослых животных, раз-

40

вивается, выполняет свою особую задачу, вновь распадается и, наконец, замещается другим, в то время как животное в качестве целого спокойно продолжает жить. В более глубоком слое кожи путем постоянного деления образуются клетки, которые по мере своего увеличения продвигаются наружу, затем

сплюсциваются, чтобы образовать эпидермис, и, наконец, отшелушиваются, уступая место находящимся под ними более молодым клеткам".

„Это замещение происходит в одних тканях очень быстро, а в других лишь медленно, но в среднем в продолжение всего существования отдельного организма каждая его частица, по крайней мере, несколько раз воспроизводится и разрушается.

То же самое происходит и с обществом и его единицами. Общество в целом, а также более крупные его подразделения, продолжают существовать из года в год, несмотря на умирание некоторого числа входящих в его состав граждан. Совокупность живых лиц, которые, напр., производят в фабричном городе известный продукт для народного потребления, остается по истечении ста лет столь же крупной совокупностью, несмотря на то, что все мастера и рабочие, которые ее составляли, уже давно умерли. То же самое относится и к меньшим частям этого промышленного организма. Фирма, возникшая при одном из прежних поколений и продолжающая свою деятельность под именем своего основателя, быть может, несколько раз уже переменяла своих владельцев и служащих, продолжая, тем не менее, занимать то же положение и сохранять те же отношения с покупателями и продавцами. Это наблюдаем мы повсюду. Правительственные учреждения более широкого и местного характера, церковные корпорации, армия, учреждения всякого рода, вплоть до цехов, клубов, обществ взаимопомощи и т. д., обнаруживают более продолжительное существование, чем жизнь составляющих их лиц. Мало того. Из того же закона вытекает, что существование общества в целом превосходит по продолжительности существование ближайших его составных частей. Частные объединения, местные правительственные установления, второстепенные национальные учреждения, отдельные города, посвятившие себя особым отраслям промышленности, могут распасться, в то время как весь народ сохраняет свою целостность и увеличивается в размерах и сложности своего внутреннего строения.

В обоих случаях, где, таким образом, взаимно зависимые между собой функции различных отделов слагаются каждая из деятельностей многочисленных единиц, это имеет своим следствием то, что, когда эти единицы одна за другой умирают и замещаются новыми, это не влияет заметным образом на то общественное отправление, в котором они прини-

41

мали участие. Каждое отдельное новое волокно мышцы в свое время изнашивается, и на его месте образуется новое, в то время как прочие продолжают, как и прежде, свои комбинированные сокращения; и отставка чиновника и смерть купца так же мало потрясают деятельность того учреждения или торгового предприятия, в которых они были заняты.

Тем самым, в социальном организме, как и в индивидуальном, жизнь целого возвышается над жизнями единиц и совершенно отлична от последних, хотя и составляется из них.

От этих черт сходства между социальным и индивидуальным организмом мы должны обратиться к чертам существенного различия между ними. Отдельные части животного составляют конкретное целое, напротив, части общества составляют раздельное, дискретное целое. В то время, как живые единицы, составляющие животное, тесно связаны между собой и находятся в ближайшем соприкосновении, единицы, образующие общество, являются свободными существами, не соприкасающимися между собой и более или менее рассеянными. Какой же может тут быть параллелизм?

Хотя это различие очень глубоко и как будто не допускает аналогии, но более тщательное исследование доказывает, что оно менее существенно, чем это могло бы показаться с первого взгляда. Ниже я докажу, что полное признание этого различия вполне совместимо с упомянутыми аналогиями; но сначала посмотрим, как, в случае надобности, можно было бы сделать попытку доказать, что даже в этом отношении существует менее значительное противоречие, чем это кажется с первого взгляда.

Можно сказать, что в физическом смысле сложное тело животного не во всей своей массе состоит из живых единиц, но значительную часть его составляют обособившиеся части, которые были образованы жизнедеятельными частями, ставшими потом полуживыми, и во многих случаях, наконец, совсем безжизненными. В качестве примера можно привести протоплазматический слой, который лежит под кожей,

и указать на то, что он состоит из действительно живых единиц, но образующиеся в нем клетки, превращаясь в чешую эпидермиса, становятся неживыми охранительными образованиями; и по отношению к нечувствительным волосам, ногтям, рогам и т. д. можно было бы указать, что хотя подобные образования и представляют составные части тела, но едва ли их можно назвать его живыми частями. Кто пожелал бы продолжать это исследование, тот мог бы указать, что и во многих других частях тела существуют подобные слои

42

с обильной протоплазмой, из которых вырастают ткани, составляющие разнообразные органы; эти слои одни только сохраняют “полную жизнеспособность, в то время как развившиеся из них образования теряют свою жизненность по мере своей специализации, таковы, напр., хрящи, сухожилия и соединительная ткань, где это особенно заметно. Из всего этого можно вывести заключение, что, хотя тело животного и представляет одно связное целое, но его существенные единицы, рассматриваемые сами по себе, образуют такую целостность лишь там, где находятся протоплазматические слои.

К этому можно было бы прибавить ряд фактов, которые показывают, что социальный организм, при правильном взгляде на него, представляется гораздо менее прерывистым, чем это обычно думают. Точно так же, как мы включаем в понятие индивидуального организма, на ряду с действительно живыми частями, также и менее живые и даже совсем не живые, принимающие участие в деятельности целого, так, в соответствии с этим, нам следовало бы, собственно, и в социальном организме иметь в виду не только наиболее жизненные единицы—человеческие существа, которые, главным образом, обуславливают его явления, но и всякого рода домашних животных, которые, хотя и стоят на низшей ступени жизни и подчинены человеку, все же оказывают ему свое содействие; можно было бы привлечь сюда и существа, гораздо более низкие—растения, которые, размножаясь благодаря человеческой деятельности, доставляют материал для животной и человеческой деятельности. В защиту такого взгляда можно было бы указать, в какой мере эти низшие классы организмов, сосуществующие с людьми, объединенными в общества, влияют на организацию и на деятельность этих обществ; как особенности пастушеского типа зависят от природы животных, содержащихся в стадах, и как в оседлых обществах растения, из которых извлекаются предметы питания, материал для текстильных товаров и т. д., обуславливают вполне определенную форму социального уклада и жизненных проявлений. А поскольку физические и духовные особенности и образ жизни человеческих единиц, отчасти по крайней мере, складываются в зависимости от отношений к этим растениям и животным, которые существуют благодаря людям и, в свою очередь, полезны для их жизни и потому так тесно связаны с социальной жизнью, что даже являются предметом законодательства, — постольку можно с основанием утверждать, что эти низшие формы не должны быть исключены из представления о социальном организме. Отсюда можно было бы вывести заключение, что если, кроме человеческих существ, включить в понятие общества и стоящих: на менее высокой ступени животных и растения,

43

находящиеся на занимаемой обществом земной поверхности, то перед нами будет такой агрегат, в котором непрерывность частей весьма значительно приближается к непрерывности индивидуального организма. Сходство проявляется еще и в том, что такой социальный агрегат составляется из местных объединений, состоящих из единиц, обладающих высокой жизненностью, вложенных в обширный агрегат единиц с разнообразными, более низкими степенями жизненности, каковые, в свою очередь, в известном смысле производятся, преобразуются и регулируются более высокими единицами.

Но даже не разделяя этого взгляда и допуская, что раздельность (дискретность) социального организма стоит в резком противоречии с цельностью (конкретностью) индивидуального организма, это возражение можно вполне удовлетворительно опровергнуть.

Хотя связь между частями индивидуального организма является предпосылкой для того взаимодействия, благодаря которому происходит его жизнь, и хотя члены социального организма, не составляя подобного конкретного, целого, не могут и проявлять взаимодействия при помощи подобных

непосредственно передаваемых от одной части к другой физических влияний, однако подобная кооперация может происходить и происходит на самом деле иным путем. Не находясь в соприкосновении между собой, они все же влияют друг на друга через пространство при помощи языка чувств, а также при помощи языка ума, устного и письменного. Для выполнения взаимно-зависимых действий требуется, чтобы импульсы, приспособленные друг к другу в отношении их характера, степени и времени, могли передаваться от одной части к другой. В живых существах это условие выполняется молекулярными движениями волн, которые у самых низших форм распространяются совершенно неопределенно, напротив, у более высоких форм устремляются по определенным каналам (их функция носит весьма характерное наименование „посреднической“). В человеческом же обществе та же самая функция выполняется путем знаков,, выражающих чувства и мысли, каковые переносятся от одного лица к другому, сперва неопределенным образом и на короткие расстояния, но позднее в более определенной форме и на большие расстояния. Иными' словами: эта посредническая функция, хотя и не проводится путем физически-передаваемых раздражений, тем не менее выполняется при помощи языка, передающего душевные и умственные движения.

Таким образом, весьма действительно устанавливается та взаимная зависимость частей, которая образует основу организации. И хотя социальный агрегат не разделен, но конкретен, тем не менее он составляет одно живое целое.

44

Продолжая мысленно следовать по пути, открытому этими возражениями и ответам на них, мы наталкиваемся на другой контраст, имеющий большое значение, контраст, существенно влияющий на наше понимание целей, к достижению которых должна стремиться социальная жизнь.

Хотя эта раздельность социального организма отнюдь не препятствует прогрессирующему разделению функций и взаимной зависимости частей, однако, она не допускает такой дифференциации, при которой одна часть превращается в орган чувствования и мышления, в то время как другие части утрачивают всякую чувствительность. Высшие животные любого класса отличаются от низших своею сложной и высоко интегрированной нервной системой. Можно сказать, что в то время как у низших, форм крошечные, повсюду рассеянные нервные клетки существуют лишь для блага прочих образований, у высших форм концентрированные в большие массы нервные узлы являются теми органами, в интересах которых существует все остальное. Хотя задачей и вполне развитой нервной системы является такое управление деятельностью всего тела, чтобы последнее по возможности сохраняло свою целость, однако, конечной целью всех этих видов деятельности является в результате все же благосостояние самой нервной системы: вред, нанесенный другому органу, приобретает значительность в зависимости от того, насколько он приносит нервной системе страдание или лишает ее удовольствия. Но раздельность общества делает совершенно невозможной дифференциацию, которая могла бы возрасти до таких крайних размеров. В индивидуальном организме, где живые единицы, по большей части, длительно локализованы и прирастают, к. одному месту, где зарождаются, размножаются и отмирают, они в течение целого ряда поколений, благодаря отмежеванной им деятельности, подвергаются таким изменениям, что одни становятся особенно чувствительными, а другие совсем бесчувственными. Не так обстоит дело с социальным организмом. Составляющие последний единицы не соприкасаются непосредственно между собой, а также далеко не так крепко привязаны к данному положению, и потому далеко не могут так дифференцироваться, чтобы могли возникнуть совершенно нечувствительные единицы, с одной стороны, а с другой—такие, которые монополизировали бы чувство.

Впрочем, имеются некоторые следы подобной дифференциации. На самом деле человеческие существа различаются между собой по степени восприимчивости и душевных движений, вызываемых одними и теми же причинами: у одних мы находим тупость, у других исключительную восприимчивость, как характерный признак. Единицы, занимающиеся

45

механическим трудом 'и ведущие скучный образ жизни, менее чувствительны, чем единицы, занимающиеся умственным трудом и лучше обеспеченные. Но хотя регулятивные аппараты социального

организма, подобно таковым же индивидуального организма, и обнаруживают известную склонность специализироваться в качестве обиталища чувства, однако, эта тенденция очень скоро встречает препятствие в том, что тут нет той физической связи, которая делает возможным длительное и постоянное разделение функций, а кроме того, этому препятствует то обстоятельство, что и механически работающие единицы для надлежащего выполнения своих функций также постоянно нуждаются в чувстве.

Таким образом, в этом лежит основное различие между обоими видами организма. В одном—сознание сконцентрировано в небольшой части агрегата, в другом—распространено по всему агрегату: все его единицы обладают способностью испытывать наслаждение и страдание, если и не в равной степени, то все же приблизительно одинаково. А поскольку нет общественного чувствилища (*sensorium*), постольку благосостояние агрегата, взятого отдельно и независимо от составляющих его единиц, не может быть целью, к которой должно стремиться. Общество существует для блага своих членов, а не члены—для блага общества. Следует всегда помнить о том, что как бы велики ни были усилия, делаемые для процветания государственного организма, все же притязания последнего сами по себе ничто и приобретают значение лишь постольку, поскольку они, до некоторой степени, воплощают в себе притязания составляющих его индивидов.

От этого последнего соображения, которое скорее является отклонением от нашей аргументации, чем ее частью, мы вернемся назад, чтобы резюмировать основания, которые побуждают нас рассматривать общество, как организм.

Общество подвержено постоянному росту. По мере его роста, части его становятся несходными между собой: таким образом, оно обнаруживает увеличение разнообразия во внутреннем строении. Вместе с тем, неодинаковые части принимают на себя выполнение деятельности разного рода. Эти разные виды деятельности не просто отличаются друг от друга, но их различия стоят в таком отношении между собой, что одна деятельность делает возможной другую. Взаимная поддержка, которую они таким путем оказывают друг другу, вызывает в свою очередь взаимную зависимость частей, и эти взаимно-зависимые части, живя благодаря друг другу и друг для друга, образуют агрегат, построенный на том же общем принципе, как и индивидуальный организм. Аналогия между обществом и организмом покажется еще яснее, когда мы примем во внимание, что

46

каждый организм мало-мальски заметной величины представляет собой общество, и когда мы узнаем, что в том и в другом жизнь единиц продолжается еще некоторое время после того как жизнь агрегата внезапно прекращается, между тем, как наоборот, когда агрегат не уничтожается насильственным образом, жизнь его, в отношении продолжительности, далеко превосходит жизнь отдельных составляющих его единиц. Хотя оба эти агрегата обнаруживают важное различие, а именно: один является раздельным (дискретным), а другой—конкретным, и хотя отсюда вытекает и различие в целях, достигаемых путем организации, однако, это не ведет к различию по отношению к законам организации: требуемые взаимные влияния частей происходят и в обществе, где они проводятся не прямым путем, но косвенным".

Альберт Шэффле

(1831-1903)

Основные связи умственной организации ¹⁾

Нервная система животных составляется из двух элементарных главных составных частей, а именно из нервных клеток или нервных узлов и из примитивных нервных во-, локон, которые сами, в свою очередь, состоят из трубочек, мозга и осевых цилиндров. Нервные волокна идут не только от мозга и обратно к мозгу, но и между клетками серого мозгового вещества; они бегут канатниками, которые все более разделяются, проходят некоторое расстояние в одной оболочке с другими пучками (анастомозируются) и разветвляются в разные стороны. Нервные клетки соединяются группами в качестве нервных узлов (ганглиев) в сером веществе.

И социальное тело обнаруживает в организации своего умственного труда два главных элемента.

Один из них подобен органическим нервным клеткам и нервно-клеточным элементам и состоит из нервного и мыслительного аппарата всех отдельных личностей, из которых составляется, как из своих элементов, социальное тело. Личные умственные рабочие силы, обособленные или объединенные в группы, коллегии, совещательные и иные органы умственного труда, собирают, перераба-

47

тывают и рассылают восприятия и раздражения, являются носителями воспринимающей и самопроизвольной деятельности. Отдельные индивиды и целые корпорации, учреждения, органы власти, собрания функционируют в качестве соответственных органов познания посредством наблюдения, исследования, докладывания, руководства и контроля; в качестве социальных органов чувств в оценках, критике, суждениях вкуса, признаниях и предрассудках; па-конец, в качестве органов воли в обсуждениях, принятии решений, приказах; предписаниях, запретах, агитации и т. д. Эти элементы, вместе с тем, излагают все те наблюдения, предписания об исполнении, познания, определения чувства и воли, которые ими приняты и выработаны. • Вторым элементом—подобным органическому нервному проводу—мы признаем внешние установления для сообщения идей, в особенности, действительно сообщенные внешние изображения или символы.

Деятельность самого изображения, выработка символов и усвоение символов принадлежат личностям, которые являются носителями деятельности наблюдения и исполнения, мыслительной, чувственной и волевой деятельности. Лишь готовый продукт этого изображения попадает в область сообщения. Этот продукт заключается в символах всякого рода: устных сообщениях, жестах, пении, музыкальных произведениях, знаках, рисунках, письме, печати, проявлениях искусства, драматических и оперных представлениях, картинах, статуях, скульптурах и других произведениях изящных искусств. Эти способные к передаче формы выражения идей, которые с ростом культуры все более и более способны к сохранению, нуждаются в соответственных учреждениях для передачи. Символ есть лишь носитель мысли; пространство, через которое эта колесница мысли проходит свой путь, должно быть самым соответственным образом приспособлено в виде внешних установлений сообщения и передачи.

С этими двумя основными составными частями социального сообщения идей, символами и передатчиками, связаны технические, экономические, охранительные и строительные вспомогательные учреждения. Например, библиотека нуждается, кроме книг, каталогов и библиотекарей, в техническо-механическом оборудовании и рабочих силах, в упорядоченном ее содержании, в тщательных мерах охраны и в солидно построенном помещении. То же самое применимо и к любому другому психо-физическому органу. Органическая нервная ткань точно так же снабжена и окружена мускулами, сосудами, охранительными тканями.

Первое: личные (активные) составные части или умственные рабочие силы. Социальная общая производи-

48

тельность умственного труда представляет собой сумму умственных побочных деятельностей всех индивидов в их не-идейной работе и умственных профессиональных деятельностей идейных, так паз. свободных профессий, главным призванием которых является умственный труд. Таким образом, мы должны различать сопутствующую, побочную и главную, профессиональную умственную работу. Поэтому каждый человек, поскольку он в' каком-либо отношении является также умственным работником, принадлежит поэтому к личной, активной части социальной нервной' ткани. Каждый из них со своей умственной силой и своим мозгом изображает собой, по крайней мере, одну конечную клетку воспринимающей (сенситивной) или одну конечную клетку пространственной (моторной) иннервации общественного тела, или, поскольку каждый человеческий индивид является чувствующим и желающим существом, то и другое вместе.

С одной стороны, ни один индивид не бывает только умственным работником. И, наоборот, „простой" рабочий также не бывает только механическим рабочим, но работает и умственно, хотя бы в моменты, когда он приступает к механическому труду или прекращает его, находясь тогда в духовном отношении с руководящим умственным трудом. Кроме того, у всех народов отдельная личность, за пределами своей

механической профессии, принимает участие в мышлении, чувствовании и волевых переживаниях более узкой, более широкой и широчайшей, национальной, общечеловеческой умственной жизни. В соответствии с этим и каждая отдельная личность многими, часто бесчисленными путями сообщения стоит в многосторонней умственной связи с соседями, сотрудниками и спутниками жизни вообще и со всей совокупностью социальной жизни. Индивид является всегда узловым пунктом многих соединительных нитей, но включен в социальную проводку идей, в соединительную ткань всего общественного тела; в соответствии с многосторонностью его умственной деятельности у него может быть бесчисленное множество способов связи с прочими активными элементами социальной умственной жизни. Если большинство нервных клеток животных, имея более одного отростка, не являются „униполярными", но 1 „биполярными" и „мультиполярными", то в гораздо большей степени это относится к любой умственной одиночной силе в социальном теле. Чем выше подымается цивилизация, тем относительно богаче сеть исходящих отнес и возвращающихся к ней нитей умственной связи. Каждая новая книга, которую прочитывает отдельный человек, каждая газета, на которую он подписывается, каждый товарищеский круг, в который он вступает, увеличивает, часто в один день, его участие на дюжины и сотни умственных связей. При посредстве языка,

49

к которому он причастен уже в детстве, который он все более учится употреблять в школе и в жизни, он достигает самой многосторонней способности умственного отношения к совокупности социальной жизни. Впрочем, не каждый овладевает всей сокровищницей языка своего народа, многим доступна лишь ничтожная его часть. Дюпон утверждает, что голуби и куры издают 12 различных тонов, собаки—пятнадцать, кошки—четырнадцать, рогатый скот—двадцать два. Число коренных слов в языках более высоко развитых народов, правда, весьма незначительно: в китайском языке их всего около 450, в еврейском—500, в санскритском—приблизительно столько же; Дорсей допускает, что весь словарь простого человека даже среди просвещенного общества состоит не более, чем из 300 слов. Но по мере прогрессирующего развития язык приобретает все большее число слов. У образованных народов оно большей частью превышает 30000, у китайцев доходит до 70000 слов. Каждый человек склонен вобрать в себя все умственное сокровище языка своего народа, и он делает это в той мере, в какой он „растет с своими целями". Индивиды, находящиеся в умственных и материальных сношениях с другими народами, вместе с иностранными языками полностью усваивают себе умственные сокровища прочих народов и „переводят" их на весь свой народ и для всего своего народа. Наконец, уже здесь следует указать, что каждый отдельный человек, путем умственного наследования, обладает не только индивидуальной, но ужей социальной манерой мыслить, чувствовать и желать. Профессиональная умственная деятельность имеет либо индивидуальный характер, либо, что бывает чаще, представляет коллективный умственный труд. Последнее наблюдается, напр., в коллегиях, совещательных собраниях и т. д. В его распоряжении—целые группы и системы умственных рабочих сил.

Коллективные рабочие силы то находятся в тесном объединении, напр., в парламентах, советах, коллегиях, сенатах, конгрессах, военных советах, заседаниях правлений, совещательных органах всякого рода, то систематически дислоцированных, напр., в сети полицейских постов и правительственных чиновников.

Второе: символы. Мы уже узнали в другом месте, что символы представляют вполне своеобразное явление, свойственное цивилизации, общественному человеку, и мы привели также причины, которые это вызывают. Там же мы резко подчеркнули бесконечное богатство субстанций, форм и целей в общественной символической, ее рост, идущий в ногу с обобществлением или цивилизацией, ее выдающийся общественный характер. Здесь уместно будет развить эти соображения.

50

Символы или идеальные блага имеют частью личный характер: сказанные слова, тона и жесты, язык, пение и мимика, частью—материальный характер: письма, печать, сигналы, картины, памятники, скульптуры. Оба рода символов—внешние „тени" внутренних процессов (Шекспир в „Ричарде II", 4 д. 1 сц.).

1) Общим для всей личной символики характерным признаком является внешнее изображение идей при посредстве собственного тела тех, кто общественно произвели идею, ее приводят или воспроизводят. Символика языка, пенья, жеста, танца, актерского искусства есть собственно-личное изображение идей. Простота этого способа изображения достигает высшей точки в могущественнейшем и влиятельнейшем средстве социального сообщения идей, в языке. Сказанное слово, этот первоначальнейший символ идей, с самого начала является и навсегда остается самым нематериальным могущественнейшим средством повседневной умственной связи человеческого общества. И в смысле социальной науки, действительно „в начале было слово": последнее есть социальный демиург.

Язык не есть случайное орудие и средство частного умственного труда, но, с одной стороны, осадок всей исторической умственной работы народа, а с другой стороны, одинаковая -собственность всех членов народа, или народов, которые на нем говорят. Он принуждает всех товарищей по языку мыслить, чувствовать, желать одним определенным однообразным способом. Внушаемый всем еще в раннем детстве, у самой материнской груди, язык питает всех одним и тем же совокупным умственным продуктом тысячелетней истории народа. Каждым словом, обозначающим сухое понятие, как и пословицей, песней и легендой, один и тот же народный дух затрагивает одообразным приемом струны всякого индивидуального мышления, чувствования и желания и вызывает во всех одинаковый отклик.

Как язык, и в своеобразной форме пение, так и жест представляет собой в высшей степени простое выражение идей: язык, говорящий не уху, а глазу. Индивидуальная сущность мимики делает ее весьма подходящим способом художественного изображения и сообщения идеальных чувств и ценностей. Поэтому мимика становится основой психофизического народного установления, в котором народная душа часто находит самое характерное выражение, а именно театра, драматического искусства представления танца и общительной мимики, во всем широком объеме последней. Драматическое искусство, связанное с танцем, с поэтически связанной и музыкально-гармонической речью, с поэзией и с пением, есть опера.

51

Но по универсальности действия сказанное слово всегда стоит впереди. Хорошая речь действует не только на душу, но непосредственно, определенно и могущественно также и на рассудок и волю.

Словесно-мимическая символика служит средством частью для сообщения мыслей и знаний, напр., в учебной деятельности; частью—для одностороннего и взаимного сообщения чувств и оценок, напр., в большинстве произведений поэзии и музыки, поскольку та и другая не является учебным или целевым искусством; частью—для сообщения и расширения волевых решений; частью же эта символика содержит все эти три группы, в неравномерной и более или менее случайной смеси, напр., при обыкновенном дружеском разговоре, который служит одновременно полем поучения, критики, проектирования и интриги. И в общении для религиозной службы и в ее символике мы находим связь религиозного учения, назидания души, исцеления воли.

2) Признаком огромного, всеобщего и специально народнохозяйственного прогресса в культуре народов является все более сильный рост, все более многообразная формировка и все более всеобщее употребление символических вещественных благ, вещественного изображения, вещественного проявления и сообщения мыслей и познаний, чувств и оценок, волевых определений и решений. Материальные символы способны к накоплению и к дальнейшему распространению.

Изобретение и введение в употребление письменности, книгопечатания, математического изображения величин, хронометрического изображения времени и тому подобных изображений поспособствовали тому, чтобы поднять человеческий род до нынешней высоты в изящных и полезных искусствах, в технике и экономике, в общей деятельности познания и чувства, нравственной и религиозной жизни. Материализованные в письменности, печати, картинах, скульптурах, чертежах познания, оценки и цели стали способны ко всеобщему расширению и восприятию, к длительной передаче и дальнейшему шествию, к накоплению и распространению путем традиции и транспорта.

Слову в устной символике соответствует в материальной символике письмо, языку жестов — образный язык живописи и скульптуры, мимике—графика. Всякого рода письменные произведения, печатные изделия, литература, математические и технические обозначения величин, экономические знаки оценок, планы,

наброски, образцы, модели и т. д. выступают в качестве вещественного изображения определенных мыслей, оценок и волевых направлений.

И материальная символизация приводит не только познания, но и оценки и решения к более или менее длительному

52

выражению, способному к сообщению и циркуляции. Каждое научное знание путем материальной фиксации становится способным к накоплению и распространению. Путем письменного и художественного изображения частные и общественные оценки, возвеличения и осуждения признания и отрицания становятся способны к традиции и передаче, волевые определения становятся всеобщими и длительно устойчивыми в вещественно-фиксированных планах, условиях, призах и т. д.

В материальных символах искусство механического воспроизведения приобретает высочайшую степень действенности и дешевизны. При этом оригинал почти пережит на роль средства производства для индустрии публицистического характера. Эти индустрии размножают в качестве литературного издательства рукопись, в качестве художественного издательства чертежи, рисунки, картины, модели, гравюры на стали и меди и карточки с фотографической пластинки. Тут большей частью имеется, в виду самого начала довести оригинал до потребителя лишь этих воспроизведениях. Расходы художественной работы, литературно-артистического авторства, труда по печатанию, равно издержки вкладываемого в технику издательской промышленности капитала падают с расширением образования и с массовым спросом. Последний снижает цены, и тем самым увеличивает самый спрос. Тут, быть может, и проявляется самое основное и самое замечательное по своим последствиям противоречие между символическими и материальными благами, между средствами умственного содержания и физического существования: „духовный" хлеб человечества, в сосуде символических материальных благ, может беспрестанно удешевляться и умножаться, когда физическому пропитанию, при густом населении, приходится уже бороться : большими трудностями. Потребность в умственных материальных благах для сношений у всех физически-способных к существованию народов экономически почти не имеет пределов. Это прогрессирующее удешевление умственного посредника общества обязано успехам механического воспроизведения символов, в особенности литетатурно-артистической издательской промышленности.

Передача, собирание и сохранение изобразительных материальных благ выступают в художественных произведениях, служащих воспоминанию, в памятниках, в исторических и других общих собраниях сочинений и относящихся к ним частных и общественных собирательных учреждениях: общественных библиотеках, галле реях, учебных коллекциях, частных собраниях, регистрирующих учреждениях, архивах, книгохранилищах и т. д. В импонирующей форме, они имеют большей частью и народно-

53

хозяйственный успех. Тут перед нами аппарат великолепной социальной функции воспоминания, и этот аппарат, механизм которого так неясен психологии отдельного ума, в своей социальной форме совершенно открыт для нас. С ростом цивилизации все большие массы мыслительных, оценочных и волевых определений распространяются в широчайших кругах и подлежат вовлечению в длительное социальное воспоминание. Универсальная публичность и частое освежение благодаря социальному воспоминанию, публичность и традиция возрастают. Для этих, относящихся к самому широкому сознанию социального тела общественных идей, умственных общих благ и традиций слагается в публицистике, литературе, художественных хранилищах сложная и тонко переплетенная социальная ткань духовных учреждений.

Предшествующие соображения о персональной и реальной символике выяснили предварительно все стороны богато-разветвленных внешних психо-физических основных установлений общественного организма. Кто не понимает всего величия и обширности этого аппарата социальной идейной проводки, тому с самого начала недостает понимания важнейших процессов в высокой степени духовной общественной жизни. Необходимо в самых общих чертах вспомнить, что каждый отдельный человек ежедневно и ежечасно вплетен тысячами соединительных нитей в социальный организм, воспринимая, как адресат, сообщая, как отправитель; что от каждого отдельного человека в простых незначительных и в

эстетически-идеальных формах исходят по бесчисленным социальным нервным волокнам духовные воздействия и обратно воспринимаются им из всех пунктов социальной периферии. Одна только нервная проводка ежедневной прессы, которая связывает читателей газет, охватывает целый моток проводящих волокон, которые, в бесконечном сплетении между своей публикой, бегут в различных направлениях. Каждое из бесчисленных слов языка означает общение одних и тех же мыслей, чувств и решений, по крайней мере, у двух человек, а путем прочитанной газеты или книги, быть может,

у миллионов людей.

Третье: формальное и функциональное рас-

членение основных установлений социальной умственной жизни. Органическая нервная ткань ставит все части животного организма в полезные для жизни координационные и субординационные отношения; выполняя эту свою цель, она сама является относительно полной системой самостоятельно и ступенеобразно взаимодействующих и сообщающихся нервных центров. То же самое относится и к духовным основным установлениям социального организма. Через посредство умственных рабочих сил, которые, в одиночку или во

54

взаимодействии, собравшись вместе или рассеявшись, в центре всех общественных установлений наблюдают и побуждают, мыслят, производят оценки и решают, отдельные учреждения социального организма пускаются в ход, способствующий жизни, и систематически объединяются. При этом умственные центры всех установлений сами вступают между собой в отношение взаимодействия, которое является частью координацией на почве свободы (автономия, суверенитет), частью—субординацией в иерархическом господстве и подчинении высших и низших властей, высших и низших инстанций.

Отношение координации мы встречаем, например, преимущественно в области прогрессивного обмена веществ, когда руководящие органы отдельных производительных и торговых предприятий, конкурируя между собой в сбыте и изготовлении, вступают в соглашение с покупающей и продающей публикой на основе полной свободы. Напротив, ярко выраженное господство и подчинение мы встречаем, например, в государственной службе. То и другое имеет место во всех частях социального организма. Так возникает много-стороннейшее расчленение координированных, а равно начальствующих и подчиненных центров частью путем индивидуальной, частью путем коллективной умственной деятельности.

1) Функциональное расчленение. Психологически, мы различаем в качестве начальных и конечных пунктов умственной деятельности сенситивные и моторные функции. Между ними лежит деятельность познания, чувства и воли. И умственный коллективный труд показывает, как эти различные формы деятельности, частью резко разграниченные, частью совершенно смешанные, частью в самых разнообразных отношениях смеси, связывают самостоятельную умственную работу отдельного человека.

Первая, а именно сенситивная функция—это принятие чувственных ощущений, восприятие, наблюдение. Последнее, поскольку оно представляет коллективный труд, мы находим то совершенно обособленным, напр., в статистике, то смешанным с другими функциями, напр., в полиции. Самостоятельная деятельность наблюдения идет в своем расчленении так далеко, что образует форменную иерархическую лестницу; напр., наблюдения, имеющие общий интерес, переносятся в высшие центры символическим употреблением донесений, в то время, как масса чувственных восприятий уже перерабатывается в периферии, чтобы превратиться в симпатические и рефлекторные движения, без обращения к высшим руководящим центрам.

Вторая, а именно моторная функция или руководство исполнением, равным образом имеет частью самостоя-

55

тельную, частью смешанную организацию: исполнительным органом в чистой форме является, напр., командование армией, офицерский корпус. Исполнительным и вместе с тем познающим, оценивающим и

принимающим решения органом является правительство государства. И в моторной сфере двигательного возбуждения мы встречаем как координационные, так и субординационные отношения. Иерархия офицерского корпуса, административных и полицейских должностей обнаруживает строгое подчинение приказам, распоряжениям, инструкциям, и предписаниям „сверху“, с другой стороны, мы видим, что и средним и низшим местам предоставляется самостоятельное рефлекторно симпатическое приведение в исполнение в местных и маловажных вопросах.

Между органами восприятия (чувства) и перевода воли в действие (моторная нервная деятельность, двигательное возбуждение) мы мыслили в середине: в третьих, организацию деятельности познания, в четвертых—организацию оценочных соображений и, в пятых, организацию* определения воли. Эта тройная деятельность, более подробный внешний процесс которой не может проследить аналогически органическая нервная физиология, в социальном организме широко открыта перед нами во всем своем развитии. Каждое более значительное церковное или светское хозяйственное или вне-хозяйственное дело, соответственно своей умственной деятельности, дает всем трем главным направлениям более или менее разветвленную основную организацию. Мы видим, что не только отдельные умственные работники, но и целые группы их, проявляют тройного рода деятельность. Каждое более крупное предприятие имеет собственный центр своего умственного руководства, состоящий из нескольких совещающихся между собой лиц, для исчисления, оценки и практического использования товаров. Подобные же специальные группы руководящего умственного труда мы видим во всех периферически-партикулярных, а полностью в центральных органах социального организма: совещательных, судящих, решающих коллегиях государственного, церковного, педагогического, научного характера, военных советах и офицерских корпусах, парламентах, советах министров и т. д.

Не только психическое различие отдельных духовных учреждений, но и различие места и предметов, где и для которых они устраиваются, обосновывает деление умственной организации социального тела. Это „территориальное" и „реальное" деление обычно не лишено плана и основания. Для различных округов и для различных предметов мы находим в случае надобности и особые органы умственного труда (местное расчленение, реальное расчленение). В каждой области общественного тела, правда,

56

повторяется в общих чертах одинаковая организация умственного труда, но каждая имеет свои особенности в отношении водворения, охраны и безопасности, существует особая организация для хозяйственного предприятия, для рынка, для школы, церкви, светской общины, юстиции, полиции, товарищества; вспомним бесчисленные органы власти, управления, правления, мастеров, административные советы, биржевые советы, школьные советы, церковные советы, общинные советы, судебные коллегии, правления союзов и т. д. И все они, с одной стороны, в отдельности сообщаются с периферией, а с другой стороны, соединяются для сношений с центром в самостоятельные главные пучки, подведомственные особым главным местам.

2) Формальное расчленение (субординация и координация). И социальная нервная ткань имеет главные центры и низшие инстанции. Чтобы тотчас же ясно понять это, надо вспомнить о расчленении совещательных, и исследующих, судящих и оценивающих, решающих и командующих членов светско-государственной и религиозно-церковной иерархии, от монарха и министра до последнего сельского общинного советника, от папы и консистории до последнего пастора, от фельдмаршала до унтер-офицера, от министерства народного просвещения до местного школьного совета, от центрального управления большой железной дороги до отдельного обер-кондуктора или станционного чиновника, от директора завода до мастера, от государственного парламента и мирового конгресса до местного представительства и местного союза. Между ними лежат воспринимающие, перерабатывающие и возбуждающие или дальше проводящие средние места, которые равным образом либо только продолжают центральное нервное действие в восходящем и центростремительном сгущении, как и в нисходящем центробежном разветвлении, либо модифицируют его подготовлением и выполнением, либо выполняют рефлекторно и симпатически самостоятельные, чуждые центральным органам действия автономии. Это применимо ко всем областям социальной жизни: в церкви, школе и народном хозяйстве (напр., при

образовании цен мировых рынков, окружных и местных рынков), особенно же в государстве с его центральными, провинциальными, окружными, местными органами власти, которые, наблюдая, направляя, решая и приказывая, вообще, частью имеют самостоятельный (автономный) круг действия, частью являются посредствующим звеном, частью образуют высшую инстанцию— или только для того, чтобы делать сообщения высшим органам или же, без таких сообщений, решать по отношению к низшим органам. Даже в нынешнем народном хозяйстве, которое в такой большой степени обходится без единого

57

руководства, имеется умственная посредствующая координация местных и такая же градация малых, больших и огромных предприятий и рынков.

Центральные и средние носители социального умственного труда сосредоточены в столичных городах, этих чередах социального организма, и в позвоночнике средних провинциальных и главных окружных городов, откуда они излучают свой свет в дальнейших разветвлениях ко всей периферии социального тела. И политические силы законодательства и правительства имеют свое умственное средоточие в главных городах. Центральные органы управления имеют свое постоянное местопребывание в более крупных городах. Далее, столица оказывается центральным пунктом для выдающихся умственных сил церкви, науки, искусства, школы, общественности.

Как различные ганглии частей центрального мозга связаны между собой волокнами, так и политические и внеполитические центры имеют между собой сообщение в главных местах нахождения социальной жизни.

Функциональное своеобразие, территориальный объем и предмет задач определяют традицию инстанций.

Волевые решения и волевые выполнения требуют строгого господства и подчинения. Что касается коллективных волевых решений, то социальная жизнь так же мало может обойтись вообще без дисциплины, как и животная органическая жизнь.. Абсолютная автономия, анархия, привлекательное или непривлекательное отсутствие правительства есть бессмыслица. • Но итогом психофизической волевой организации является прочное господство решающей воли над выполняющей волей, установление и упрочение господства, правления, руководства, подчинения, исключительного решения.

Напротив, в мыслительной работе и в установлении оценок, равно как в предшествующем решениям обсуждении, невозможны и не нужны какие-либо отношения господства и подчинения. Одни только волевые решения и исполнения безусловно требуют установления исключительно решающих и приводящих в исполнение органов и послушания внешних исполнительных членов социальных организаций, т. е. прочного господства всех решающих и определенное подчинение выполняющих сил.

В особенности бросается в глаза органическая аналогия для тех установлений, через которые проводятся современные функции народного хозяйства. Эти установления по своему положению, строению и разветвлению обнаруживают явления, сходные с *nervus sympathicus*. По всему позвоночнику более крупных колоний распространяются в многостороннем разветвлении центральные узлы

58

умственного руководства различных отраслей добывающей и обрабатывающей промышленности и торговли. Рынки представляют собой пояс центров хозяйственного умственного труда для наблюдения, оценки и движения товаров без необходимости главного центра в крупном городе. Таким образом, духовное взаимодействие совершается в народном хозяйстве не как центральное распознавание, расценка и упорядочение всех величин производства и спроса из одного пункта, но как общественное взаимодействие множества рассеянных специальных рынков со всеми прочими, многих предприятий и потребностей каждой области рынка между собой. Даже социалистическое государство, для того чтобы стать реальностью, равным образом, должно было бы сосредоточить производство и сбыт в различных центрах, установить между ними

равновесие в зависимости от потребностей и запасов, с разграничением областей производства и потребления, вообще, отказаться от абсолютной централизации социального обмена веществ, но довольствоваться той аналогичной степенью центрального воздействия, которой подчинен растительный -жизненный процесс животного организма; тут мы найдем совершенно неожиданное подтверждение специального учения о социальном обмене веществ.

Даже умственный труд различных центральных органов не является абсолютно единым. Государство не может полностью и всесторонне, при помощи умственных сил правительства, проводить также и внешнеполитическое действие социального тела. Оно не может, не запутавшись, потерять свою единую символику и сделать опыт постройки вавилонской башни. Но оно этого не делает, как показывает опыт,, даже в таких странах и в такие эпохи, которые подвергаются нервной и умственной болезни безостановочного все делания, всемогущей государственной централизации. Но мы видим, что государство создает себе, для своей преимущественно практической деятельности и единообразно-механического действия, свои особые организации умственного труда, как центр коллективно-сознательного движения. Рядом с ним церковь, школа, искусство - наука, общественность обладают, в свою очередь, другими центрами. Более того. Собственно-центральный орган правительства распадается на множество министерств и центральных управлений, работа главы государства с своим министерством не является совершенно единой, но представляет разветвленное взаимодействие различных центральных органов. Это доказывает даже центральнейшее государственное действие— принятие решений в совете министров под председательством главы государства.

59

Фердинанд Теннис

(Род. в 1855 г.)

Общение и общество

„Из всего этого вытекает, что воля к существованию несет в себе условия для общения, в то время как воля к выбору создает общество. И следовательно, женщинам преимущественно подходит и даже необходима сфера жизни и труда в общении. Естественным местом для ее деятельности является дом, а не рынок, своя или своего друга комната, а не улица. Домашнее хозяйство самостоятельно и крепко в деревне, да и в городе оно еще сохранилось, совершенствуясь и преображаясь в красоту; но в больших городах оно становится бесплодным, узким, ничтожным; оно гибнет превращаясь в голое понятие квартиры, повсюду одинаковой, какую можно всегда иметь за те или иные деньги; это в роде гостиницы в пути, в мире. И постоянное пребывание дома, в обычном народном восприятии, так же женственно, как неженственно всякое путешествие. Когда-то была у ремесленников поговорка: „Парень, который не странствовал, так же хорош, как девушка, которая странствовала". Вся ее деятельность есть более творчество вовнутрь, чем действие вовне. Цель этой деятельности довлеет себе, но не своему окончанию. Поэтому, пожалуй, личные услуги кажутся подходящими для женщины, поскольку они завершаются сами собой и не могут иметь задачей тот или иной результат. Так, женщине вполне подходят и многие земледельческие работы, каковые всегда, при самых нормальных обстоятельствах, требовались от нее, часто даже в чрезмерной степени, ибо земледелие есть просто работа, самозабвенный труд, оно может быть понято, как служение природе; оно находится в непосредственной близости с домашним хозяйством и плодотворно для него по своим результатам.

Далее, среди искусств, говорящие, следовало бы сказать звучащие, искусства более женственны, чем искусства что-либо образующие... Ибо музыка, пение—главным образом дар женщины: ее высокий, звучный, мягкий и гибкий голос есть орган защиты и нападения. Крик и визг, торжество и скорбь, как и всякий богатый звуками смех и плач, изливающийся, в конце концов, в слова, вырываются у нее из души, как источник из скалы. И музыка является громким выражением движения души, как мимика—немым. Все музы— женщины, а мать их—Воспоминание. Между музыкой и мимикой стоит танец; эти столь бесцельные, страстные

и грациозные движения, в которых даже женщины изнеженного воспитания проявляют такую силу, которая, при планомерном ее напряжении, наверное, привела бы к смертельной усталости. Но как легки также они научаются всему бессмысленно - приятному, осмысленно - чудесному! Отсюда их приверженность к формам, к старым обычаям, пословицам, загадкам, чудесам, к трагическим и комическим историям; их склонность к подражанию, их любовь к милому притворству и ко всему, что играет, восхищает, ко всему простосердечному; а вместе с тем их склонность и настроение к самой глубокой грустной серьезности, к благочестивому страху и к молитве, к исполненному предчувствия выражению лица, и, как было ранее сказано, к мечтанию, измышлениям и поэзии. Пение и поэзия имеют общее происхождение; но и пение и речь лишь постепенно отделяются друг от друга, и каждое развивается самостоятельно; тем не менее, собственно разговорное всегда сохраняет в себе многое из интервалов и кадансов пения. (Но мы уже позволили себе высказать предположение, что язык был изобретен материнской любовью просто как естественное понимание содержания слов. Было бы гораздо правильнее сказать: не изобретен, но сильнее всего стимулирован, ибо и половая любовь, уже начиная с мира животных, принимает в этом большое участие, особенно значительное—в музыкальном и собственно патетическом, заключающемся в пении и речи. То, что так глубоко возбуждает душу, стремится к выражению в радости и страдании, делает людей красноречивыми и общительными, и становится искусством, когда бесформенное чувство ищет и находит свой образ. Женское сердце отдается более непосредственно торжеству и жалобам, а любовь, его священная способность, будучи страстью, наполняет мысли, но вместе с тем побуждает и к хитростям и к интригам, как орудиям более слабого пола, вообще же, непосредственная (наивная) деятельность переходит в рефлектирующую, а последняя развивается в более сознательный выбор средств, и, таким образом, ведет к более резкому различению целей, и, в конце концов, даже к противоположению средств целям). Среди образующих что-либо, созидающих искусств—в широком значении этого слова—наиболее свойственны женскому духу, как известно, вязальные искусства, хотя бы вследствие их домашнего назначения; этот вид труда, при котором требуется близость к объекту, тщательная заботливость, точное воспроизведение образца, неуклонное и терпеливое следование перенимаемому стилю, а вместе с тем предоставляется свобода выдумки в создании изящных форм, незначительных завитушек, где и проявляется вся интенсивность вкуса, направленного к теплоте, нежному, уютному,—наиболее соответствует добродетелям и радостям женской души.

Также подлинно-любимым делом для нее является отображение действительного, нравящегося, вызывающего восхищение, в особенности, физически-приятных и прекрасных образов, для сохранения воспоминания при лицемерии; не даром, красивая эллинская легенда приписывает женщине изобретение портретного искусства. Конечно, в теневой проекции форм на плоскости—откуда происходит и искусство письма—женский гений находит свои границы, ибо пластика и строительное искусство требуют более мощной и более сознательной фантазии и более сильного господства над сопротивлением материи.

Последнее есть дело мужчины, которому материя чужда, если не враждебна, и эту материю он должен преобразовать, если не преодолеть. И все же, всякий труд, поскольку он производится не с явным отвращением, не ради своей цели, относится к воле, к существованию. Так всякий труд, по природе своей, в большей или меньшей степени относится к общению и может быть определен понятием одного лишь средства в тем большей степени, чем более он связан с усилием и мучением; поэтому всякий мужской и суровый труд скорее является средством, чем женский и мягкий труд. Тем самым, моменты этой диалектики заключаются частью в объекте, частью в человеческом духе. Но всякое искусство, по природе своей, подобно сельским и домашним занятиям, относится к области теплого, мягкого и влажного, т. е. органически живого, и именно поэтому естественно-женского труда, и относится, следовательно, к общению (*gemeinschaftlich Ist*). Общение, в свою очередь, преобразует и неприятный труд в род искусства, сообщая ему стиль, достоинство и прелесть и вводя его в известный ранг, как почетную профессию. Но благодаря денежному вознаграждению, а также выставлению на продажу готовых изделий, наконец, благодаря работе про запас, этот процесс имеет

постоянную тенденцию превращаться в свою противоположность: сделать индивидуума своим единственным субъектом, на ряду с воображаемой вещью, стоящей вместе с ним,—с обществом.

Подобный субъект, как уже прежде рассматривалось, по всем своим свойствам и вполне сознательно является торговцем или купцом. Здесь противоположность и взаимное отрицание средств и цели тем более явственны, что средства не являются трудом, хотя и представляют собой неприятную, тяжелую, сухую деятельность. Но, что гораздо хуже, тут имеется добровольное уменьшение, как бы оно ни старалось быть возможно незначительнее, своего имущества, риск, который по природе своей так же неприятен, как барыш по природе своей приятен. Отсюда для нас ясно, насколько торговля должна быть противна женской душе. Торговка, представлявшая собой уже в ранней городской жизни перед-

62

кое явление, выступает также в правовом отношении из своей естественной сферы, она—первая полноправная эмансипированная женщина.

Конечно, торговля, как и всякий другой промысел, может вестись честно и добросовестно. Но чем более она планомерна, т. е. чем шире она поставлена, тем более она ведет и соблазняет к хитрости и лжи, как к действительным, большей частью, средствам для достижения высоких прибылей или для покрытия убытков. Исключительное желание обогатиться делает купца беспощадным; он превращается в тип эгоистически самовластного индивидуума, для которого все прочие люди—по крайней мере, за пределами тесного круга его друзей—являются лишь средствами и орудиями его целей; он есть, в собственном смысле слова, общественный человек. В его речи непосредственное всего выражается воля к выбору. Слова, которые он выбирает, рассчитаны по их действию, поэтому и правда, если она менее действительна, легко переходит в ложь, как в более действительный прием. В торговле не считается недопустимой та ложь, которая направлена лишь к тому, чтобы возбудить желание купить, ибо она не считается с обманом, который выражается в продаже товара выше его стоимости. Но все, что считается в системе торговли необходимым в смысле рассчитанных слов, если и не есть ложь в собственном смысле, то по существу является неправдой, ибо слово лишилось своих качеств и (подобно всевозможным вещам) принизилось до одного лишь количества применяемых средств. Так, в более широком смысле, ложь есть характерный элемент общества.

Но в таком же отношении, как к торговле, стоит женщина и ко всякому несвободно-свободному труду и услугам, которые не соответствуют ее наклонностям и привычкам и вместе с тем не вытекают из ее чувства долга; таков продажный и проданный труд, не получающий своего продукта и оказывающий услугу не человеку и не природе, но мертвому инструменту страшной, подавляющей силы: мы говорим о фабричном труде. Но именно для этого обслуживания машин женская рабочая сила кажется субъектам капиталистического производства особенно подходящей, ибо она наиболее соответствует понятию простого и среднего человеческого труда, находясь посередине между ловкостью и гибкостью детского труда и силой и уверенностью мужского труда. Ибо, когда этот простой фабричный труд легок, тогда дети могут производить механические движения, однообразно повторяющиеся и требующие незначительной затраты мускульной энергии; а когда он тяжел, тогда требуются мужчины, которые в состоянии с должным вниманием, напряжением и спокойствием руководить гигантскими орудиями. На долю женщин падает все то, что не может быть поручено детям и что

63

не требует мужского труда. Но при одинаковых обстоятельствах они имеют преимущество перед детьми в том, что на них можно больше положиться, а перед мужчинами (по известным причинам)—преимущество дешевизны. Тем самым, благодаря тому, что заработная плата выражает сумму, необходимую в среднем для содержания семьи, они вынуждены, как и дети, вступать на рынке труда в конкуренцию с своими „кормильцами", первоначальными представителями человеческой рабочей силы (ведь

семья, с коммерческой точки зрения, есть не что иное, как кооперативное сообщество для потребления жизненных средств и воспроизведения рабочей силы).

Очевидно, далее, что сперва торговля, а затем промышленный труд, не сам по себе, но благодаря той свободе и самостоятельности, с которою работница вступает в борьбу за свое существование, заключая договоры и распоряжаясь деньгами, требуют и стимулируют развитие ее сознательности, при помощи которой ей приходится размышлять и рассчитывать. Женщина становится развитой, хладнокровной, сознательной. Нет ничего более чуждого ее первоначальной и, несмотря на приобретенные изменения, постоянно проявляющейся прирожденной натуре. И, быть может, нет ничего более характерного и значительного для общественного процесса образования и разложения жизни в общении. Лишь благодаря этому развитию становится истиной „индивидуализм“, который является предпосылкой общества. Но в этом же лежит возможность его преодоления и преобразования жизни в общении. Уже давно известна и признана аналогия между судьбой женщины и судьбой пролетариата. Их растущая сознательность, как и у изолированного мыслителя, может развиваться и возвышаться.

Можно было бы также сделать соответствующий ряд следствий из противоположности между юностью и зрелым возрастом и из противоположности между народом и образованным слоем. Вполне очевидно, что дети связаны с домом и семьей и что их природа расцветает в деревне и в городе, но в большом городе и обширном мире общества она подвержена всякого рода пагубе. По мере роста физической силы, мальчику вполне подходит и даже необходим труд— забава, труд—упражнение и обучение; торговать, извлекать барыши, быть капиталистом—не его дело; в своем непонимании этих вещей он поэтому похож на женщину. Равным образом, он не легко поймет, что его рабочая сила является товаром в его руках и что труд есть лишь форма, в которой таковой должен передаваться. Для капиталистического производства дело идет лишь о том, что представляет собой рабочая сила в каждый данный момент, применима ли она или нет, в то время как юношеское желание, благодаря посте-

64

пенному росту умственных и физических сил, всегда стремится чем-нибудь стать, чего-либо достигнуть. „Поскольку машины делают излишней мускульную силу, они становятся средством для применения рабочих без мускульной силы или с незрелым физическим развитием, но с большей гибкостью членов. Поэтому женский и детский труд был первым словом капиталистического применения машин! Тем самым, этот обильный суррогат труда и рабочих тотчас превратили в средство увеличить число наемных рабочих путем вовлечения всех членов рабочей семьи, без различия возраста и пола, под непосредственное господство капитала. Принудительный труд для капиталистов узурпировал не только место детской игры, но и место свободного труда в домашнем кругу, в обычных границах, для самой семьи“ (К. Маркс, Капитал, т. I, гл. 13). Достаточно известно, как детский, а в особенности юношеский дух относится к пауке. Требуется некоторая сухость фантазии, которой, конечно, может прийти на помощь энергичное напряжение наличных сил, чтобы понять математические схемы и формулы; но математика есть первообраз всякой истинной науки, которая, по своей глубочайшей природе, является произвольно-искусственной: именно поэтому она есть высокая школа мышления. Будущие субъекты капиталистического общества должны воспитываться для систематического, правильного мышления. Само по себе это было бы не только совместимо с развитием общественного духа, т. е. с укоренением социального строя мыслей, с облагорожением души и с образованием нравственного сознания, но должно было бы естественно развиваться в этом направлении, если бы тому не противились социальные силы, которые, напротив, весьма заинтересованы в сохранении противоречия между нравственными силами, а равно умственными взглядами, принадлежащими к погибающей общественной культуре, и научными познаниями, в которые действительно верят. Эти социальные силы сознательно желают удовлетворительного решения этих противоречий и конфликтов в планомерно питаемом частью индивидуальном, частью общественно-условном лицемерии. Но во всех этих отношениях сопротивление воли и способностей зрелого человека тем скорее исчезает или становится ничтожным, чем более оно было слабо уже с самого начала и чем больше потеряло оно свою силу в течение жизни. Со всех сторон он—настоящий общественный человек, ибо сознает себя свободным господином своего имущества или хотя бы своей рабочей силы и других своих производительных способностей и

постоянно к чему-то стремится, что-то рассчитывает и критически относится к разным мнениям, либо пользуется таковыми для своей выгоды. Так, он по отношению к другим—исключительно продавец, по отноше-

65

нию же к себе, насколько это возможно--потребитель; и предпочитает ходить в маске.

Народ и в этом отношении похож на женщин и детей, так что для него семейная жизнь есть просто жизнь; к этому узкому кругу непосредственно примыкают соседи и друзья. Среди образованного класса, поскольку он отделился от народа и совершенно самостоятельно устанавливает свои порядки (что частью проводится во всех областях с трудом, а частью прикрывается условным сохранением и обновлением устарелых идей), эти связи все более „и более отступают на задний план перед своевольной свободой индивидуумов. Семья становится случайной формой для удовлетворения естественных потребностей, соседи и друзья заменяются связями, основанными на интересах, и условным общением. Так, народная жизнь наполняется домом, деревней, городом; образованный класс живет в больших городах, он—национален, интернационален. Вместо дальнейшего развития этих контрастов мы коснемся тут только одного пункта. Во всякой первобытной, туземно-оседлой культуре торговля представляет чуждое и часто ненавистное явление. И торговец есть вместе с тем тип образованного человека: у него нет родины, он странствует, он знает чужие нравы и искусства и не относится к ним с любовью и пиэтетом, он владеет несколькими языками, умеет ловко говорить и двуязычен, искусен, ко всему приспосабливается, а все же повсюду имеет в виду свои цели. Так рыщет он повсюду, меняя характер и образ мыслей (веру или убеждения), как одежду, перенеся тот и другой через границы разных областей, все перемешивая и выравнивая, обращая к своей выгоде старое и новое. Таким образом, он представляет разительную противоположность крестьянину, прикрепленному к земле, а также солидным бюргерам, занимающимся своим ремеслом. Последние ограничены, незрелы и необразованны по сравнению с первым. Мы читаем у Рошера (Nat.-Oek. III, стр. 134): „Когда народ уже достаточно созрел, чтобы нуждаться в собственной торговле, но еще не достаточно зрел, чтобы самому создать национальное купеческое сословие, то в его же интересах лежит, чтобы чужой народ более высокой куль туры временно заполнил пробел путем глубоко внедряющейся активной торговли". Но на деле никогда не бывает такого отношения народа к народу, но лишь отношение отдельных рассеянных иностранцев (хотя бы они, по отношению к себе самим, и составляли народную совокупность) к действительному народу; ибо таковой не может мыслиться без собственной страны, хотя бы населенной (если не обработанной). А там, где торговец не является иностранцем, там его считают иностранцем. „Торговец хлебом (в Индии) никогда не бывает владельцем наследственного и включенного в со-

66

став деревенской общины промысла, а также не имеет прав гражданства в городах, выросших из одной или нескольких деревень. Торговыми предприятиями, которые, таким образом, остаются за пределами органической группы, являются те, которые доставляют свои товары с отдаленных рынков" (Сэр Г. Мэн, Village Communities, p. 126).

Напротив, когда народ подчиняет свой труд торговле или капитализму, он перестает быть народом в той мере, в какой происходит этот процесс; он приспосабливается к чуждым ему внешним силам и условиям, он становится образованным. Наука, которая собственно и отмечает образованных, преподносится ему, в каких бы смесях и формах это ни происходило, как лекарство против его дикости. Этим самым, совершенно против воли образованных, поскольку последние идентичны с капиталистическим обществом, превращенный в „пролетариат" народ побуждается к размышлению и к осознанию тех условий, которые сковывают его на рынке труда. Из его познания вытекают решения и старания разорвать подобные оковы. Он объединяется для общественного и политического действия в профессиональные союзы и партии. Эти объединения имеют такое же преимущественно крупно-городское, затем национальное и, наконец,

интернациональное распространение и такие же свойства, как и предшествовавшие и послужившие им образцом объединения образованных классов, капиталистов, общества (в собственном смысле). Пролетарии тем в большей степени становятся активными субъектами общества, чем больше это обуславливается одинаковым мышлением и действием. Их целью является стать собственниками капитала (национального или интернационального), как материала и орудий своего труда, а это означало бы конец общества (понимаемого в экономическом смысле), ибо уничтожило бы производство товаров и внешнюю торговлю".

Густав Лебон

(род. в 1842 г.)

А. Раса 1)

<

„Раса обладает почти столь же определенными психологическими признаками, как и ее физические признаки.

67

Как и анатомический вид, психологический развивается лишь очень медленно.

К постоянным и унаследованным психологическим признакам, соединение которых обращает духовные свойства расы, присоединяются, как и у всякого анатомического вида, еще и побочные элементы, обусловленные разнообразием окружающей среды. Они непрерывно обновляются и делают возможной кажущуюся изменчивость расы в весьма обширных размерах.

Духовные свойства расы представляют собой не только синтез живых существ, из которых она состоит, но главным образом синтез длинного ряда предков, способствовавших ее образованию. Не живые, но мертвые играют выдающуюся роль в существовании народа. Они—творцы его морали и бессознательные двигатели его поведения.

Различные человеческие расы отличаются между собой не только очень большими анатомическими различиями, но *та.* столь же значительными психологическими различиями. Если сравнивать между собой лишь средние элементы каждого народа, то психические различия между ними кажутся часто довольно незначительными; но они становятся громадными, когда мы сравним между собой высшие слои этих народов. Тогда можно будет установить, что высшие расы отличаются от низших, главным образом, тем, что первые обладают известным числом весьма развитых умов, тогда как у вторых таковых нет.

Индивиды, из которых состоят низшие расы, обнаруживают явное сходство между собой. Чем выше поднимается раса по лестнице культуры, тем более стремятся к различию ее члены. Неизбежным результатом культуры является дифференциация индивидов и рас. Итак, народы идут не к равенству, но к увеличивающемуся неравенству.

Жизнь народа и все проявления его культуры составляют простое отражение его души, видимые знаки невидимой, но очень действительной вещи.

Внешние события образуют лишь бросающуюся в глаза поверхность, под которой скрыты основные, определяющие ее элементы.

Ни случай, ни внешние обстоятельства, ни, в особенности, политические учреждения не играют главной роли в истории народа; определяющим моментом является его характер.

Поскольку различные элементы культуры народа являются лишь внешними признаками его духовных свойств, постольку его манера чувствования и мышления не может передаваться без изменений народам с иным психологическим складом. Передаваться могут лишь внешние, поверхностные и несущественные формы.

Глубокие различия в духовных свойствах народов имеют своим следствием то, что внешний мир воспринимается ими совершенно различно. Отсюда вытекает, что они очень различно чувствуют, мыслят и действуют, и поэтому, входя в соприкосновение друг с другом, расходятся в мнениях по всем вопросам. Большинство войн возникли из этих разногласий. Завоевательные, религиозные и династические войны были в действительности всегда расовыми войнами.

Скопление людей различного происхождения лишь тогда приводит к образованию расы, т. е. к формированию общей души, когда оно, путем вековых скрещиваний и одинаковой жизни в одной и той же среде, приобрело общие чувства, интересы и верования.

Среди цивилизованных народов вряд ли есть еще естественные расы, но лишь искусственные, созданные историческими условиями.

Изменения среды имеют глубокое влияние лишь на новые расы, т. е. на помеси древних рас, у которых, благодаря скрещиваниям, разложились унаследованные от предков свойства. Одна лишь наследственность достаточно сильна, чтобы бороться с наследственностью. Изменения среды влияют только разрушительно на те расы, у которых прежним скрещиванием не удалось уничтожить устойчивость их психических свойств. Древняя раса скорее гибнет, чем переносит изменения, требующие приспособления к новой среде.

Приобретение прочно сложенной, общей души означает для народа высшую точку его величия, разложение ее—час его падения. Вмешательство чуждых элементов есть одно из самых верных средств, чтобы вызвать подобное разложение.

Психологические виды, как и анатомические, подлежат воздействию времени. И им суждено стареть и угасать. Они образуются очень медленно, но могут очень быстро исчезать. Достаточно глубокого нарушения деятельности их органов, чтобы вызвать регрессивные изменения, следствием которых является весьма быстрое часто разрушение. Народам нужны многие столетия, чтобы приобрести известные духовные свойства, и часто очень, короткий период времени, чтобы их потерять.

В качестве главных факторов развития культуры следует указать, на ряду с характером, идеи. Они действуют лишь тогда, когда, на протяжении медленной эволюции, претворяются в чувства и вследствие этого образуют часть характера; тогда они освобождаются от влияния критики и требуется очень продолжительное время для их исчезновения. Каждая культура возникает из небольшого числа общепринятых основных идей.

В. Толпа

В обыкновенном смысле слова, толпа означает соединение каких-либо индивидов, любой национальности, любой профессии, того или иного пола, по любому поводу.

С психологической же точки зрения, слово „толпа" означает нечто совсем другое. При известных обстоятельствах, и только при этих обстоятельствах, собрание людей приобретает новые признаки, совершенно отличные от признаков, образующих это собрание индивидов. Сознательная личность исчезает, чувства и мысли всех единиц ориентируются в одном и том же направлении. Образуется коллективная душа, правда, временного характера, но вполне определенная по своим чертам. Совокупность становится тогда тем, что я назову, за отсутствием лучшего выражения, организованной толпой или, если угодно, психологической толпой. Она составляет единое существо и подлежит закону духовного единства толпы (*loi de l'unité mentale des foules*).

Очевидно, недостаточно случайного соединения многих индивидов, чтобы они приобрели характер организованной толпы. Тысяча случайно собравшихся на площади без определенной цели индивидов отнюдь, не составляют толпы в психологическом смысле. Специальные признаки таковой образуются под влиянием известных возбудителей, сущность которых нам и следует определить.

Исчезновение сознательной личности и ориентирование чувств и мыслей в определенном направлении, что составляет главные признаки организующейся толпы, не всегда требуют одновременного присутствия нескольких индивидов в одном и том же месте. Тысячи отделенных друг от друга индивидов, в известные моменты, под влиянием известных сильных душевных движений, напр., крупного национального события, могут приобрести признаки психологической толпы. Стоит только случайно соединить их, чтобы их поступки тотчас приняли специфические черты действий толпы. В известные моменты полудюжина людей может образовать психологическую толпу, между тем, как сотни случайно собравшихся людей таковой не составят. С другой стороны, под влиянием известных фактов целый народ может стать толпой, не представляя видимого соединения..

Когда психологическая толпа образовалась, она приобретает временные, но поддающиеся определению общие

70

черты. К ним присоединяются частные черты, меняющиеся в зависимости от элементов, составляющих толпу, благодаря которым меняется и ее духовная структура.

Таким образом, психологическая толпа поддается классификации, и мы увидим, что разнокалиберная толпа, т. е. состоящая из разнородных элементов, имеет общие признаки с однокалиберной толпой, т. е. состоящей из более или менее сходных элементов (сект, каст, классов). Но тут обнаруживаются особенности, благодаря которым можно отличить оба вида толпы.

Но прежде, чем заняться различными категориями толпы, нам надо сперва исследовать все общие признаки. Мы уподобимся натуралисту, который начинает с описания общих признаков, свойственных всем особям, прежде чем переходит к особым признакам, делающим возможным различить роды и виды данной семьи.

Не легко с точностью описать душу толпы, ибо ее организация меняется не только в соответствии с расой и составом соединений, но и в соответствии с природой и степенью возбудителей, которым подчиняются эти' соединения. Но подобные же трудности существуют и для психологического изучения отдельных индивидов. Только в романах личности сохраняют постоянный характер на протяжении всей своей жизни. Однообразие среды создает лишь кажущуюся однородность характеров. В другом месте я указал, что все духовные организации заключают в себе такие задатки характера, которые могут проявиться при резкой перемене среды. Так, среди самых жестоких членов Конвента находились добродушные буржуа, которые, при нормальных обстоятельствах, были бы безобидными нотариусами или занимали бы какие-либо почетные мирные должности. После грозы они вернулись к своему нормальному состоянию мирных граждан, и среди них-то Наполеон нашел преданнейших своих слуг.

Не имея возможности изучить здесь все стадии образования толпы, мы будем иметь в виду толпу в стадии ее законченной организации. Таким образом, мы увидим, чем может стать толпа, но не то, чем она всегда бывает. Лишь в этой позднейшей фазе организации на почве неизменных и преобладающих основных черт расы выделяются новые и специальные признаки, и происходит ориентирование всех чувств и мыслей совокупности в одном и том же направлении. Здесь лишь проявляется то, что я выше назвал психологическим законом духовного единства толпы.

Среди психических признаков толпы есть общие с изолированными индивидами, в то время как другие являются исключительно специфическими для толпы и встречаются

71

только в совокупностях людей. Мы прежде всего изучим эти специфические признаки, чтобы лучше выяснить их значение.

Самое удивительное в психологической толпе следующее: каковы бы ни были составляющие ее индивиды, как "бы сходны или несходны ни были они между собой по своему образу жизни, занятиям, характеру или интеллигентности, один лишь факт принадлежности их к толпе достаточен для образования у

них своего рода коллективной души, благодаря ...которой .они совсем иначе чувствуют, мыслят и действуют, чем чувствовал, мыслил и действовал бы каждый из них в отдельности. Существуют идеи и чувства, появляющиеся или превращающиеся в действия лишь у индивидов, соединенных в толпу. Психологическая толпа есть временный организм, состоящий из разнородных элементов, которые соединились на одно мгновение, точно так же, как клетки организма своим соединением образуют новое существо с совсем иными свойствами, чем те, которыми обладают отдельные клетки.

Вопреки мнению, которое, странным образом, мы встречаем у такого проницательного философа, как Герберт Спенсер, агрегат, составляющий толпу, отнюдь не представляет сумму или среднее входящих в него элементов, но комбинацию и образование новых элементов, точно так же, как в химии определенные элементы, напр., основания и кислоты, при своем соединении образуют новое тело, свойства которого совершенно отличны от свойств тел, участвовавших в его образовании.

Легко установить, насколько индивид в толпе отличается от изолированного индивида, но труднее определить причины этого различия.

Чтобы хоть несколько уяснить себе эти причины, следует прежде всего вспомнить об установленном современной психологией положении, что не только в органической жизни, но и в интеллектуальных функциях, бессознательные феномены играют выдающуюся роль; Сознательная умственная жизнь составляет лишь весьма незначительную часть на ряду с бессознательной душевной жизнью. Самый тонкий анализ, самое острое наблюдение может подметить лишь небольшое число сознательных мотивов душевной жизни. Наши сознательные поступки вытекают из бессознательного субстрата, созданного, главным образом, наследственными влияниями. В этом субстрате заключаются бесчисленные наследственные следы, из которых образуется душа расы. За открытыми мотивами наших действий существуют несомненно тайные причины, в которых мы не признаемся, а за ними лежат еще более тайные, которых мы вовсе и не знаем. Большинство наших повседневных поступков есть лишь результат скрытых, ускользающих от нас мотивов.

72

Эти - то бессознательные элементы лежат в основе расовой души, и благодаря им получается сходство всех индивидов данной расы. А те элементы, которые являются продуктом воспитания, а еще в большей степени исключительной наследственности, главным образом отличают между собой индивидов одной расы. Самые несходные по уму люди обладают крайне сходными влечениями, страстями и чувствами. Во всем, что составляет предмет чувства: религии, политике, морали, симпатиях, антипатиях и т. д., самые выдающиеся люди лишь очень редко возвышаются над уровнем обыкновеннейших людей. Между великим математическим и его сапожником может зиять пропасть в интеллектуальном отношении, но в отношении характеров различие между ними может быть незначительно или его может вовсе не быть.

Вот эти-то общие свойства характера, управляемые областью бессознательного и почти одинаковые у большинства нормальных представителей одной расы, и составляют то, что соединяется в толпе. В коллективной душе стираются интеллектуальные способности индивидов, и тем самым исчезает их индивидуальность: разнородное утопает в однородном, и бессознательные качества берут верх.

Такое именно соединение обыкновенных качеств объясняет нам, почему толпа никогда не может выполнить действий, для которых требуется особый „ум. Решения, касающиеся общих интересов, принятые собранием выдающихся, но разнородных людей, мало чем превосходят решения, принятые собранием глупцов. Они могут фактически объединить лишь заурядные, повсеместно распространенные качества. В толпе накапливается лишь глупость, но не ум. Часто употребляемое выражение „весь мир" обладает не большим умом, чем Вольтер, но у Вольтера, наверное, больше ума, чем у „всего мира", если под ним понимать толпу.

Но если бы соединение индивидов в толпе ограничивалось лишь соединением обыкновенных качеств каждого из них, то тогда получилась бы только средняя величина, но не создание новых признаков, как мы раньше сказали. Как же возникают эти новые признаки? Нам надлежит теперь это исследовать.

Различные причины способствуют возникновению этих ; особенностей толпы, которыми не обладают индивиды. Первая из этих причин состоит в том, что индивид в толпе, благодаря одному лишь факту

многочисленности, проникается сознанием непобедимой силы, и это сознание позволяет ему поддаваться таким влечениям, "которые он подавил бы,

73

если бы находился один. Он тем менее склонен к обузданию своих инстинктов, что, при анонимности и тем самым _безответственности толпы, совершенно исчезает чувство ответственности, которое всегда сдерживает отдельных индивидов.

Вторая причина—зараза, также способствует тому, что в толпе вырабатываются специальные признаки и определяется их направление. Зараза представляет собой явление, которое легко констатировать, но трудно объяснить, и которое надо отнести к явлениям гипнотического характера, каковыми мы сейчас займемся. В толпе всякое чувство, всякое действие заразительно,, и притом в такой высокой степени, что индивид очень легко жертвует общему интересу своим личным интересом. Такое поведение коренным образом противоречит его природе, и человек способен на это лишь как частица толпы.

Третья, и к тому же самая важная, причина обуславливает у соединенных в толпу индивидов наличность таких особых свойств, которые противоположны свойствам изолированных индивидов. Я говорю о восприимчивости к, внушению, следствием которой, впрочем, служит упомянутая иная зараза.

Для того, чтобы понять это явление, надо лишь вспомнить некоторые новые открытия физиологии. Мы знаем теперь, что посредством различных процедур можно привести человека в такое состояние, что он утрачивает совершенно свою сознательную личность и подчиняется внушениям лица, которое отняло у него сознание его личности, совершая поступки, стоящие в самом резком противоречии с его характером и привычками. Наблюдения указывают, что индивид, находящийся некоторое время среди действующей толпы, в скором времени—благодаря токам, которые от нее исходят, или какой-либо другой неизвестно причине—приходит в особое состояние, весьма близкое к состоянию загипнотизированного кем-либо субъекта. Поскольку у загипнотизированного субъекта деятельность головного мозга парализуется, он становится рабом всех бессознательных функций своего спинного мозга, которыми гипнотизатор управляет по своему желанию. Сознательная личность совершенно исчезает, равно как воля и рассудок, все чувства и мысли направляются в желательном гипнотизатору смысле.

Таково же приблизительно состояние индивида, принадлежащего к психологической толпе. Он не сознает более своих поступков. Как и у загипнотизированного, одни способности могут у него исчезнуть, в то время как другие дойти до высокой степени напряжения. Под влиянием внушения он будет выполнять известные действия с неудержи-

74

мой стремительностью. В толпе же этот порыв еще более неудержим, чем у загипнотизированного, ибо одинаковое для всех индивидов внушение возрастает благодаря взаимности. В толпе слишком мало бывает индивидов, обладающих достаточно сильной для сопротивления внушению личностью, чтобы они могли бороться с течением. Самое большее, что они могут сделать—это путем нового внушения пытаться отвлечь толпу. Так напр., часто удачное выражение, кстати приведенный образ удерживали толпу от самых кровавых поступков.

В соответствии с сказанным, главные черты находящегося в толпе индивида следующие: исчезновение сознательной личности, преобладание бессознательной личности, одинаковое направление чувств и мыслей благодаря внушению и заразе, стремление немедленно претворить в действие ! внушенные идеи. Индивид перестает быть самим собой, он становится безвольным автоматом.

Становясь лишь частицей организованной толпы, человек спускается на несколько ступенек вниз по лестнице цивилизации. В изолированном положении он был, может быть, культурным индивидом, в толпе он становится варваром, т. е. существом, действующим под влиянием инстинктов. Он приобретает склонность к импульсивности, буйству, жестокости, но также и к энтузиазму и героизму первобытных существ. Сходство с

последними усиливается еще благодаря легкости, с какою такой индивид поддается влиянию слов и образов, которые не имели бы никакого действия па него, как на отдельного индивида, и совершает поступки, которые решительно противоречат его интересам и привычкам. Индивид в толпе похож на песчинку в массе других песчинок, которые уносятся ветром.

Так, присяжные заседатели выносят решения, которых не одобрил бы ни один заседатель в отдельности, парламенты издают законы и соглашаются на те или иные мероприятия, которые каждый член парламента в отдельности отклонил бы. Члены конвента, каждый в отдельности, были просвещенными буржуа, с мирными привычками. Объединенные в толпу, они без колебания принимали самые свирепые предложения, посылая явно невинных людей на эшафот, и, в противоречии со всеми своими интересами, не замедлили отказаться от своей неприкосновенности, а затем сами себя сократили.

Индивид в толпе отличается существенно от самого себя не только своими поступками. Прежде чем он потерял всякую независимость, его мысли и чувства так преобразовались, что скупой превращается в расточителя, скептик— в верующего, честный человек—в преступника, трус—в героя. Отречение от всех своих привилегий, которое вотиро-

75

вала* аристократия в минуту энтузиазма, в знаменитую ночь 4 августа 1789 года, несомненно никогда не было бы принято каждым из ее членов в отдельности.

Из сказанного следует заключить, что толпа всегда стоит в интеллектуальном отношении ниже изолированного человека, но в отношении чувств и вызванных ими поступков, может быть/лучше или хуже его, смотря по обстоятельствам. Все зависит от характера внушения, которому повинуются толпа. Это совершенно упустили из виду авторы, которые изучали толпу лишь с точки зрения ее преступности. Несомненно, толпа бывает часто преступна, но она бывает также и героична. Именно толпа способна пойти на смерть ради торжества идеи, именно толпа воодушевляется славой и честью, как во времена крестовых походов, или в 1793 году—для защиты отечества. Конечно, это героизм бессознательный, но такой именно героизм делает историю. Если бы на активный счет народов ставились только великие дела, хладнокровно обдуманые, то в летописях мировой истории их оказалось бы очень мало".

Рудольф Штаммлер

(род. в 1856 г.)

Социология упорядоченного общежития

“Несомненно, с представлением об общественном сожительстве людей связывается нечто другое и большее, чем один лишь факт совпадающего во времени и пространстве существования людей. Понятие общественного сожительства относится к особенно выделяющемуся виду сожительства и, благодаря ему, многообразное в частностях социальное бытие людей противопоставляется все же в единой формуле простому единовременному сожительству, как естественному существованию отдельных людей.

Каким же понятием в таком случае определяется это общественное сожительство по сравнению с просто физическим сосуществованием?

Тут-то и должен выступить признак, который мы выше искали—тот момент, который определяет социальную жизнь, как собственный объект нашего познания, отчетливо противопоставляя ее в прочном формаль-

!) Перепечатано из „Wirtschaft und Recht nach der materialistischen Ge-schichtsauffassung" 4 Aufl. Berlin u. Leipzig, 1921. Vereinigung wissenschaftl. Verleger. Ср. стр. 80—93. Первое издание появилось в 1896 г.

76

ном своеобразии людей чисто физическому сосуществованию людей.

Этим моментом является производимое людьми регулирование их сношений и совместной жизни.

Внешнее регулирование человеческого поведения только и делает возможным понятие, социальной жизни, как специального объекта. Оно представляет собой конечный момент, к которому формально сводится всякое социальное исследование в своем своеобразии. Лишь при условии определенного внешнего регулирования человеческого общежития возможен своеобразный синтез понятий, которые в своей реальной обособленности могут считаться социально-научными.

Лишь на основе такого понимания взаимных отношений между внешними правилами может тогда иметь место, с целью познания общественных процессов, психологическое и всякое иное естественно-научное исследование, и мы в состоянии говорить о социальных явлениях и пытаться их описать и объяснить.

„Общественная жизнь людей встречает свое несомненное материальное противоположение, чем и определяется ее понятие, в изолированном существовании отдельного человека.

Верно, правда, что трудно представить себе уединенного человека, как совершенно изолированно живущее существо. Ибо для этого требовалось бы, чтобы он никогда не находился в упорядоченном общении; чтобы он стоял в таком же отношении к отцу и матери, как и любое животное и чтобы, при достижении способности существовать, насколько возможно, собственными силами, он перешел в состояние полной разобщенности от себе подобных. Представлению о подобном живом существе не вполне соответствует такое положение, когда человек желает, по возможности, уйти от прежнего своего социального общения, стать пустынным, или временно, подобно Робинзону, вынужден вести подобное изолированное существование; ибо такие люди приходят из определенной общественной жизни, в ней выросли и во всем своем бытии от нее зависят. Из исторического опыта мы не знаем человека, в принципе уединенного в вышеуказанном смысле. В действительности, мы знаем лишь людей, которые живут в упорядоченных объединениях, из таковых произошли, и все лучшее, что они называют своим, получили от окружающей среды, чтобы вновь вернуть ей это лучшее тем или иным способом. Для известной нам только научно жизни людей я не знаю поэтому более удачного выражения, чем то, которое однажды употребил Наторп: „Одиночный человек есть, собственно говоря, лишь абстракция, подобно атому для физика”.

77

Но, абстрагируясь от всего прежнего содержания нашего опыта о человеческой жизни, мы можем, во всяком случае, противопоставить историческому факту социального бытия людей понятие совершенно изолированного одиночного человека, именно: с той целью, чтобы при этом получить ясный признак и условие социального человеческого бытия. При этом противоположении собственно и бросается в глаза вышеназванный момент связывающего отдельных лиц внешнего регулирования их поведения; ибо это составляет понятие социальной жизни.

При этом мы отнюдь не употребляем понятия социального правила уже в смысле установленной государственным авторитетом нормы, а также правового установления, откуда бы оно ни происходило. Юридический характер социального правила сам по себе отнюдь не существенен для последнего. Правовые предписания, а среди них, в свою очередь, более узкая группа государственных законов составляют лишь часть регулирования, логично обуславливающего понятие общества. Рядом с ними стоят и другие нормы человеческого поведения, применяемые всеми в практической жизни, как-то: нравы, обычаи, этикет и другие, чисто условные правила.

„В понятие правила, конституирующего социальную жизнь, входит лишь то, что оно есть намерение сделать цели разных людей средствами друг для друга. Этот собственный способ установления цели дает нам понятие „общества” и делает возможной „социальную” жизнь, как особый предмет, ибо таким путем вводятся для отдельного человека определяющие основания, которые не могли бы так существовать для него, как для совершенно изолированного человека. В общепринятом смысле, внешнее регулирование ограничивается содержанием воли, которое мыслится над связанным им человеком.

Подобное внешнее регулирование человеческого общежития мы находим, как упомянуто, во все периоды известной нам человеческой истории.

Не иначе обстоит дело и с представлением о первобытном племени или первобытной семье (независимо от того, что из них обоих считают более ранним и более первоначальным). Нельзя себе вовсе представить взаимодействия между членами семьи, происходящего путем естественного разделения труда для удовлетворения их потребностей, без регулирующих приказов; без этого, во всяком случае, нельзя создать понятие общего домашнего хозяйства и тесной связи в более обширном жизненном общении. Отсюда и в часто цитируемом месте у Гомера, где он приписывает циклопам изолированную и лишенную правовой регла-

78

ментации жизнь, момент внешнего регулирования отнюдь не упускается из виду; но фантазия поэта наделяет каждого из них властью над своими детьми и членами семьи в качестве отца семейства".

„Ибо эта эмпирически данная социальная жизнь обусловлена мыслью о внешнем регулировании, которое делает ее понятной, как особое понятие и собственный предмет. При одной лишь физической совместной жизни и ненормированных отношениях людей, существующих в одно и то же время и в одном и том же месте, мы имели бы возможность исключительно рассматривать элементарные естественные процессы так, как это делает естествознание. При общественном существовании людей, т. е. внешне-регулируемом общежитии, выступает новая своеобразная точка зрения рассмотрения человеческого поведения. Откуда происходит это регулирование и какие производятся воздействия на его содержание и тот или иной его характер, мы сейчас не будем рассматривать, равно как вопрос, каковы могут быть его результаты в отдельных случаях. В данной связи центр тяжести лежит в установлении того, что с идеей внешнего регулирования человеческого общежития отношения отдельных людей друг к другу логически воспринимаются в собственном и самостоятельном роде и сводятся к единству. Благодаря этому, отношения связанных между собой людей рассматриваются и определяются с особой точки зрения и благодаря этому, путем их познания под основным условием внешнего регулирования, становятся возможными объектами собственной и самостоятельной науки. Вследствие указанного познавательного условия объекты этой социальной науки диаметрально-противоположны объектам естественной науки. Поэтому все, что когда-либо было сказано о сообществах животных и растений, относится исключительно к области естествознания, оно не имеет ничего общего с наукой об обществе, ибо последняя, если она, вообще, должна быть самостоятельной наукой, должна также иметь самостоятельный объект. Но она имеет таковой, именно в противоположность исключительно естественно-научному исследованию, во внешне-урегулированном общежитии людей и вытекающих отсюда отношениях их между собой.

Итак, основная линия нашего исследования различает два вида возможного человеческого сожительства: чисто физическое сосуществование, подобно прочей животной жизни, и внешне регулируемое сожительство в качестве социального существования людей. Основанием для этого различения понятий служит то, что в обоих случаях переживания сводятся к единству с совершенно раз-

79

личных точек зрения. Поведение отдельного человека не рассматривается более только как естественный процесс и * явление, подлежащее причинному объяснению, но и воздействия его также не выступают совершенно изолированно. Напротив, поставленные различными людьми цели связаны друг с другом. Тогда, как выше было замечено, цели одного ставятся, как средства другого и наоборот. Так возникает взаимодействие, как собственный объект исследования, который не может быть понят только формальным методом естествознания. Он требует логического условия рассмотрения средств и целей, а именно условия, связывающего желания.

Из всего нашего предшествующего опыта мы знаем о человеке лишь то, что подходит под только что упомянутый вид общего бытия, вид социальной жизни, сожительства по внешним правилам. У животных это

наоборот. Мы понимаем их совместную жизнь исключительно по принципам теоретического естествознания, и для их взаимного поведения не знаем иной точки зрения, кроме точки зрения инстинктивных мотивов жизни. Так, животное сообщество, а равно гипотетически предположенное чисто физическое существование живущих вместе людей отличается равномерно от человеческой социальной жизни, как существования, связанного внешним регулированием.

Но, может быть, возможно допустить и социальное регулирование в так называемых животных государствах? Быть может, соглашения и общественные нормы занимают место в качестве самостоятельных факторов и собственных побудительных причин на ряду с естественными влечениями животных инстинктов, рассмотренными только каузально?

Если ближе подойти к этому вопросу, то тут могут возникнуть две проблемы: во-первых, самостоятельный характер социального регулирования, по крайней мере, у некоторых животных; во-вторых, возможность для людей столкнуться с ними и распространение на них ограниченной человеческой общности.

Что касается первого, сомнительно, чтобы в нашем познании животного мира мы могли пойти так далеко, чтобы, рядом с чисто животной жизнью, мы могли ясно познать и различить в содержании предполагаемых животных представлений сознательную целевую мысль, так чтобы было возможно регулирование поведения других членов этого рода в животном государстве в качестве чего-то особого".

„Предположим случай, что наступает такое время. Мы понимаем, положим, сговор волков, который выражается

80

в вое волчьей стаи, которая, будучи социально связана, преследует одиноко едущие сани; мы знаем нормы, которые установили краббы для своего выступления, когда они весной пускаются в моря Западной Индии, чтобы метать икру... Чего достигли бы мы подобными положениями, кроме более точного подтверждения выставленного нами собственного понятия о социальной жизни людей?

Наша дедукция привела к этому ходу мыслей. У всех органических существ возможно принять их сосуществование только как естественный факт и наблюдать чисто физическое сожительство животных; так можно было бы изобразить исключительно животную жизнь человеческих стад в ее исторической возможности, хотя эмпирически мы ничего о ней не знаем. На ряду с этой первой возможностью чисто физического сожительства животных мы знаем по обширному и богатому опыту социальное сожительство людей, понятие которого логически обусловлено мыслью о внешнем регулировании. Нам совершенно неизвестно, чтобы подобная связь существовала в животных сообществах, это только предположение; но если бы даже мы знали что-нибудь об этом, тогда социальное существование подобных животных объединений представляло бы своеобразный характер общественной жизни, а социальная жизнь людей остается в своем своеобразии совершенно нетронутой, как нормированное сожительство, внешнее регулирование которого сводится к человеческому установлению. Эта социальная жизнь людей является предметом нашего научного исследования. И каждый имеет право отметить задачу, цель и границы своего исследования и познавательной работы, поскольку он только определяет ее предмет с отчетливой ясностью.

"Я упомянул выше об одной еще дальше идущей фантазии, чем данная: о фантастическом допущении все растущей возможности столкнуться с животными, что разумным образом может привести к тому, что социальный союз людей включит их в качестве субъектов".

„Если бы, действительно, мы сделали подобное предположение, то это означало бы прежде всего лишь количественно расширенное применение нынешнего социального существования людей; понятие же такового само по себе было бы уже дано заранее в том виде, в каком мы его уже определили".

81

Габриель Тард

(1843—1904)

Социальные законы

„Когда поверхностный наблюдатель бегло проходит по музею истории с его пестрыми и причудливыми картинами и знакомится со всеми народами, так непохожими друг на друга,—его первое впечатление таково, что немислимо к явлениям социальной жизни применить какую-либо общую формулу или какой-нибудь научный закон и что мысль построить социологию есть химера. Но такое же впечатление производил на первых пастухов, наблюдавших небесный свод, сверкающий звездный хаос и многообразие метеоров на небе, и на первых земледельцев, желавших проникнуть в тайны растительной жизни обилие различных растительных и животных форм. Им показалась бы величайшей глупостью мысль объяснить небо и лес несколькими логически связанными между собой понятиями астрономии и биологии. А на самом деле, в мире метеоров или в девственном лесу не меньше запутанного, действительно не поддающегося закону и мнимо беспорядочного, чем в путанице человеческой истории.

Каким же образом, несмотря на это многообразие и разносторонность явлений неба и леса, мертвых и живых вещей, можно было дойти до того, чтобы положить основание механики и биологии, и на этом основании мало-помалу возвести строение? Это было возможно благодаря трем условиям, точное различение которых весьма важно, если желать получить ясное и полное понятие о “науке” и “научном”—этих двух столь часто употребляемых словах. Началось с того, что стали замечать некоторые подобия среди различий, некоторые повторения среди изменений: периодически повторяющиеся одинаковые небесные явления, такая же периодическая перемена времен года, систематическое прохождение возрастных ступеней: юности, зрелости, старости, и, наконец, общие индивидуумам одного и того же рода черты. Не существует науки об отдельной особи, как таковой; есть лишь наука об общем, или, иными словами, наука об отдельной особи, рассматриваемой в качестве представительницы постоянно повторяющегося рода”.

„Но для науки важно не только повторение явлений, но и их разрушение. Поэтому она должна, во-вторых, независимо от той области действительности, какую она зани-

82

мается, исследовать „противоположности”, которые там заключаются и которые ей свойственны: равновесие тел и симметрию форм, столкновения между живыми организмами и взаимную борьбу всех существ.

Это не все, даже не самое существенное. Необходимо прежде всего изучить „приспособление” явлений и свойственные им действительно творческие взаимные воздействия. Ученый должен стремиться найти эту гармонию, выделить и объяснить; открывая ее, он приходит к созданию высшей гармонии: к согласованию его научной системы с внутренним строем мира явлений”.

„Повторение, противоположение, приспособление: таковы, повторяю, три разных ключа, которыми пользуется наука, чтобы проникнуть в тайны вселенной.

1

Уже давно работает социология над своим развитием. Ее первый лепет относится к тому периоду, когда впервые заметили, или думали, что заметили, нечто периодическое и планомерное в смутном хаосе социальных явлений. Первой социологической попыткой было античное понятие о „большом” циклическом годе, по истечении которого все воспроизводится в том же порядке в социальном мире так же, как и в природе. За этим ложным единовременным повторением целого, придуманным фантастическим гением Платона, последовали единичные повторения Аристотеля, которые часто бывали правильны, но всегда неопределенны и с трудом уловимы. Он формулирует их в своей „Политике”, и как раз там, где он говорит о самой поверхностной или наименее глубокой стороне социальной жизни: о смене форм правления.

На этом развитие социологии остановилось, для того, чтобы в новое время начаться ab ovo. „Круговращательное повторение” (Ricorsi) Вико представляет собой повторение античных циклов, но с

меньшей фантастичностью. Это положение, а равно учение Монтескье о мнимом подобии развивающихся в одинаковом климате цивилизаций представляют разительные примеры допущения поверхностных и призрачных повторений и подобий, которыми приходилось питаться социальной науке, прежде чем она нашла более существенную пищу. Шатобриан в своем „Опыте о революциях" проводит подробную параллель между английской и французской революциями, при чем занимается самыми поверхностными сопоставлениями. Другие выставляли теоретические утверждения о весьма важных аналогиях между пуническим и английским духом, а также между римской и английской империей. Эта тенденция втиснуть социальные факты в законы развития, в силу которых они должны, в общем и целом, с незначительными отклонениями, повторяться, была до-

83

настоящего времени большим соблазном для социологов как в той, уже более точной форме, которую придал ей Гегель с своей серией триад, так в еще более научной, более точной и более близкой к истине форме, какую эта тенденция приняла в трудах современных эволюционистов. Эти ученые решились выставить довольно ясные общие законы, относящиеся к преобразованиям правил—в частности, семейного права и права собственности—религии, промышленности, изящных искусств. Согласно этих законов, общества проходят и должны проходить в этих различных областях своей жизни одинаковый путь развития, который произвольно установлен этими законами. Пришлось впоследствии убедиться, что эти мнимые законы полны исключений и что развитие языка, права, религии, политики, хозяйства, искусства, морали идет не единым широким путем, но целым сплетением путей, с бесчисленными скрещеннями.

К счастью, более скромные работники, в тени и отдалении от этих претенциозных обобщений, добились больших успехов в установлении частных законов, гораздо более прочных. То были лингвисты, мифологи, а, главным образом, экономисты. Эти специалисты социологии заметили много интересных отношений между последовательными и одновременными фактами, которые ежеминутно повторяются в пределах той небольшой области, которую они изучают. Можно найти в „Богатстве народов" Адама Смита, в „Сравнительной грамматике индо-европейских" языков Боппа или в труде Дица (чтобы ограничиться лишь этими тремя именами) множество замечаний этого рода, где указывается на совпадение бесчисленных человеческих действий в произношении тех или иных гласных или согласных, в покупках и продажах, производстве и потреблении известных предметов и т. д. Правда, что когда лингвисты и экономисты попытались формулировать эти совпадения в законы, то получились законы несовершенные, применимые лишь к большинству случаев. Но это случилось потому, что слишком поторопились высказать эти законы, прежде чем вывести из этих частичных истин ту действительную общую истину, которую они в себе заключают, основной социальный факт, который социология ищет ощупью в темноте и который она должна найти, чтобы продолжить свое развитие.

Уже давно существовало предчувствие, что было бы самым правильным обратиться за общим объяснением всех этих экономических, лингвистических, мифологических и прочих законов или псевдо-законов к психологии. Лучше и яснее всех понял это Стюарт Милль. В конце своей логики он определяет социологию, как применение психологии. К сожалению, он плохо выразил свою мысль, и психология, к которой он обращается, чтобы найти ключ к социальным

84

явлениям, есть лишь индивидуальная психология, изучающая внутренние отношения впечатлений и образов в отдельном мозгу и полагающая, что все происходящее в этой области объясняется „законами ассоциации". В таком понимании социология стала чем-то в роде расширенного и перенесенного, во внешний мир ассоциационизма и потеряла свою оригинальность. Требовать основных социальных фактов надо не исключительно от внутренне-мозговой психологии, но, главным образом, от между-мозговой психологии, т. е. той, которая изучает происхождение сознательных отношений между несколькими, прежде всего между двумя индивидуумами. Разнообразные группировки и комбинации этих основных социальных фактов и образуют затем так называемые простые социальные явления, составляющие предмет специальной социологии. Соприкосновение одной души с другой в жизни каждого из них составляет в самом деле совсем

особенное событие, которое ярко выделяется из совокупности их отношений к прочему миру, и вызывает самые непредвиденные душевные состояния, которые совершенно не в состоянии объяснить физиологическая психология".

„Я утверждаю, что взаимные отношения этих двух лиц составляют единственное и необходимое основание социальной жизни и что первоначально они заключались в подражании одного из этих лиц другому. Надо лишь правильно понять это, чтобы не стать жертвой неверных и поверхностных возражений. Никто, во всяком случае, не может оспаривать того, что, поскольку мы живем социальной жизнью, во всей нашей речи, в поступках, в мышлении мы подражаем другим, за исключением случаев, когда мы вводим что-либо новое, что случается, однако, редко; но и тогда легко доказать, что наши новшества, большей частью, являются комбинациями прежних примеров и что они остаются чужды социальной жизни, поскольку не вызывают подражания. Мы не произносим ни одного слова, которое не было бы воспроизведением, сейчас бессознательным, а прежде совершенно сознательным, звуковых сочетаний, которые восходят к отдаленнейшему прошлому и которым мы придаем свойственное окружающей нас среде произношение; исполняя какой-либо религиозный обряд, мы воспроизводим жесты или формулы, выработанные нашими предками путем подражания; во всех наших военных и гражданских обычаях, в нашем ремесле и т. д. нет ни одного движения, которому бы нас не научили или которого мы не заимствовали бы у кого-либо другого. Ни один штрих художника, ни один стих поэта не противоречит приемам или просодии его школы, а самая его оригинальность состоит в накоплении банальностей и, в свою очередь, стремится стать банальной".

85

„Я считаю необходимым тут же подчеркнуть, что социология в этом понимании так же отличается от господствующих под этим наименованием воззрений, как современная астрономия отличается от астрономии греков и как биология со времени клеточной теории отличается от прежней естественной истории".

„Нельзя теперь так понимать выражения „народный дух" или „расовый дух", а равно выражения „дух языка", „дух религии", чем столь часто злоупотребляют, как понимали это наши предшественники, даже такие, как Ренан и Тэн. Этому общему духу, этой метафизической сущности или кумиру придавали оригинальность, впрочем довольно неудачно выраженную. Ему приписывали якобы непреодолимую предрасположенность к известным грамматическим типам, к известным религиозным воззрениям, к известным формам правления, и, обратно, предполагали абсолютную несовместимость их с известными, заимствованными у того или иного из соперников, воззрениями и учреждениями. Так, семитический дух считали совершенно невосприимчивым к многобожию, к аналитической системе современных языков, к парламентской форме правления; греческий дух считали невосприимчивым к единобожию; японский и китайский дух—ко всем нашим европейским учреждениям и воззрениям вообще... Если же факты противоречили этой онтологической теории, то их искажали таким образом, чтобы они подтверждали теорию. Бесполезно было указывать этим теоретикам на глубину тех преобразований, которые вызывает распространение прозелитической религии, языка, учреждения, в роде суда присяжных, далеко за пределами народа и расы, несмотря на непреодолимые препятствия, которые должен бы противопоставить этому распространению дух других наций и других рас. На это отвечали путем переработки своей идеи и проводили различие между благородными расами с изобретательским духом, которые одни владеют привилегией изобретать и распространять свои изобретения, и такими расами, которые рождены для рабства и лишены всякого понимания языков, религий, идей, заимствуя или якобы заимствуя таковые у первых. Впрочем, отрицалось, чтобы это победоносное воздействие одной цивилизации на другую, одного народного духа на другой могло перешагнуть известные границы, в частности чтобы было возможно ввести в Японии и Китае европейские нравы и обычаи. В отношении Японии противное уже доказано, очередь—за Средней Империей.

С течением времени придется открыть глаза и признать, что дух народа или расы не является всеопределяющим, господствующим над отдельными личностями фактором, но просто удобной этикеткой, безыменным синтезом тех личных

исобенностей, которые одни только реальны, одни только остинны и которые постоянно бродят внутри каждого общества, благодаря беспрестанным заимствованиям, благодаря плодотворному обмену примерами между соседними обществами".

2

„Экономисты оказали уже чрезвычайно важную услугу социологии, поставив на место войны, как ключа к истории, конкуренцию—это подобие войны, ставшей не только мягче и слабее, но и мельче и многообразнее. В конечном счете то, что экономисты называют конкуренцией между потребителями или между производителями, с моей точки зрения, следует рассматривать, как конкуренцию желаний и оценок; и если обобщить эту борьбу, если распространить ее на все лингвистические, религиозные, политические, художественные, моральные формы социальной жизни, то можно будет убедиться, что истинные социальные противоречия следует искать внутри самого индивидуума, а именно: всякий раз когда, когда он „колеблется" принять или отвергнуть новое выражение, новый религиозный обычай, новую идею, новую школу искусства. Вот это колебание, эта маленькая внутренняя борьба, которая в каждый данный момент миллионы раз воспроизводится в жизни народа, есть бесконечно малая и бесконечно плодотворная противоположность в истории; в социологии она приводит к глубокому и спокойному перевороту".

3

„Геологи, которые во все времена, сами того не сознавая, были первыми социологами, часто изображают сплетение всех исторических событий с начала человечества, как направление к одной и той же цели: к установлению культа. Почитайте Боссюэга. И если социология после этого и приняла светский характер, то она все же не освободилась от предрассудков подобного рода. Конт мастерски использовал мысль Боссюэта, которым он недаром восхищался; для него вся история человечества ведет к господству эпохи его позитивизма—это нечто в роде светского неокатолицизма. А в глазах Опостена Тьерри, Гизо и других философов-историков эпохи 1830 года, разве ход всей европейской истории не шел к июльской монархии? На самом деле то, что основал Конт, это не социология; то, что он называет этим именем, это просто „философия истории". Во всяком случае, она построена изумительно и представляет высшее достижение в этой области. Как и все системы, известные под этим названием, его концепция развертывает перед нами человеческую историю, этот запутанный клубок или, вернее, это многоцветное сплетение различных клубков, с точки зрения единообразной

эволюции, как единовременное представление своего рода трилогии или единой трагедии, построенной по всем правилам поэтики, где все связано между собой, где каждая из трех частей вытекает одна из другой, где каждое звено исключительно прилажено к другому и где все неудержимо стремится к конечной развязке.

Со Спенсером сделан уже большой шаг вперед к более здравому пониманию социального приспособления: его формула социального развития применима не к единой драме, но к некоторому числу различных социальных драм. Эволюционисты его школы, формулируя таким образом законы лингвистического, религиозного, экономического, политического, морального, эстетического развития, подразумевают также, по крайней мере, скрытым образом, что эти законы применимы не только к одному ряду народов, имеющих привилегию называться историческими, но ко всем народам, которые существовали и будут существовать. Однако, и здесь проявляется вновь та же ошибка, в более общей форме и в меньших размерах, а именно, что для выявления закономерности, порядка и логического хода развития в социальных фактах необходимо возвыситься над их подробностями, которые в значительной степени нерегулярны, и подниматься до тех пор, пока не достигнута будет высота, позволяющая обозреть

широкую панораму; и что принцип и источник всякой социальной координации покоится на нескольких, весьма общих фактах, откуда он спускается мало-помалу до частных фактов, значительно ослабляясь по пути, и что вообще, хотя человек и двигается сам, но им руководит закон эволюции. Я держусь почти противоположного мнения. Правда, я не отрицаю, что среди различных и многообразных исторических эволюции народов, которые, подобно рекам, текут в одном и том же русле, имеются некоторые общие течения. Я прекрасно знаю, что, если многие из этих ручьев и речек и теряются в пути, то другие, несколько раз пересекаясь и сталкиваясь с тысячью встречных течений, в конце концов все же сливаются в один общий поток, который, несмотря на ответвления различных рукавов, как будто не предназначен к тому, чтобы разбиться на несколько устьев. Но я вижу, с другой стороны, что действительным источником этой реки, создавшей, в конце концов, из этих ручьев, что причиной этого окончательного торжества социальной эволюции так называемых исторических народов является, главным образом, ряд научных открытий, промышленных изобретений, которые, непрерывно накапливаясь, взаимно извлекая пользу друг из друга, образуют целую систему; существующая между ними весьма реальная диалектическая связь, не лишенная, правда, извилин, смутно отражается в связи между народами, способствовавшими ее созданию. И возвра-

щаясь к истинному источнику этого великого научного и промышленного потока, мы находим его в каждом из гениальных умов, прославленных или неизвестных, которые прибавили новую истину, новое средство действия к вековому наследию человечества и которые, способствуя объединению человеческих мыслей и трудов, сделали более гармоничными отношения между людьми".

„Можем ли мы теперь сказать, что элементарное социальное приспособление есть, в сущности, приспособление двух человек, из которых один отвечает словом или делом на немой или высказанный вопрос другого? Ибо удовлетворение потребности, точно так же, как решение задачи, есть ответ на вопрос. Можем ли мы, таким образом, сказать, что эта элементарная гармония состоит в отношениях между двумя людьми, из которых один учит, а другой учится, один приказывает, а другой повинует, из которых один производит, а другой покупает и потребляет, из которых один—актер, поэт, художник, а другой—зритель, читатель, любитель, или в отношениях двух человек, которые сотрудничают в одном деле? Конечно, да. И хотя это отношение включает в себя и такую связь между двумя людьми, при которой один является моделью, а другой копией, тем не менее, оно существенно отличается от этой последней.

Но по моему мнению, надо продолжить анализ и искать элементарное социальное приспособление, как я уже сказал, в самом мозгу, в индивидуальном гении изобретателя. Изобретение—я имею тут в виду такое, которое предназначено к подражанию, ибо изобретение, оставшееся замкнутым в мозгу изобретателя, не имеет социального значения—это изобретение есть гармония идей—мать всех человеческих гармоний. Когда между производителем и потребителем должен произойти обмен или даже когда должно иметь место дарение произведенной вещи потребителю (ибо обмен есть взаимное дарение, и, как таковой, возник после одностороннего дарения), то производитель должен прежде всего охватить две идеи одновременно: идею о потребности потребителя, одаряемого, и идею о подходящем для ее удовлетворения средства. Без внутреннего приспособления этих двух идей внешнее приспособление, именуемое в этом случае дарением, было бы невозможно. Так же невозможно было бы разделение труда между различными людьми, которые распределили между собой операцию, выполнявшуюся прежде одним человеком, если этот последний не возымел бы идеи рассматривать эти различные работы, как части одного и того же целого, как средства к одной и той же цели. Таким образом, в основе каждой ассоциации между людьми лежит первоначально ассоциация идей одного и того же человека".

„Для научно-юридической проблемы... имеют значение лишь такие общества, единство которых выражено в правовой организации. Ибо лишь они призваны или только способны вступать в право в качестве лиц. Поэтому отсюда исключаются многочисленные общества весьма энергичной активности: прежде всего безгосударственное или переходящее за пределы государства народное сообщество, поскольку народ становится лицом лишь в качестве государства. Конечно, его социальное жизненное единство, национальность, является могучим активным фактором как для права, так и для языка, нравов и всей духовной и материальной культуры и поэтому требует внимания и юридического исследования. Но она не выступает в числе субъектов права. И народное сообщество создает право, не являясь субъективным единством для права. То же самое относится и к религиозному сообществу, поскольку оно не становится лицом в качестве церкви. Это относится к сословиям, профессиональным и другим сообществам, связанным общей заинтересованностью, политическим и социальным партиям, поскольку и они не соединяются в организованные союзы. Но там, где сообщество представляет собой правовым образом упорядоченное целое, там возникает для права вопрос, может ли, и как именно, социальное жизненное единство быть признано в качестве союзного лица. И там появляется союзное лицо, там возникает для юридической науки задача понять, упорядочить и развить правовые положения, имеющие значение для внешней и внутренней жизни союза, как выражение физически-духовного единства общественного организма.

Но не безразлично ли для юриспруденции, как таковой, как будет разрешена проблема? Не идет ли речь только о теоретическом споре, имеющем лишь учебное значение, решение которого не требуется для чисто юридического понимания права и не имеет значения для его практической разработки и руководства?

Никоим образом! Вся систематическая постройка права, форма и содержание важнейших правовых понятий и решение многих, весьма практических, отдельных вопросов зависят от конструкций союзной личности и тут именно оправ-

90

дывается органическое понимание, ибо оно одно в состоянии найти здесь повсюду то подходящее, что соответствует нашему правовому сознанию и нашим жизненным потребностям. Я не могу тут подробнее остановиться на этом, но позволю себе сделать некоторые указания.

Если союзное право представляет регулирование жизни для социальных существ, то та часть союзного права, которая регулирует внутреннюю жизнь союзов, должна быть принципиально отлична от всякого права, регулирующего внешние отношения существ, признанных субъектами. Соответственно двойственной натуре человека, который представляет целое для себя и часть высшей целостности, право должно расколоться на две большие отрасли, которые мы можем назвать индивидуальным и социальным правом. Так социального права должно представить государственное и все прочее публичное право, так же включенное в частное право внутреннее регулирование жизни частных союзных лиц. В социальном праве должны преобладать понятия, которые не имеют никакого подобия в индивидуальном праве. Ибо здесь то, что, по воззрению отдельного лица, просто отнимается у регулирования путем правовых положений, может подчиняться регулированию путем правовых положений

Здесь право может нормативно определять строение живого целого из его частей и осуществление его единства в множественности этих частей, потому что и поскольку внутренняя жизнь социального организма является одновременно и внешней жизнью людей или более тесных человеческих союзов. Тут всплывает правовое понятие государственного устройства. Построение общественного тела из принадлежащих к нему лиц регулируется правовыми положениями. Получается правовое понятие членства. Членство, в качестве правового состояния, приобретает содержание, состоящее из прав и обязанностей. Выделившаяся из неге область жизни и деятельности личности члена правовым образом отграничивается от индивидуальной области, остающейся свободной от членства; путем регулирования приобретения и потери членства, процессы включения и исключения частей тела становятся правовыми процессами. Путем правовых положений регулируется, далее, расчленение этого тела, при чем каждой личности, являющейся его членом, указывается ее место в составе целого, вводится порядок господства и подчинения, устанавливается строй

связанных комплексов членов, и, может быть, за отдельным членом признается правовое положение главы. Правовые положения определяют, главным образом, организацию, с помощью которой эти связанные в одно целое элементы образуют единство. Предписывая жизненному единству целого правовое выражение и указывая для этого необходимые предпосылки

91

во внешних проявлениях жизни определенных членов или комплексов членов, право превращает понятие органа в правовое понятие. Необозримое множество в высшей степени неоднородных и часто весьма запутанных норм у различных союзов служит для того, чтобы установить число и характер органов, придать каждому из них отграниченную область деятельности, в качестве компетенции и принадлежности, регулировать отношения органов между собой, их взаимодействие, обеспечить руководство высших органов, вплоть до самого высшего, над низшими органами и взаимный контроль органов, приспособить формы и методы использования функций для их цели. Сюда присоединяются правовые положения об образовании органов призванными для несения соответствующих функций отдельными лицами или совокупностями лиц, о приобретении и потере этого положения и об отношении личности органа к индивидуальной личности участвующих в нем людей. Правовое понятие органа имеет специфический характер и не должно быть смешиваемо с индивидуально-правовым понятием представителя. Здесь дело идет не о замещении одного замкнутого в себе лица другим замкнутым в себе лицом, но о другом. Когда глаз видит или рот говорит или рука хватает, это значит, что человек видит, говорит и хватает. Подобно этому, когда орган¹ правильно функционирует в соответствии с своим назначением, тогда жизненное единство целого приобретает непосредственную активность. Таким образом, благодаря органу, проявляется невидимая союзная личность, как воспринимающее и расценивающее, хотящее и действующее единство. Юридическое лицо нашего права не есть малолетнее существо, нуждающееся в законном представителе, но самостоятельно вступающий во внешний мир субъект. Оно дееспособно. Как ни упорно оспаривается это фикционной теорией, тем не менее юридическое лицо приобретает в правовой жизни все больше и больше принудительной власти, но способно к деликтам и ответственно за свои проступки. Но, будучи общественным существом, правовым образом организованным, оно регулируется правовым образом и в своих внутренних духовных процессах, поскольку таковые являются внешними процессами для лиц, составляющих орган. Здесь право занимается волевым процессом во всех его стадиях, начиная с первого побуждения, столкновением мотивов, взвешиванием побудительных причин, осуществлением окончательного решения и превращением его в действие. Правовые положения, касающиеся обсуждения, голосования, принятия решений, согласования выполняющих общественные задачи органов, обнаружения и выполнения решений — все это опять-таки не имеет никакого подобия в индивидуальном праве. Здесь отсутствует понятие договора, при котором изолированные

92

субъекты приходят к соглашению о каком-нибудь общем волеизъявлении, которое они кладут в качестве направляющей нити своего поведения. Всякое соглашение является здесь лишь образованием единой общей воли из призванных к этому частичных волей, всякое разрешение борьбы мнений — лишь проведением волевого единства целого. Каждое неразрешенное столкновение органов угрожает самому социальному организму повреждением, потрясением или даже уничтожением; когда же он преодолевает подобный кризис победой силы над существующим правом, то здесь именно и обнаруживается его реальное единство, которое не создано, но лишь регулировано правом.

Своеобразие социального права является, далее, причиной того, что оно в состоянии преобразовать отношения между единым целым и его частями в правовые отношения. Немыслимо правовое отношение между отдельным человеком и его членами или органами. Напротив, существуют права союзных личностей по отношению к своим членам и органам, достигающие высшей точки в государственной власти, как высшем праве, и идущие вниз многочисленными ступенями в каждой союзной власти вплоть до власти частного союза. Но существуют также права членов и органов по отношению к своим союзным личностям, права на участие в учреждениях и имуществах союза, права на соучастие в образовании общей воли, каково избирательное право, право на особое положение члена или органа, вплоть до прирожденного права господства монарха. Все подобные правовые отношения имеют совершенно иную структуру, чем правовые отношения индивидуального права, какие могут существовать между теми же субъектами, как носителями

свободных особенных областей и при которых как государство, так и отдельный гражданин выступают друг против друга, как любые частные люди. Но когда индивидуально-правовые отношения сплетаются в органическую связь, они испытывают социально-правовое преобразование, из которого происходят своеобразные формы собственности, вещных прав, обязательственных отношений и т. д.

И рождение и смерть общественных существ представляют для права равным образом правовые процессы, которые опять-таки не могут конструироваться при помощи индивидуально-правовых понятий, и потому вызывают новый мир социально-правовых понятий. Свободный волевой акт, призывающий к жизни союзную личность, не является договором, но творческим совместным актом. Это относится к образованию Северо-Германского Союза и Германской Империи не в меньшей степени, чем к образованию любого союза. Прекращение деятельности общественного тела, распадение его остатков и судьба оставленного наследства регулируются

93

правовыми положениями специфического характера. Так из разделения или слияния социальных организмов возникают особые ряды правовых понятий.

В конце концов, богатая система социально-правовых норм принимается за включение низших общественных организмов в высшие и всех их затем в суверенное общее целое. Союзы могут одновременно представлять самостоятельное целое с собственным жизненным единством и быть членами или органами более обширного целого, и в данном отношении они подобны людям. Но новый мир юридических понятий открывается прежде всего благодаря тому, что и внутренняя жизнь подобных членов или органов доступна правовому воздействию целого организма.

Бесконечно многообразны виды правовым образом регулированных социальных организмов, которые создало наше культурное развитие в процессе прогрессирующей дифференциации и интеграции. Среди них имеются образования крупные и малые, чрезвычайно развитые и весьма простые, мощные и зависимые, очень древние и эфемерные, тесно связанные с почвой и основанные на капитале, посвященные всесторонним общепольным целям и направленные на отдельные идеальные или хозяйственные цели. Само собой разумеется, что для них требуется - не принципиально одинаковое, но принципиально неодинаковое право. Поставленное своей суверенной полнотой власти выше их всех государство присваивает себе право высшего порядка и дает возможность принимать в известном объеме участие в преимуществах публичного права лишь таким сообществам, которые оно признает публичными установлениями. Церковь с своим идеальным призванием требует особого права. Для местных сообществ существует особый порядок. К каждому типу общественной корпорации принадлежат своеобразные комплексы норм. Частное союзное право раздробляется в соответствии с различием союзных целей и, далее, с многообразием союзных форм. И, наконец, внутри вида каждое отдельное социальное существо устанавливает для себя соответствующее его конкретной индивидуальности особое право. А великие социальные личности, образование которых и развитие составляет главное содержание мировой истории, каждая в отдельности, так своеобразно установила и преобразовала свой жизненный порядок, что в каждом конкретном государственном или церковном праве господствует система особых правовых идей. Многим, вообще, может показаться, что при подобном разнообразии сравнение недопустимо. Но и у естественных существ бесконечное многообразие и различие по положению видов не исключает научного познания того, что является общим принципом их структуры. Так и мы думаем, что при научно-правовом рассмотрении

94

общественных существ мы познаем общий правовой принцип юридической структуры, проходящий через все социальное право.

После всего этого, мне кажется, можно с уверенностью сказать, что органическое понимание союзов находит свое подтверждение в науке права".

Лестер ф. Уорд

(род. в 1841 г.)

Социальная статика

„Существует... истинная наука социальной механики, и поскольку социальная энергия есть лишь специальный вид проявления универсальной энергии, постольку социальная механика есть лишь особый вид механики,' имеющей дело с этим видом энергии. Как мы видели, основное деление механики есть статика и динамика, и социальная статика и социальная динамика являются столь же закономерными отраслями механики, как гидростатика и гидромеханика".

„Социальная энергия бушует в обществе во всех напра-Влениях, она не ведает жалости, как ураган или прибор. Прирожденные интересы человека действуют в противоположных направлениях, часто без одной какой-либо цели. Они борются друг с другом, сталкиваются между собой, бросаются друг на друга, но столь неорганизованным, предоставленным случаю, хаотическим порядком, что приносят с собой не равновесие, но взаимное разрушение".

„Если бы не было средств укрощать социальную энергию и накладывать на нее узду, то в результате получилось бы одно уничтожение—никакого созидания".

„Уже очень давно было ясно, что существует универсальный принцип, который во всех областях природы и на каждой ступени развития является активным, консервативным, творческим и конструктивным, но потребовалось долгое размышление и обширные наблюдения, чтобы открыть его истинную природу. После того как я ясно понял этот принцип, для меня возникли затруднения: как свести его к простейшей форме и какое дать ему подходящее имя. В конце концов, я остановился на слове „синергия", как наиболее удачном выражении для его двойственного характера: энергии и взаимности".

95

Синергия есть принцип, объясняющий всякую организацию и создающий все структуры. Во всех областях явлений можно найти эти продукты космической синергии. Небесные структуры—это миры и системы миров; химические структуры— это атомы, молекулы и элементы; биотические структуры, это протоплазма, клетки, ткани, органы и организмы. Существуют также психические структуры — чувства, движения души, страсти, половые акты, восприятия, познание, память, воображение, разум, мысль и все различные акты сознания. А затем существуют и социальные структуры... Это продукты социальных сил, действующих по принципу социальной синергии".

.Изучение функций лучше всего можно изучить в органическом мире".

“Структуры—только средства. Функция есть цель. Изучение структуры называется анатомией, изучение функций— физиологией. Но та и другая, конечно, тесно связаны друг с другом и могут быть разделены лишь мысленно".

„Все это так ясно и само собой понятно, что тем более удивительно, как могли многие социологи, основывающие науку социологии на биологии, прийти к мысли, что анатомия есть статическая наука, а физиология — динамическая. Это заблуждение должно быть приписано отчасти неспособности анализировать явления структуры и функции, а еще в большей степени абсолютному хаосу, который господствует среди социологов в отношении того, что в конкретных науках понимается под статикой и динамикой.

Питание, размножение и все так называемые вегетативные функции являются статическими не только когда они лишь поддерживают жизнь индивидуума и рода, но они являются статическими и тогда, когда избыточными функциями они умножают сумму жизни путем роста и увеличения разнообразия этих самых неизменных структурных типов".

„Мы можем даже пойти еще дальше и заявить, что простое усовершенствование структуры является статическим, поскольку оно не включает в себе ни малейшего изменения в природе структуры. Различие здесь тонкое, но может, несмотря на это, с успехом быть проведено, если в каждом данном случае будет

исследовано, подвергся ли изменению принцип, по которому развивается структура, или нет.. Возьмем в качестве примера случай искусственных структур, или механизмов, напр., изобретений. Предположим, кто-либо изобрел машину и изготовил грубую ее модель, слишком несо-

96

вершенную, чтобы ее можно было использовать, и выбрал на нее патент. Так вот, если придет кто-либо другой и предложит модель той же машины, сработанную гораздо тщательнее, так что самая модель годится к употреблению, то он не мог бы все же получить патент за усовершенствование, на основании одного того факта, что его модель лучше сработана. Для того, чтобы иметь право на патент за усовершенствование, ему надо было бы ввести хотя бы незначительное изменение в самый принцип. Такое же различие существует между динамическим и статическим принципом, как в естественных, так и искусственных структурах".

„Во всех областях природы, где структура представляет статическое условие, динамическое условие состоит в каком-либо изменении типа подобных структур".

„Социальные структуры являются продуктами социальной синергии, т. е. взаимодействия различных социальных сил, которые все, сами по себе, действуют разрушительно, но соединенное действие которых, удерживая друг друга и приводя в равновесие, создает структуры. Вся тенденция идет в направлении экономии, сохранения и препятствия к расточению сил. Несмотря на это, не следует думать, что социальная статика имеет дело с неподвижными обществами. Статическое состояние надо резко отличать от стационарного состояния. Если этого различия не делать, то это надо приписать тому, что я назвал иллюзией стационарного. Социальные структуры суть генетические механизмы для выработки результатов, и результаты не могут без них быть достигнуты. Они—резервуары рабочей силы. Динамо вырабатывает электричество из электрических состояний вокруг него. Эти состояния существовали и до того, как была сооружена динамо, но они не приносили ни одного из тех результатов, которые производит динамо. Можно было бы сказать, что много сил было растрчено даром. Динамо только сохраняет и собирает эту силу для надобностей людей. Точно то же относится к любой истинной структуре".

„Социальное равновесие по принципу социальной энергии, хотя и обуславливает постоянную и ожесточенную борьбу между антагонистическими социальными силами, все же создает социальные структуры и сохраняет их, и эти структуры выполняют предписанные им функции. От совершенства этих структур и связанного с этим успешного выполнения их функций зависит степень общественной производительности. В органическом мире борьба имеет видимость борьбы за существование. Более слабые виды вытесняются, и переживают более сильные. Господствует постоянное выбрасывание страдающих недостатками и выживание более приспособленных. То же самое относится к социальному миру, где ела-

97

бые расы погибают в борьбе, в то время как сильные удерживаются. Но в обоих случаях удерживаются лучшие структуры. Борьба переходит за пределы индивидуумов, и даже за пределы видов, рас и обществ, и становится вопросом о наиболее приспособленных структурах. Мы можем поэтому квалифицировать суровую формулу Дарвина о борьбе за существование и рассматривать всю панораму скорее, как борьбу за структуру".

„Социальный механизм, взятый в целом, конституирует социальный порядок. Порядок есть продукт организации. Социальная синергия, как и все другие виды синергии, по существу конструктивна. Поэтому социальная статика может быть названа конструктивной социологией. Без структуры, организации и порядка не может быть хорошей работы. Все выше развивающаяся организация просто увеличивает рабочую силу общества. В качестве примера достаточно сравнить силу армии с силой толпы народа, предполагая, что та и другая преследуют одну и ту же цель. Социальная статика есть подразделение социальной механики или отрасль социологии, имеющая дело с социальным порядком. Социальный порядок, сходный в этом отношении с организмом, составляется из социальных структур; он совершенен в той мере, в какой эти структуры объединены в одно целое, и высоко развит в той мере, в какой эти структуры дифференцированы и многообразны, и, несмотря на это, вполне интегрированы, или приведены в совершенно подчиненную и соподчиненную систему. Таким образом, эта часть социологии будет заниматься, главным образом, социальными структурами и их функциями, вместе с их происхождением и их природой, их отношениями

подчинения и соподчинения и окончательным результатом всего процесса, а именно—самого общества. Но не следует ожидать, чтобы мы могли постоянно придерживаться употреблявшейся до сих пор биологической терминологии, да это и нежелательно. Целью ее применения в строго генетическом исследовании, как настоящее, является—ни на один момент не упускать из виду великого единства, которое составляет вся наука. Но социологии следует иметь собственную терминологию, и фактически таковая у нее уже имеется".

Наиболее,, общим и подходящим названием для социальных структур является человеческие учреждения. Прилагательное „человеческие", собственно говоря, не нужно, ибо мы не имеем оснований утверждать, что животные общества (это выражение само по себе уже является метафорическим) состоят из учреждений и, вообще, обладают таковыми. Следовало бы в самом начале сказать, что структуры не являются обязательно материальными предметами. Психические структуры никогда не бывают материальными, а социальные структуры могут быть или не быть таковыми. Человеческие учре-

98

ждения представляют собой единственные средства, которые возникли для контроля и использования социальной энергии. Еще в пятой главе, при поисках истинной природы и сущности социальной энергии, мы имели дело с тем самым основным из всех человеческих учреждений, с той первичной, однородной, недифференцированной социальной плазмой, из которой позднее развились все учреждения и которая настолько осталась незамеченной социологами, что у нее даже нет еще имени. Мы решились назвать ее групповым чувством безопасности и доказали, что из всех до сих пор рассмотренных человеческих учреждений оно родственнее всего религии. Из него, во всяком случае, выросли одна за другой религия, закон, мораль (в ее примитивном и правильном смысле, имея в основе обычаи или нравы) и все обрядовые, церковные, юридические и политические учреждения. Но есть еще и другие, почти столь же примитивные и важные человеческие учреждения, как язык, искусства, промыслы, которые могут иметь и другой корень, а историю происхождения тысяч позднейших, производных учреждений трудно проследить. Это полное значения филогенетическое изучение общества когда-нибудь станет выдающейся частью социологии, точно так же, как органическая филогения лишь недавно стала признанной ветвью биологии.

Более подробное исследование человеческих учреждений обнаруживает тот факт, что они, даже в общих чертах, не вполне похожи друг на друга. Их можно разделить на две или три группы или классы. Мы уже видели, что некоторые из них материальны, другие—нематериальны, но даже и это не является таким фундаментальным и существенным различием, как другое, которое, хотя и весьма родственно ему, но не вполне с ним совпадает. Эти различия довольно трудно определить, но оно обнаруживается на нескольких подходящих примерах. Его можно было бы назвать различием между естественными и искусственными, или между самопроизвольными (спонтанными) и сотворенными учреждениями, хотя на самом деле один класс столь же естественен, как другой, и оба они отчасти спонтанны, отчасти сотворены. Однако, во многих случаях это два родственных учреждения, из которых одно принадлежит к одному классу, а другое— к другому. В подобных случаях естественное или спонтанное учреждение как будто старше и примитивнее, а искусственные или сотворенные являются, в некотором смысле, отростком первых. Соответственно с этим один класс можно было бы назвать первичным, а другой—вторичным. С другой же точки зрения, вторичные учреждения можно было бы рассматривать, как продукты или функции первичных".

„Рассматривая религию, как учреждение, хотя бы в простейшей его форме, которую я назвал групповым чувством

99

безопасности, мы увидим, что из нее выросла система, которая принудила к образу жизни, благоприятному для расовой безопасности, подвергая наказанию всякое поведение, вредное для расовой безопасности. Это тоже называется религией, и поверхностные наблюдатели вовсе не видят, что на самом деле за этим скрывается нечто другое, считая все это религией первобытных народов. Но в действительности тут мы имеем зачатки столь же обрядовых, как и экклезиастических учреждений, как они были определены

Спенсером. • В позднейшем своем развитии эти зачатки становятся церковью, и точно так же, как Спенсер расширяет выражение еkkлезиастический, включая в это понятие и ранние формы, так и мы можем еще дальше расширить слово церковь, так что будет правильно и понятно, если мы скажем, что церковь является тем вторичным или производным учреждением, которая сделала необходимой и в действительности создала религию, как первичное и первоначальное учреждение".

„Можно было бы еще гораздо подробнее рассмотреть этот общий объект дуализма человеческих учреждений, ибо почти каждое первоначальное учреждение раньше или позже создает соответствующее производное учреждение. Поскольку первоначальные учреждения являются прямыми результатами основных потребностей и требований человеческой природы и, следовательно, теснейшим образом связаны с психической и социальной энергией, в то время как вторичные, по своей природе, представляют в большей степени искусственные конструкции, постольку уместно и целесообразно ограничить выражение учреждение ранними учреждениями, а позднейшие называть социальными структурами в более тесном смысле слова. Не потому, чтобы те и другие не были структурами или учреждениями, но употребление такой терминологии часто может служить тому, чтобы подчеркнуть несомненно существующее различие. Мы могли бы тогда указать дальнейшие структуры с соответствующими им учреждениями. Мы нашли бы, напр., что „собственность" есть учреждение, создавшее искусства, как социальную структуру, и что из этих корней выросли все индустриальные учреждения в том смысле, в каком употребляет это слово Герберт Спенсер. Разделение труда в самом широком смысле слова есть учреждение, которое лежит в основе всех форм добровольных организаций, как социальных структур".

„В качестве перехода к развитому государству можно рассматривать матриархат, как учреждение, на котором был основан клан, как производная социальная структура. Таким же образом патриархат родственен племени, между тем как кровное родство является основой сложных групп, в роде грибы.

Этот беглый и неполный" набросок человеческих учреждений, или, вернее, некоторых из главнейших учреждений, дает нам идею о природе социальных структур. Все они являются результатом известного рода борьбы между социальными силами, благодаря которой нейтрализуется центробежный и разрушительный характер каждой, действующей только для себя силы, и каждая из них вынуждена чем-нибудь содействовать конструктивному делу общества. Благодаря образованию этих структур, различные силы приводятся в равновесие, сохраняются, изменяются и превращаются в энергию и силу. Созданные однажды структуры становятся хранилищами рабочей силы и только благодаря им и совершается вся работа общества. Все эти структуры родственны между собой, и выполнение их функций приводит их в соприкосновение или даже в конфликт друг с другом. Эта молчаливая борьба между социальными структурами производит такое же действие, как и всякая другая борьба, и ведет ко всеобщей социальной организации. Окончательным результатом является социальный строй или само общество, как организованное целое—большой склад социальной энергии, сохраняемой для употребления благодаря человеческим учреждениям".

„Гумплович и Раценгофер весьма подробно и убедительно доказали, что генезис общества, какое мы видим и знаем, произошел путем борьбы рас. Я не могу надеяться прибавить что-нибудь к их мастерскому доказательству этой истины, которая бесспорно является важнейшим из всех прежних вкладов в науку социологии. Наконец-то мы имеем настоящий ключ к решению вопроса о происхождении общества. Это не есть целое, но обоснование целого, на котором должно быть построено здание социологии. Полное познание и правильное понимание этой идеи уничтожит все те никому ненужные вороны гнезда, которые до сих пор господствовали в социологии. Это единственное научное объяснение, которое до настоящего времени было дано фактам и явлениям человеческого общества. Оно исходит из истинного естественного принципа, который повсеместно применим к человеку и согласуется со всеми данными этнологии и антропологии. Кроме того, этот принцип является универсальным и единственным, который может объяснить все прочие естественные явления. Если мне удастся что-нибудь прибавить к этому предмету, то это будет состоять в том,

чтобы ясно изложить эту истину и доказать, что борьба рас есть простая и типическая социальная синергия и что таким путем синергия проявляется в качестве космического принципа в социальном мире".

101

Курт Брейзиг

{род. в 1866 г.}

Законы мировой истории

„Несомненно, все эти скрещивания мировой истории производят некоторое впечатление грубой случайности, хотя бы они определенно вызывались самыми неизбежными сцеплениями причин. Тем спокойнее обращается взор, ищущий законов и порядка, к ступенчатому строению (Stufenbau) мировой истории, которое в себе самом заключает закон и правило. Да, закон, ибо теперь, думается мне, своевременно говорить о законах истории. Поскольку предметом исследования была сама по себе богатая и обширная, но весьма ограниченная область европейской истории, можно было говорить, самое большее, о закономерности. Но теперь, когда может идти речь о целостности мировой истории, хотя бы в беглом и поверхностном очерке, нет надобности боязливо отступать перед великим словом исторического закона. Ибо первое требование для закона, заслуживающего, с научной точки зрения, этого наименования, выполнено тогда, когда полностью доставлен материал для наблюдения.

О подобной полноте наблюдения, в смысле подробного исследования, не может быть и речи также и для предлагаемой здесь беглой попытки. Но достаточно обрисовки самых общих очертаний картины, чтобы найти некоторые законы всемирно-исторического процесса, которые, конечно, должны рассматриваться лишь как временные, нуждающиеся, быть может, в известном ограничении и усовершенствовании. Они зато могут похвалиться тем, что покоятся не на пустом и отвлеченном и в высокой степени произвольно выдуманном строе мыслей, как положения Гегеля, или что они не так бледно и поверхностно судят об исторической действительности, как законы Бокля, отчасти недостаточные и по своей отвлеченной форме.

Первый закон: из первобытных зародышевых форм полового общения, группового брака с беспорядочными сношениями или других, сродных с ними первичных форм должна развиваться отдельная семья, состоящая из одного мужчины и одной или нескольких жен и их потомства.

Второй закон: из отдельных семей, с ростом последующих поколений и с увеличением связи между ними, возникают дальнейшие кровные союзы: большая семья, род и родовая община.

102

При этом следует заметить, что под кровным союзом понимается соединение всех тех лиц, которые чувствуют себя связанными общим происхождением от одного мужчины или одной женщины.

Третий закон: из кровного общения, имеющего государственное подобие, по истечении известных периодов времени и развития, должен возникнуть действительный, хотя и неустойчивый вначале, государственный союз, путем соединения двух или более кровных союзов в одно чисто государственное, т. е. не связанное более кровным родством единство, и установления известной конституции.

При этом надо отметить, что под государством понимается известное количество людей, объединенных для внешней защиты и внутреннего общения рядом общественных учреждений регулирующего и совещательного характера.

Четвертый закон: из простейшей формы государственного единства, поселения, при росте числа людей и укреплении общественных наклонностей, должны вырасти более значительные общины, а именно: народности, объединяющие несколько поселений, племен, несколько народностей.. Пятый закон: из свободных родов до-государственного периода, при наступлении государственного объединения, должны образоваться зависимые, но все еще мощные, особенно часто управляемые собственными вождями, общины того же наименования.

Шестой закон: из натурального общего хозяйства отдельной семьи, при росте и расщеплении этих простейших кровных союзов, должно возникнуть умышленно сохраняемое в изолированном состоянии общее хозяйство больших семей и родов.

Седьмой закон: из общего хозяйства более крупных кровных союзов, при объединении нескольких из них в поселение, должно возникнуть более обширное и более искусственное общее хозяйство таковых.

Восьмой закон: зарождающиеся государства, при достаточно сильных общественных наклонностях, должны перейти от неустойчивой организации, которую они принимают вначале, напр., в виде передачи дела управления одному из равноправных родовых вождей, к более высоким государственным формам, напр., к организации представительных собраний, хотя бы всех родовых вождей данного племени.

Девятый закон: при более резком отграничении государственных единств от внешнего мира и более прочной связи членов их между собой, государственный строй должен преобразоваться из формы свободного народоправства в форму более сильного господства отдельного лица.

Десятый закон: мягкое сперва господство отдельного лица, при дальнейшем росте, должно привести к более суровому

103

подчинению составляющих народ людей, к воинственному расширению государства во-вне и к обеспеченной особыми учреждениями прочности и устойчивости государственного строя.

Одиннадцатый закон: установление сильной королевской власти должно, вместо существующего состояния почти полного отсутствия классов, вызвать к жизни дворянство, будь то высшее дворянство, образовавшееся путем подчинения королевской власти первоначально равноправных вождей, будь то низшее служилое дворянство, создавшееся путем выделения военного и чиновного сословия.

Двенадцатый закон: из общего хозяйства, при переходе от народоправства к господству отдельного лица, должна развиваться частная собственность отдельной личности и отдельной семьи.

Тринадцатый закон: у народов с сильной и широкообъемлющей королевской властью многобожие должно превратиться в почитание немногих богов, а впоследствии одного высшего или даже единственного бога.

Четырнадцатый закон: при достаточной жизненности народа, в областях с сильной королевской властью, вследствие внешнего или внутреннего ослабления этой власти, должно образоваться оппозиционное движение дворянства, которое ведет затем либо к прежнему распадению государственной территории на части, управляемые на полугосударственный манер представителями дворянства, либо при сохранении государственной целостности — к вытеснению королевской власти господством дворянства.

Пятнадцатый закон: почти одновременно с этим государственным изменением, при достаточной душевной силе, крепкая, но элементарная форма старой веры в бога должна превратиться в более глубокое сознание непостижимости и неопределимости миро бытия и в страстное почитание божественности, олицетворяющей это 'миро-бытие, или самого непостижимого.

Шестнадцатый закон: при очень деятельном росте народных сил, за периодом господства дворянства должно последовать новое усиление государственной идеи по существу, в форме ли восстановления королевской власти или в форме более строго выдержанного, более государственного дворянского или смешанного строя, представляющего собой полу-дворянское, полу-народное господство.

Семнадцатый закон: за периодом менее значительной деятельности государства во-вне. который связан с господством дворянства и его частыми внутренними раздорами, должен, вместе с более тесной конституционной связью, последовать период значительного увеличения государственных и завоевательных войн.

104

восемнадцатый закон: при том же прогрессе роста, против этой королевской власти должно выступить движение в пользу господства народа, каковое движение, в свою очередь, проводится полностью или частично или превращается в новую форму монархической идеи, т. е. господства одного лица, которое выступает, правда, более демократически, но не менее претенциозно, чем только недавно упраздненная королевская власть.

Девятнадцатый закон: с переходом от королевской к императорской власти должно вновь возрасти искусство внешней и завоевательной государственной политики и привести к созданию мировых и больших колониальных империй, а вместе с этим, в тот же фарватер должна быть отчасти втянута и демократия, хотя последняя и стремится к установлению общегражданского мира в мировом масштабе и фактически достигает более продолжительных периодов мира.

Двадцатый закон: при императорской или одинаково развитой с ней демократической власти народное хозяйство должно достигнуть неслыханного ранее подъема в области торговли и промышленности.

Двадцать первый закон: этот рост торговли и промышленности должен, с одной стороны, вести к значительному усилению частной собственности и к образованию весьма крупных состояний у немногих, а с другой стороны, большей частью под давлением растущего обнищания массы, к ощутительному или определенному стремлению к новому общественному хозяйству.

Двадцать второй закон: религиозная жизнь у народов такой повышенной политической и хозяйственной структуры должна перейти от состояния ограниченной разумом привычной веры в другое состояние, над которым господствует контраст- между полным отрицанием религии и сильными проявлениями нового религиозного движения или жажды к новому мировоззрению.

Двадцать третий закон: наука у народов такой повышенной политической и хозяйственной структуры должна из подготовительной стадии достигнуть небывалого развития в направлении точного, описательного, опытного исследования.

Двадцать четвертый закон: искусство у народов такой повышенной политической и хозяйственной структуры должно превратиться из состояния высокого расцвета в отношении, главным образом, формы и фантазии в другое состояние, где господствует небывалое ранее точное и описательное изображение "действительности".

Можно тотчас заметить, что эти законы прослеживают с некоторой последовательностью лишь политическую жизнь народов. Законы, касающиеся других областей истории, до-

вольно отрывочные, приведены лишь для того, что бы доказать возможность установить и для их развития принудительную закономерность, не выставляя поспешных утверждений там, где состояние наших знаний не позволяет сказать ничего определенного. Что касается отвлеченной формы этих положений, то я полагал, что закон правилен лишь тогда, когда он выражает неизбежную последовательность двух или более событий или групп событий одних за другими".

„По отношению к главному возражению... что эти законы не являются достаточно вневременными и потому безусловными/ следует указать, что правило не становится менее всеобщим и неограниченным от того, что оно связано- с периодическими ступенями развития. Эта связь означает лишь ограничение круга, но не уменьшение его доказательной силы. Неопровержимым доказательством этой мысли служит своеобразный преходяще-непреходящий отпечаток руководящей основной мысли- этого правила, а именно: мысли о ступенчатой последовательности. Еще сейчас существуют весьма многочисленные племена и народности, которые находятся в совершенно первобытном состоянии, и нет никакого сомнения, что еще и в настоящее время то или другое из этих племен, при достаточной жизненности и полной обеспеченности от европейского вмешательства, было бы в состоянии сделать шаг от первобытной эпохи к ступени древности. Но этим была бы доказана полная сила законов, действительность которых в истории высоко развитых народов, конечно, относится к столетиям и тысячелетиям назад. Впрочем, уже теперь недалеко то

время, когда будет завершено завоевание земного шара европейцами, и тем самым будут уничтожены еще сохранившиеся остатки всех низших ступеней. Но единообразие человеческого развития происходило весьма явственно, и ни в малейшей степени не является случайностью. Пусть оно прерывается в жизненной нити того или иного развития, которое, не встречая препятствий, могло бы еще неопределенно долгое время продолжать свой путь. Но если таким образом оказывается, что значительное число выставленных здесь законов в известную эпоху не обнаруживали своего действия, то этим не уменьшается их значение. Если, например, химический закон устанавливает, какая реакция происходит при определенном соединении двух элементов, то он не теряет своей силы от того, что в течение тысячи лет или от сегодняшнего дня до конца существования земли оба эти элемента никогда не войдут между собой в соприкосновение. Отсутствие у этих законов меры и числа есть недостаток точного определения границ, но не порок по существу. Этот недостаток свойствен всей исторической науке и исчезнет лишь в будущем'.

106

„Но вопреки этому неприязненному отношению, законы, в роде здесь выставленных, не смогут оставаться в абстрактном расчленении, но надо будет думать о том, чтобы обнять их более общими, высшими законами. Ибо, хотя все эти положения вполне могут притязать на наименование закона, однако, они настоятельно требуют ссылки на законы более высокого порядка.

В качестве первого из этих законов второй ступени можно выставить прежде всего общее правило: подъем народов совершается исключительно в определенной последовательности ступеней общественного и духовного развития, при чем следует заметить, что подъем понимается лишь как символ движения, но не улучшения по существу, и, далее, что этот закон должен не только преодолеть множественность и раздробленность происходящих до сих пор раздельно процессов развития народов, но иметь значение и для направления движения в будущем. Впрочем, в будущем эта раздробленность будет, вероятно, все меньше иметь места, но и теперь уже, быть может, историк, ищущий законов, не находит параллелизма в древней и новой европейской истории, тот самый историк, который мог вывести из этой наличности двух пучков развития первое и самое надежное обоснование своего права выставять законы. Даже раздробление на народы и группы народов, которое ныне дает второй повод к подобным законам, тоже когда-нибудь исчезнет. Все же после столь продолжительного периода наблюдения можно выставить правило, что развитие души человечества всегда будет идти некоторое время одним направлением, а затем в другом, что может быть названо ступенчатой последовательностью. Нет оснований (излагать, что это обыкновение, которое она сохранила на протяжении десяти тысяч лет в своих частях, будет утрачено в качестве нераздельного целого.

От подобных примесей и сомнений свободен второй закон высшего порядка, который имеет своей предпосылкой несколько низших законов, не приведенных выше, краткости ради. Если иметь в виду сперва область государственно-хозяйственного развития, то можно установить, что первобытная эпоха есть период преимущественно общественных наклонностей, древность — господство личного начала, что средневековье вновь носит на себе отпечаток первобытной эпохи, а новое время — древности, и что новое время принесло с собой повторный возврат к общественному мышлению, но непосредственно за ним идет сильный подъем индивидуализма. Из этих законов, которые легко могут быть выражены рядом законов низшего порядка, можно вывести более высокий закон, что в ступенчатой последовательности времен выделяются эпохи, в которых

107

господствует индивидуализм, и эпохи, в которых преобладают общественные склонности.

Я не знаю, какие еще законы можно прибавить к этим обоим: к тому общему, составляющему, до некоторой степени, лишь предпосылку всякой специальной закономерности, и к этому единственному закону. Надлежит лишь отметить возможность других законов: так, в третьих, можно доказать в последовательности исторических процессов еще большую и отчасти гораздо более сложную закономерность, чем та закономерность в параллельности развития, а не хронологической

последовательности, на основании которой были выставлены законы первого порядка. По крайней мере, длинные ряды древней и новой европейской истории—все прочие слишком коротки — позволяют нам наблюдать не только маятнико-образные движения, к допущению которых побуждает нас смена индивидуалистических и общественных течений, но и шире простирающуюся кругообразную закономерность. Последовательность слабой, растущей, мощной монархии повторяется в новоевропейской политической истории, после того как она в первый раз прошла через первобытный и древний периоды, с поразительным сходством в позднем средневековье и в новое и новейшее время; империя Наполеона имеет не только внешнее и случайное сходство с империей Карла Великого.

В четвертых, будет, пожалуй, возможно установить более высокий закон для связей и сходств между рядами умственного и общественного развития, каковые сходства всегда можно доказать: напр., совпадение далеких от действительности искусства и науки с господством индивидуализма в практической жизни, смиренного размышления с смиренным общественным чувством, так очевидно доказаны в 19-м столетии вплоть до разделения на десятилетия, что тут можно предполагать последовательность, а следовательно, и закономерность исторических событий.

В. пятых, науке удастся, вероятно, путем десятилетий напряженной работы сравнительного исследования установить влияние отдельных рядов развития исторической жизни друг на друга, следовательно, между прочим, и хозяйственных. Непосредственные влияния почвы на умственную жизнь, солнца— на душу, науки—на государство и многие другие заслуживают, на мой взгляд, большого внимания историка.

108

Быть может, удастся тогда найти несколько более общих законов для этих взаимных воздействий.

В шестых, эволюционное учение о жизни новейшего естествознания выставило и отчасти доказало утверждение, что физическое развитие индивидуума соответствует развитию вида, рода, даже всего животного мира, что онтогенез и филогенез, как выражается школьный язык биологии, параллельны друг другу. Не является невозможностью выставить подобное же утверждение для параллелизма душевного развития индивидуума и человеческого рода в истории. Если этот параллелизм можно будет доказать, в пользу чего говорит пока некоторое сходство между первобытным человеком и ребенком, то он будет иметь значение закон.ч высшего порядка.

В седьмых, с гораздо большей вероятностью будут установлены некоторые законы высшего порядка о способе передачи разными ступенями друг другу своей цивилизации, а в восьмых, целый ряд других законов о том, как народы различных ступеней во враждебной или мирной борьбе одерживают друг над другом верх, одолевают, влияют и умственно или политически подчиняют друг друга.

Я считаю нужным остановиться, и прежде, чем кончить, резко подчеркнуть недостатки и границы всех подобного рода рассуждений. Прежде всего, нельзя скрывать, что эти принципы сами по себе не разрешат и даже не коснутся загадки исторического хода событий и причинной свешенных вещей. Они только отмечают на основании опыта постоянную смену событий, частью в форме, связанной с определенной эпохой развития человечества—таковы первые законы низшего порядка,—частью с притязанием на общую значимость, обнимающую все течение истории: таковы законы высшего порядка. Но они не притязают на то, чтобы объяснить, почему эта смена событий происходит с такой закономерностью. Впрочем, насколько мне позволяют судить мои недостаточные познания, они в этом отношении не отстают от законов, которые удалось установить естествоиспытателям.

А во-вторых, подобная закономерность и сейчас еще абсолютно не может охватить исторические события целиком. Она, можно сказать, дает скелет мировой истории; но совершенно не затрагивает живой плоти и крови людей и народов в их частностях и подробностях или охватывает все их богатство в таких обширных рамках, что внутри их остается свободное пространство. Правда, эта закономерность руководится воззрением, что правильное познание того, что имеет частный, особенный характер возможно лишь после предшествующего познания того, что является общим. Но она впала бы в старую ошибку односторонности, от которой так

страдает отрицаемая ею описательная историческая наука, которая хочет видеть всегда лишь единичное и во всех случаях выдавать его за единственное, если бы не признала, что она еще очень далека от закономерного или даже отвлеченного познания единичного. Это разъяснение относится, в первую очередь, к единичностям, особенностям рас и народностей, как и великих людей. Отрицать их было бы так же нелепо, как и отрицать всякую закономерность исторических событий. И они стоят под сенью великого закона причинности, обусловленности, предопределенности всего исторического процесса, и прочность его не могут расшатать „ходовые словечки" о случае, о свободной воле и новейшее словечко о различии между становящейся историей, будто бы определяемой случаем и свободной волей, и ставшей историей, будто бы определяемой причинно".

„Наконец, меньше всего следует отрицать особенность и единичность всемирно-исторического процесса, как целого. Все те, так сказать, случайности совпадения неравных по ступеням развития, все перекрещивания счета по ступеням со счетом чисел, столетий, тысячелетий, о которых здесь так убедительно говорилось, делают несомненной единичность этого обширнейшего и сложнейшего процесса, который, вообще, знает история. Великие слова Вико, пророка и провозвестника нашей науки, которые мы уже тут однажды приводили, могли бы относиться и ко всему историческому процессу, когда он говорит, что с той же необходимостью, с какой протекает вся история этой планеты, проходила бы история всякой другой звезды, возникшей в тех же условиях, что и наша земля. Но недопустимо говорить о законах, для подтверждения которых имеется лишь единственный случай наблюдения. Будет уже очень много, если когда-нибудь удастся с уверенностью доказать законы для отдельных повторяющихся частей этого общего процесса—подобные тем, первые неясные и смутные очертания которых я попытался дать на этих страницах".

Вильгельм Вундт

(1832—1920)

Социальные законы

.Общество во всех своих проявлениях обусловлено исторически. Каждое его состояние есть результат предшествующих состояний и обстоятельств, и само оно, рассматри-

ваемое исторически, состоит из множества условий, из которых проистекает последующее развитие. Соответственно с этим нельзя и думать о принципиальном разделении между социальными и историческими законами. Единственный относительный признак, по которому возможно подобное разделение в связи с расходящимися целями истории и социологии, может заключаться лишь в том, что об исторических законах, в тесном смысле, говорят тогда, когда вопрос идет преимущественно о каузальной связи процессов в их последовательности, т. е. об установлении законов в интересах истолкования истории. Напротив, социальными законами, как таковыми, называются такие законы, которые выражают либо закономерную последовательность определенных состояний общества, либо же причинные отношения отдельных составных частей данного состояния между собой. Но в различаемой здесь двойной возможности уже выражено, что имеющие быть выставленными, с подобных точек зрения, социальные законы, как этого вполне можно ожидать от вышеуказанной тесной связи их с историческими законами, распадаются на те же два класса, как и те: на законы развития и законы отношения. Среди них социальные законы развития по природе вещей составляют лишь отдел исторических законов развития".

„В частности, все те законы исторического развития, которые устанавливают закономерную или рассматриваемую, благодаря сцеплению условий, в качестве необходимой, последовательность состояний, являются, конечно, одновременно и социальными законами, поскольку мы придаем и им такие общие формулировки, которые стремятся уяснить причинное возникновение данных социальных состояний. В этом смысле... в частности .. законы последовательности форм сношений, хозяйства, политического устройства

суть социальные законы развития. Но мы видели, что среди многообразных законов прогресса и развития, которые выставила историческая наука, именно те законы, которые относятся к определенным формам общественной жизни и которые именно в этом смысле являются одновременно социальными законами, имеют, сравнительно, самую большую ценность, ибо они наиболее соответствуют задаче упорядочить многообразие опыта надлежащей логической схемой, дающей возможность познать причинные условия последовательности; в этом именно отношении эти законы стоят гораздо выше тех универсально исторических законов развития, при которых преимущественную роль играют умозрительные предпосылки и гипотезы. Это преимущество имеет два основания: оно вытекает, во-первых, из того, что длительные состояния обладают, по сравнению с единичными историческими процессами, большей закономерностью явлений и, в соответствии с этим, причин-

111

ные связи тут более прозрачны; а во-вторых, это преимущество вызывается самоограничением, которому подвергают себя социально-исторические формулировки закона по сравнению с универсально историческими. В частности, они относятся, с одной стороны, только к частичным явлениям социальных состояний, а среди них, в свою очередь, к таким, которые зависят больше от коллективных, чем индивидуальных влияний; с другой стороны, они имеют в виду исключительно эмпирически данное течение истории, не присоединяя к ним, а тем более, не давая предпочтения трансцендентным целям, подобно философско-историческим законам развития.

Гораздо более самостоятельное значение имеют социальные силы отношения. Правда, и они возможны лишь в тех трех формах, в которых, вообще, могут быть причинно связаны ставшие историческими явления и состояния в их отдельных составных частях и в которых они, вместе с тем, сводятся к общим принципам психологической связи духовных процессов, а именно, как законы равнодействующих отношений и контрастов. Но в то время, как эти законы в истории, благодаря общей природе исторических объектов, ставят последовательные явления во взаимную связь, в социологии они простираются прежде всего на одновременное, т. е. на факторы данного состояния. Отсюда вытекает, что, хотя в обоих случаях законы следуют -согласованным формам и, в соответствии с этим, согласованным принципам психической каузальности, однако в отдельных случаях социальный закон можно отличить от исторического по критерию одновременности причинно связанных факторов. Благодаря этому, и это различие ведет с собою вновь известное ограничение, так что нередко историческая равнодействующая переходит в социальную, или отношения и контрасты, которые сначала обнаруживают себя в исторической последовательности, затем остаются рядом стоящими внутри данного социального состояния. Однако, в подобных случаях всегда следует различать исторические и социальные отношения, элементы которых хотя и совпадают по содержанию, но подлежат разделению при посредстве различной временной формы связи. Второе различие, которое безусловно вытекает из временного отношения факторов, состоит в том, что строго исторические законы могут обладать лишь односторонней каузальной связью, в которой, соответственно временной форме событий, причины предшествуют следствиям, между тем, как, именно, социальными отношениями контрасты очень часто преобразуются во взаимодействия—свойство, благодаря которому может существенно повыситься совокупный эффект причин.

112

Выяснив подробно общий характер законов отношения исторических и социальных явлений, равно их связь с психологическими принципами творческого синтеза, относительного анализа и усиления контраста... тут будет уместно указать для каждого из этих законов характерный пример, я беру эти примеры из учения о народонаселении и из науки о хозяйстве, ибо тут подобные формулировки закона приобрели до сих пор самое большое значение. Впрочем, и в других областях, напр., области литературы и искусства, многие примеры, в частности, касающиеся принципа контраста, могут быть поучительны в смысле перехода отношений последовательности в отношения одновременности.

Согласно закона социальных равнодействующих, каждое данное состояние в общем всегда сводится к одновременно имеющимся слагаемым, которые соединяются в нем для единого совместного действия. Примером подобного закона является так называемый Мальтусовский закон народонаселения. Он гласит, что с момента полного заселения данной территории размер населения является равнодействующей

стремления к размножению и противодействующих этому стремлению препятствий, таким образом, что количество населения всегда стремится достигнуть границы возможности сохранения и, по достижении ее, остается постоянным

„Закон социальных отношений сводится к тому опыту, что каждое более важное социальное явление находится во взаимоотношении с другими одновременными явлениями общественной жизни; благодаря такому взаимоотношению, оно образует с ними одно целое, в котором более или менее явственно отпечатлевается весь характер общего социального состояния. Примером подобных социальных отношений может служить выставленный К. Марксом закон прибавочной стоимости. Этот закон гласит, что денежно-капиталистическое производство товаров имеет тенденцию производить денежную, прибавочную стоимость, каковая может возникнуть лишь благодаря тому, что от производящих товары рабочих требуется более продолжительный труд, чем тот, который требуется для сохранения их существования и соответствует рабочему времени, представленному в их заработной плате, так что, в соответствии с этим, прибавочная стоимость", которой достигает капитал, состоит не в чем ином, как в продукте именно этого из-

113

быточного труда. Этот закон имеет характер закона отношения: он представляет увеличение капитала и повышение рабочего времени сверх необходимой для сохранения существования рабочего меры, как два соотносительных процесса, из которых один, а именно прирост капитала, поскольку он рассматривается, как уже наступивший, есть результат действия другого—увеличения рабочего времени. Но и тогда, когда имеют в виду каузальное отношение лежащих в основе тенденций, увеличение капитала, поскольку оно является поставленной целью, должно, наоборот, рассматриваться, как побуждение, обуславливающее стремление к увеличению рабочего времени. А так как этот процесс, поскольку не встречаются внешние случайные препятствия, продолжается до бесконечности, то эти факторы постоянно находятся между собой в таком взаимодействии, что один процесс повышает другой, а этот, в свою очередь—первый".

„Закону социальных контрастов подчиняются все те процессы социальной жизни, при которых определенные явления повышаются благодаря своей противоположности с другими предшествующими или одновременными явлениями. Как и при исторических контрастах, которым эти явления вполне соответствуют, так обычно и тут поводы к развитию контрастов являются внешними; но действительное объяснение противоречий само приводит к самым общим свойствам жизни чувства. Вместе с тем, в этом случае отношение к аналогичным историческим явлениям еще более тесное, чем в обоих предшествовавших законах, ибо и социальные контрасты постольку принимают историческую форму, поскольку противоположные чувства как в отдельном сознании, так не в меньшей степени и в обществе многих индивидов, обычно вступают не одновременно, а последовательно. Но это основано на том единстве положения чувства, которое делает невозможным одновременно желать противоположного, единстве, которое, благодаря совпадающим условиям жизни, до известной степени действительно также и для социального общения. Тем не менее, подобные контрастные явления, существенное значение которых всецело лежит в социальной области, а не в исторической, или же в последней стоит на самом заднем плане,—именно поэтому можно причислить к социальным законам контраста. И тут законы сами по себе одновременно являются социальными и историческими, но центр тяжести в этом случае падает на социальную сторону.

В этом смысле характерным законом контраста является закон экономических кризисов. Выражение „кризисы", которое, как известно, взято у так называемых в медицине кризисов болезни, применяется частью к общим экономическим кризисам, частью к специальными—биржевым,

114

торговым, производственным и иным кризисам, и поэтому является неудачным образом, ибо кризис болезни есть единовременный процесс, напротив, экономический кризис во всех случаях—периодически повторяющийся процесс. Это явствует из следующей характеристики отдельных ее стадий, каковая дается довольно единодушно политико-экономами самых различных направлений: „Состояние покоя, рост дел, увеличение доверия, благоприятные результаты, возбуждение, перегружение, давление, заминки, нужда,

возврат к покою". Обычно, процесс после более или менее долгого промежутка времени начинается с конечной стадии, похожей на его начало. При этом периодичность, конечно, не закономерна, но при всеобщих кризисах в них проявляется все же до некоторой степени закономерная тенденция к изменению, так что с прошлого столетия продолжительность кризисов прогрессивно удлинялась. Кризисы рассматривают обычно, как неизбежное зло хозяйственной жизни, по крайней мере при современных его основах, и прежде всего как неизбежные следствия хотя бы частного господства принципов экономического либерализма. Но ближайшие их причины усматривают в недостатке предвидения и осмотрительности, при чем первое становится тем более затруднительно, чем больше народное хозяйство мало-помалу уступает место мировому хозяйству. Но, как бы несомненно ни содействовали кризисам эти причины, однако, они одни не могли бы объяснить изображенный процесс, ибо последний ясно показывает, что в последовательности явлений чувства и аффекты играют главную роль. И тут, как и вообще в жизни чувства, за возбуждением следует депрессия, которая идет тем глубже, чем выше поднялась раньше страсть. И эти моменты чувства не только усиливают явления, но легко видеть, что они, конечно, в тесной связи с соответствующими интеллектуальными процессами, существенно содействуют их возникновению. Без стремления к прибыли, которое сперва становится страстью, для того, чтобы потом, при появлении симптомов неудачи, внезапно превратиться в страх, не имел бы никакого значения и тот интеллектуальный недостаток предвидения. Таким образом, очевидно, закон кризисов есть закон контраста, и он действует в том же смысле, как и все эти социальные законы отношения, только с той оговоркой, что в явления входят еще и дальнейшие условия, которые надлежит подчинить другим принципам, а именно, принципу равной-

115

ствующих и отношений. Но как и эти законы, так и закон контраста, в его применении к социальной области, представляет собой не что иное, как специальное применение соответствующего более общего психологического принципа. В конкуренции между этими принципами закон контраста обнаруживает свое значение особенно в том, что он изменяет выводимые из других законов результаты и предсказания или же превращает их в полную противоположность. В особенности благоприятно господству контраста политическое положение дел, благодаря смене подъема страхом и надеждой; здесь, вместе с тем, контраст обычно не поддается какому-либо предварительному подсчету, не только из-за единичного характера исторических событий, но из-за повышенного действия чувств, чего никогда не следует упускать из виду. Поэтому, на биржевых курсах, например, лишь косвенно отражаются изменения в экономическом и политическом отношении. Но непосредственно эти курсы имеют значение барометра чувства, на колебания которого закон контраста, соответственно общим условиям смены чувства, оказывает решающее влияние".

Георг Зиммель

(1858-1918)

А. Социальная психология

„Это объяснение результатов, вытекающих из объединения •определенных членов групп в руководящие органы, имеет столь существенно-психологический характер, что тут в особенно высокой степени социология кажется лишь другим наименованием социальной психологии. После того как я в первой главе попытался установить теоретико-познавательное различие между социологией и психологией, теперь требуется, сверх этого разграничения, дать более подробное положительное определение той особенной психологии, которую называют социальной. Ибо если уже индивидуальной психологии не желают дать места в социологии, то социальную психологию определяют, как область проблем, совершенно самостоятельную по отношению к социологии, и тем самым смешение ее с социологией считают опасностью для последней. Для того, чтобы вышеприведенное методологическое разделение социологии от психологии вообще—несмотря на всю зависимость одной от другой—применялось

116

и к социальной психологии, требуется доказать, что последняя не обладает какими-либо принципиальными особенностями по сравнению с индивидуальной психологией".

„Конечно, того факта, что душевные процессы совершаются только в индивидууме и нигде больше, недостаточно для опровержения теории, согласно которой психология „общества" (масс, групп, национальностей, эпох) стоит рядом с психологией индивидуума, как равноценное, но разнородное по существу и по носителю образование. Но из особой структуры явлений, на которой основывается это мнение, надо объяснить, каким образом, несмотря на очевидное ограничение душевной жизни индивидуальными носителями, можно прийти к тому понятию социальной психологии.

Развитие языка и государства, права и религии нравов и общих форм духа вообще выходит далеко за пределы индивидуальной души; в подобных душевных процессах индивидуумы могут вполне принимать участие без того, чтобы меняющаяся степень этого участия меняла смысл и необходимость тех образований. Но поскольку они должны иметь в своей целостности производителя и носителя, каковым не может быть индивидуум, постольку, кажется, не остается ничего другого, как признать, что таковым субъектом является общество—единство, стоящее вне и выше индивидуума. Здесь социальная психология могла бы считать, что нашла свою специфическую область: продукты бесспорной душевной деятельности, существующие в обществе и все же независимые от индивидуумов, как таковых; таким образом, если они не упали с неба, то следует считать душевным субъектом по ту сторону от индивидуумов общество, как их творца и носителя. С этой точки зрения • говорилось о народной душе, сознании общества, духе эпох, как о реальных производительных силах. Мы отрицаем этот мистицизм, который ставит душевные процессы вне душ, каковые всегда индивидуальны, различая конкретные душевные процессы, в которых возникают и действуют правая мораль, язык и культура, религия и формы жизни, от идеальных содержаний этих процессов, которые мыслятся „сами по себе. Можно сказать о сокровищах слога и соединительных формах языка, предстающих перед нами в словаре и грамматике, о правовых, изложенных в кодексе, нормах, о догматическом содержании религии, что они действительны—хотя и не в сверх-историческом смысле, в каком „действительны" законы природы и нормы логики,—что они обладают внутренним достоинством, независимым от отдельных случаев их применения индивидуумами. Но эта действительность их содержания не есть душевное существование, нуждающееся в эмпирическом носителе так же мало, как, придерживаясь только что указанного различия, не нуждается в нем пифагорова

теорема, конечно, и последним имеет духовную сущность и не находится в физически существующем треугольнике, ибо говорит об отношении между его сторонами, какового мы не находим ни в одной из них в ее собственном существовании. С другой же стороны, эта невещественность пифагоровой теоремы неравнозначуща с ее существованием в мыслях индивидуальных душ; ибо она остается действительной, совершенно независимо от того, представлена ли она вообще в них, точно так же, как язык, правовые нормы, нравственные императивы, культурные формы, по своему содержанию и по своему смыслу, существуют независимо от полноты или неполноты, частоты или редкости, с какою появляются в эмпирических сознаниях. Здесь пред нами особая категория, которая, хотя и осуществляется лишь исторически, но в той целостности и замкнутости своего содержания, в какой она как будто требует сверх-индивидуального творца и хранителя, существует не исторически, но лишь идеально—между тем как психологическая реальность всегда берет оттуда и передает дальше лишь, ее отрывки или представляет ее содержание, как голое понятие. Эмпирическое происхождение отдельных частей и форм языка, как и их практическое применение в каждом данном случае; действительность права, как психологического элемента, для купца, преступника, судьи; степень и характер передачи культурного содержания от одного индивидуума к другому и дальнейшая его переработка—все сплошь проблемы индивидуальной психологии, которые, впрочем, лишь весьма несовершенно в ней развиты. Но в своей оторванности от индивидуаль-н ы х процессов реализации язык, право, общие культурные образования и т. д. не суть продукты субъекта: общественной души; ибо весьма несовершенной является такая альтернатива: если духовное не имеет местопребывания в индивидуальном духе, то оно должно находиться в социальном духе. Но есть третья: объективно-духовное содержание, в котором нет больше ничего психологического, точно так же, как в логическом смысле суждения нет ничего психологического, хотя оно может достигнуть реальности сознания лишь в пределах и благодаря социальной динамике.

Недостаток, вряд-ли устранимый в ближайшее время, понимания того душевного творчества сливает эти индивидуально-психические действия в одну недифференцированную массу, в единство душевного субъекта, который представляется соблазнительно близким к носителю тех, столь темных по своему происхождению образований. В действительности их происхождение индивидуально-психологическое, но не единое; оно нуждается в множестве душевных единств, действующих друг на друга; наоборот, поскольку они рассматриваются как единство, они, вообще, не имеют про-

118

нахождения, но составляют идеальное содержание, как: и пифагорова теорема по своему содержанию не имеет происхождения. Поэтому по отношению к ним, как единствам, отвлекаясь от их случайной и частичной действительности в индивидуальных душах, вопрос о психическом носителе вообще поставлен неправильно и имеет значение, лишь когда они дополнительно становятся понятиями в индивидуальных умах, как теперь, когда мы о них говорим.

Мотив, который как будто навязывает особое социальное душевное тяготение, за пределами индивидуального, действует не только там, где имеются объективно духовные образования, как „идеальное" общее достояние, но и там, где непосредственное умственное действие массы втягивает в себя способы поведения отдельных лиц и превращает их в специфическое явление, не разлагаемое на эти единичные акты. Этот мотив—тот, что не столько поведение, сколько результат поведения выступает как нечто единое. Когда толпа людей разрушает дом, произносит приговор, издает крик, то акты отдельных субъектов суммируются в событие, которое мы обозначаем, как единое, как осуществление одного понятия. И здесь-то выступает серьезная подмена: единый внешний результат многих субъективных душевных процессов выдается за результат единого душевного процесса, а именно процесса, происходящего в коллективной душе. Единство явления,¹ бывшего результатом, отражается в предполагаемом единстве его психической п р и ч и н ы! Но обманчивость этого заключения, на котором покоится вся коллективная психология в общем ее различии с индивидуальной психологией, совершенно очевидна, единство коллективных поступков, которые имеются лишь на стороне видимого события, прокрадывается на сторону внутренней причины—субъективного носителя.

Но последний мотив, который проявил себя для многих исследованных здесь отношений в качестве необходимого члена как будто все-таки делает неизбежным противопоставление социальной психологии индивидуальной: качественное различие между чувствами, поступками, представлениями индивидуумов, находящихся в массе, и душевными процессами, происходящими не в толпе, но в индивидуальном сознании. Бесчисленное множество раз комиссия приходит к другим решениям, чем решения, которые принял бы каждый член ее сам по себе; индивидуум, окруженный толпой, вовлекается в поступки, на которые он сам по себе был бы неспособен; масса производит действия и выставляет требования, на которые не пошел бы ни один из членов этой массы, если бы дело зависело от него одного; так возникает выше цитированная „in cogrore — глупость", хотя

119

рассматриваемый в отдельности каждый обладает сносным умом и здравым смыслом. Таким образом, тут как будто из отдельных личностей возникает новое, своеобразное единство, которое действует и реагирует качественно различным от тех способом. Если присмотреться ближе, в подобных случаях дело идет о способах действия индивидов, находящихся под влиянием того, что отдельный человек окружен другими; благодаря этому, имеют место нервные, интеллектуальные, суггестивные, моральные перемены настроения его душевной организации по отношению к другим ситуациям, в которых нет подобных влияний. Так вот, если последние, взаимно вторгаясь друг в друга, внутренне модифицируют всех членов группы одинаково, то их совместное действие будет, конечно, иметь иной вид, чем действие каждого из них в отдельности, если бы он находился в другом, изолированном положении. Но от этого то, что есть в действии психического, остается не менее индивидуально психическим, а общее действие не в меньшей степени составляется из чисто-индивидуальных слагаемых. Если желают найти здесь качественную разницу, которая вообще переходит за пределы отдельного индивидуума, то надо сравнить две вещи, находящиеся при

совершенно различных условиях: поведение индивидуума, не обусловленное другим влиянием, и обусловленное таковым — две вещи, различие которых вполне уместно в душе индивидуума, точно так же, как всякое другое различие в настроениях и методах, и отнюдь не требует локализации одной стороны этой антитезы в новом сверх-индивидуальном психическом единстве. Таким образом, в качестве социально-психологической проблемы остается законным образом следующая: какой модификации подвергается душевный процесс индивидуума, если он протекает под известными влияниями общественной среды? Но это есть часть общей психологической задачи, которая — что является идентичным положением — есть индивидуально-психологическая задача. В качестве подотдела таковой социальной психология координирована с физиологической, которая исследует определяемость душевных процессов их связью с телом, как первая — их связью с другими душами.

Этот факт влияния общественного начала на душевные переживания — единственный, но неизмеримо огромный предмет социальной психологии — дает известное право на это одному типу вопросов, к которым оно само по себе не подходит: обозначаю этот тип, в соответствии с основными предметами, с одной стороны, как статистический, а с другой — как этнологический. Там, где внутри группы регулярно повторяется у одной части целого то или другое психическое явление, напр., какая-нибудь специфическая черта характера имеет место у целой группы, или, по край-

120

ней мере, у ее большинства и среднего типа, — там обычно говорят о социально-психологических или просто социологических явлениях. Однако, с этим нельзя согласиться без оговорок. Когда в известную эпоху ежегодно среди m смертных случаев попадает n самоубийц, то это положение, как бы оно ни было истинно, возможно лишь благодаря поверхностному обозрению наблюдателя. Социальные обстоятельства могут, правда, определять полностью или частично причинность отдельного факта, но от них этого не требуется: эта причинность может быть чисто личной, внутренней. Равным образом, преходящие влияния на душевные переживания группы — национального, сословного или иного характера — могут быть просто параллельными явлениями, которые, может быть, сводятся к общности происхождения, но не являются результатом социальной жизни, как таковой. Приведенные обозначения подобных явлений покоятся на смешении параллельности с совместностью. Они были бы социологическими лишь в том случае, если бы могли рассматриваться в качестве отношения взаимности между субъектами — это, конечно, не заключает в себе морфологически одинакового содержания на обеих сторонах, — а социально-психологическими лишь постольку, поскольку эти явления возникали у индивидуума благодаря другим индивидуумам. Но этого вначале может вовсе не быть; если бы данное явление имело место у одного лишь индивидуума, то его не назвали бы ни социологическим, ни социально-психологическим, хотя оно, быть может, в этом случае имело бы точно такую же каузальность, как в другом случае, где рядом с ним в той же группе имеют место сотни и тысячи явлений того же характера и той же обусловленности. Одна лишь множественность явления, констатируемого только у индивидов, не делает ведь его социологическим или социально-психологическим! Хотя это смещение числовым образом повторенного подобия с динамически-функциональным сплетением — постоянный и активный способ представления.

Аналогичный тип можно назвать этнологическим, когда неспособность познать индивидуальные ряды событий в их единичности или недостаток интереса к этой единичности дает возможность обрисовать лишь среднее, лишь самую общую обусловленность психических организаций или процессов в группе. Это имеет место, когда, например, желают знать, как вели себя „греки" в Марафонском сражении. Здесь, конечно, не имеется в виду — даже если бы это было достижимо — психологически представить душевный процесс в каждом отдельном греческом воине. Но создается совершенно особенный вид понятия: средний грек, тип грека — просто „грек" — явно идеальная конструкция, выросшая из

121

потребностей познания и не притязаящая на то, чтобы в каком-либо из конкретных греческих индивидуумов найти вполне покрывающее этот образ подобие. Однако, собственный смысл этой категории понятия не является социальным, ибо ее суть лежит не во взаимодействии, не в практическом сплетении и функциональном единстве многих; но тут имеется в виду описать действительно „грека", хотя бы и не конкретного, описать настроение и образ действия одной только суммы воинов, проицированной на одно

идеальное среднее явление, которое является таким же индивидуумом, как и общее понятие греков, воплощением которого является этот типический „грек“, т. е. лишь единым.

Во всех этих случаях, где речь идет о сумме индивидов, как таковых, где общественные факты приобретают значение лишь как моменты в определении этого индивидуума, так же, как психологические или религиозные моменты,—то, что может все же иметь в них социально-психологическое значение, покоится на следующем выводе: подобие многих индивидов, благодаря которому они позволяют создать тип, среднюю величину, какую-то единую картину, не может иметь места без взаимных влияний. Предметом исследования остается всегда психологический индивидуум; группа, как целое, может не иметь никакой „души“ и для этих категорий мышления. Но однородность многих индивидов, как ее предполагают эти категории, возникает по общему правилу лишь благодаря их взаимодействиям, и поэтому, со своими результатами приобретения сходства, идентичными влияниями, установлением единых целей, относится к социальной психологии, которая и тут обнаруживает себя не в качестве рядом поставленного pendant к индивидуальной психологии, но в качестве частичной области таковой.

В. Социология чувств

„Среди отдельных органов чувств глаз выполняет совершенно своеобразную социологическую задачу связывания и взаимодействия индивидов, взаимно лицезреющих друг друга. Быть может, это самое непосредственное и чистейшее взаимное отношение, какое вообще существует. Там, где только плетутся социологические нити, они обладают обычно объективным содержанием, вырабатывают объективную форму. Даже высказанное и услышанное слово имеет все же материальное значение, которое, во всяком случае, могло бы быть передано и иным способом. Но в высшей степени живое взаимодействие, в которое вплетает людей взгляд от

122

глаза к глазу, не кристаллизуется ни в каком объективном образовании, единство, которое он упрочивает между ними, остается непосредственно превращенным в событие, в функции. И эта связь так сильна и тонка, что она переносится лишь по кратчайшей прямой линии между глазами, и малейшее отклонение от нее, легчайший взгляд в сторону, совершенно разрушает все своеобразие характера этой связи. Правда, здесь не остается никакого объективного следа, какой всегда бывает, косвенно или прямо, от всех отношений между людьми, даже от обмена словами, взаимодействие умирает в тот момент, в который прекращается непосредственность функции; но все сношения между людьми, их понимание и зависимость друг от друга, их интимность и равнодушие изменились бы в огромной степени, если бы не существовало взгляда от глаза к глазу, взгляда, который, в отличие от простого смотрения или наблюдения за другим, означает совершенно новое и ни с чем несравнимое отношение между ними.

Близость этого отношения доказывается тем замечательным фактом, что направленный на другого, воспринимающий взгляд, сам полон выражения, и именно благодаря способу, каким смотрят на другого. Во взгляде, который воспринимает в себя другого, человек обнаруживает себя самого; тем же актом, в котором субъект стремится познать объект, он жертвует собой объекту. Нельзя взять посредством глаза, без того, чтобы одновременно не дать.. Глаз разоблачает у другого душу, которую он стремится открыть. В то время, как это явственно происходит лишь при непосредственном взгляде от глаза к глазу, тут представлена полнейшая взаимность во всей области человеческих отношений.

Отсюда лишь становится вполне понятным, почему стыд побуждает нас смотреть вниз, избегать взгляда другого. Несомненно, это происходит не потому только, что мы таким образом уклоняемся, по крайней мере мысленно, от взгляда на нас другого, в таком тяжелом и запутанном положении; но более глубокая причина та, что опускание моего взора отнимает у другого часть возможности вывести меня на чистую воду. Взгляд в глаза другому служит не только мне, чтобы понять его, но и ему, чтобы понять меня; на линии, соединяющей оба глаза, он переносит на другого собственную личность, собственное настроение, собственный импульс. В этом непосредственном сенсуально-социологическом отношении „страусовая политика“ обладает фактической целесообразностью: кто не смотрит на другого, действительно, в известной мере спасается от того, чтобы и на

него смотрели. Один человек отнюдь не целиком существует для другого, когда последний на него смотрит, но лишь тогда, когда и. первый на него смотрит".

123

„Существует резкий социологический контраст между глазом и ухом: первый дает нам лишь заключенное во временную форму откровение человека, а второе—также и длительную часть своего существа, осадок своего прошлого бытия в субстанциональной форме своих черт, так что мы, так сказать, видим сразу последовательный ход его жизни. Ибо упомянутое минутное настроение, как его, впрочем, запечатлевает и лицо, так незначительно в том, что сказано, что в фактическом воздействии чувства лицезрения длительный характер познанной им личности значительно преобладает.

Поэтому, социологическое настроение слепого совсем иное, чем у глухого. Для слепого другой существует, собственно, лишь в последовательности, во временном следовании его проявлений. Непokoйная, внушающая тревогу одновременность всех черт лица, следов всего прошедшего, ясно отражающихся на лице людей, ускользает от слепого, и это, может быть, есть причина мирного и спокойного,, равномерно дружелюбного по отношению к окружающим настроения, какое мы так часто наблюдаем у слепых. Именно обилие того, что может выразить лицо, делает его часто загадочным; в общем, то, что мы у человека видим, дополняется и объясняется тем, что мы от него слышим, в то время как обратное гораздо реже. Поэтому тот, кто видит, но не слышит, бывает гораздо более смятенным, беспомощным, беспокойным, чем, тот, кто слышит, но не видит. Тут имеется один момент, значительный для социологии большого города. В последнем, по сравнению с маленьким городом, сношения между людьми сосредоточиваются в неизмеримо большей степени на лицезрении других, чем на слушании их; и не только потому, что встречи на улице маленького города дают сравнительно большой процент знакомых, с которыми перекидываются словечком или взгляд которых воспроизводит перед нами всю, не только видимую, личность другого, но прежде всего вследствие общественных средств передвижения. До развития омнибусов, железных дорог и трамваев в 19-м столетии люди, вообще, не имели возможности минутами и даже часами смотреть друг на друга, без того, чтобы с ними не говорить. Современные сообщения дают эту возможность во все растущей степени одному только зрительному чувству, что составляет главную долю всех чувственных отношений между человеком и человеком, и должны поэтому основывать общие социологические чувства на совершенно изменившихся предпосылках. Упомянутая только что большая загадочность человека, которого только видели, но не слышали, определенно способствует, из-за указанного сдвига, проблематичности современенного жизненного чувства, ощущению неориентированности в общей жизни,

124

одинокости и ощущению того, что тебя со всех сторон окружают запертые двери.

В высокой степени целесообразное социологически сглаживание этой разницы в способностях чувств лежит в гораздо более сильной способности к воспоминанию слышанного по сравнению с виденным, хотя то, что человек сказал, как таковое, невосвратно, между тем, как он представляет для глаза относительно стабильный объект. Уже поэтому ухо человека можно гораздо скорее обмануть, чем глаз, и очевидно, что от этой структуры наших чувств и ее объектов, поскольку человек предоставляет им таковые, зависит весь характер человеческих сношений; если бы от нашего слуха непосредственно не исчезали услышанные слова, которые, однако, остаются за это в форме памяти, если бы нашему зрению, содержанию которого недостает этой силы воспроизводства, не было дано возможности фиксации взгляда и его значения, то наша между-индивидуальная жизнь стояла бы на совершенно ином основании. Было бы праздным умозрительным занятием придумывать это другое существование; но то обстоятельство, что мы видим его принципиальную возможность, освобождает нас от той догмы, что общественная жизнь людей, которую мы знаем, представляет собой нечто само собой разумеющееся и, так сказать, бесспорное, для характера которой не существует особых оснований".

„По сравнению с социологическим значением зрения и слуха, низшие чувства отступают на задний план, хотя чувство обоняния не так уж неважно, как можно было бы ожидать в виду свойственной его ощущениям нечувствительности и неразвитости. Нет сомнения, что каждый человек обоняет окружающий его слой воздуха на особый, свойственный ему манер, и для возникающего таким образом ощущения запаха

существенно то, что из тех двух путей развития восприятия чувства по субъекту, как приятное или неприятное, и по объекту, как его познание, первый далеко превосходит второй.

Запах не образует из себя объекта, как зрение и обоняние, но остается, так сказать, в плену у субъекта: это символизируется в том, что для его различений не существует самостоятельных, объективно обозначаемых выражений. Когда мы говорим: пахнет кислым, то это лишь означает: пахнет так, как пахнет то, что кисло на вкус. Чувства обоняния, в противоположность восприятиям других чувств, не поддаются описанию в словах, их нельзя проицировать на плоскости абстракции. Тем меньше противодействия в мышлении и в воле находят инстинктивные антипатии и симпатии, которые держатся на окружающей человека сфере запахов и которые, несомненно, часто имеют важные последствия для

125

социологического отношения двух рас, живущих на одной территории. Допущение негров в высшее общество Сев. Америки кажется невозможным уже вследствие запаха их тела, а встречающееся часто смутное отвращение евреев и германцев друг к другу некоторые писатели относили к той же причине.

До сих пор недостаточно оценили значение для социальной культуры того обстоятельства, что по мере утончения цивилизации явно падает собственная острота восприятия всех чувств, напротив, .повышается их восприимчивость к приятному и неприятному. Я даже думаю, что повышенная с этой стороны чувствительность в целом приносит с собой- гораздо больше страданий и отвращения, чем радостей и влечения. Современного человека шокирует бесчисленное множество вещей; бесчисленное множество таких ощущений, какие менее дифференцированные, более крепкие в этом отношении характеры воспринимают без "какой-либо реакции, кажутся ему невыносимыми. С этим должна быть связана тенденция современного человека к индивидуализации, большая персональность и свобода выбора своих связей. С своим, частью сенсуальным, частью эстетическим характером реагирования он не может уже безоговорочно вступать в традиционные общения, в тесные связи, в которых не спрашивают о его личном вкусе, о его личной восприимчивости. И это неизбежно приносит с собой большую изоляцию, более резкое ограничение персональной сферы. Быть может, это развитие наиболее заметно на чувстве обоняния; гигиенические устремления и любовь к чистоте, свойственные современности, являются в этом отношении столько же следствием, сколько причиной. В общем, с ростом культуры, дальность действия чувств становится слабее, действие их вблизи— сильнее: мы становимся не только близоруки, но, вообще, . близо-чувственны (kurzsinnig); но па этих, более коротких расстояниях мы тем более чувствительны. Чувство обоняния,, само по себе, по сравнению с зрением и слухом, требует большей близости, и если мы объективно не можем так остро воспринимать его, как многие первобытные народы, то тем сильнее реагируем мы субъективно на его раздражения. Направление, в котором это происходит, намечено и для него заранее, но и тут в более сильной степени, чем это имеет место с другими чувствами: человек с особенно тонким обонянием, несомненно, благодаря этому обострению, испытывает гораздо больше неприятностей, чем радостей. К этому присоединяется еще и следующее, что усиливает то изолирующее отвращение, которым мы обязаны обострению чувств. Нюхая что-нибудь, мы так глубоко втягиваем это ощущение или этот излучающийся объект в себя, в свой центр, так тесно ассимилируем его, так сказать посредством жизненного про-

126

цесса дыхания, как это невозможно ни с каким другим чувством по отношению к объекту—мы как будто его едим. Нюхая чью-либо атмосферу, мы интимнейшим образом его воспринимаем, он проникает, так сказать, в воздухообразном подобии в наше глубочайшее чувственное я, и очевидно, что при повышенной чувствительности по отношению к обонятельным раздражениям вообще, это должно повести к выбору и к отдалению, что до некоторой степени составляет одно из чувственных оснований для социологических резервов современного индивидуума. Знаменательно, что такой фанатически-исключительный индивидуалист, как Ницше, чрезвычайно часто говорит о ненавистных ему типах людей: „Они плохо

пахнут". Если другие чувства перекидывают тысячи мостов между людьми, если они могут нейтрализовать вызываемые ими отталкивания притяжениями, если сплетение их положительных и отрицательных оценок чувства придает свою окраску конкретным взаимным отношениям между людьми,— то в противоположность этому можно назвать чувство обоняния диссоциирующим чувством. Не потому, что оно вызывает бесконечно больше отталкиваний, чем притяжений, не потому, что его решения имеют в себе нечто радикальное и беспепелляционное, что лишь с трудом преодолевается решениями других инстанций чувства или ума, но потому, что именно сосуществование многих людей никогда не придает ему какой-либо привлекательности, каковая ситуация, по крайней мере, при известных обстоятельствах, может развиваться для других чувств; да и вообще подобные шокирования чувства обоняния растут в прямом количественном отношении с массой, среди которой они нас настигают. Уже благодаря этому воздействию, культурная утонченность, как сказано, ведет нас к индивидуализирующей изоляции, по крайней мере, в странах умеренного климата, между тем как возможность устроить совместное существование в значительной степени на открытом воздухе, следовательно, без той невыносимости, несомненно повлияла на социальные отношения в южных странах.

Наконец, искусственные запахи—духи, играют социологическую роль таким образом, что происходит своеобразный синтез индивидуально-эгоистической и социальной телеологии в области чувства обоняния. Духи производят такое же действие при посредстве носа, какое то или иное украшение при посредстве глаза. Они придают личности нечто совершенно безличное, привлеченное извне, что, однако, так сливается с нею, что кажется исходящим от нее. Духи расширяют сферу личности, как лучи золота и бриллиантов; находящийся вблизи них погружается в них и до некоторой степени поглощается сферой личности. Как и одежда, духи покрывают личность чем-то, что, однако, вместе с тем

127

должно действовать, как ее собственное излучение. Постольку они представляют типичное явление стилизации, растворение личности во всеобщем, что все же приводит личность, в соответствии с ее прелестью, к более глубокому, более оформленному выражению, чем это могла бы сделать ее непосредственная действительность. Духи перекрывают личную атмосферу, заменяют ее объективной, и, вместе с тем, все же обращают на нее внимание; о духах, создающих эту фиктивную атмосферу, предполагают заранее, что они будут всем приятны, что они представляют социальную ценность. Как и украшения, духи должны нравиться независимо от личности, субъективно радовать ее среду, и вместе с тем это должно считаться заслугой носителя, как личности".

Отиар Шпанн

(род. в 1878 г.)

Необходимость не-эмпирического обоснования учения об обществе

I. Постановка проблемы

Учение об обществе, как общая наука о специальных общественных науках (как-то: наука о народном хозяйстве, наука о государстве и т. д.), возможно лишь тогда, когда оно имеет собственный объект в обществе, как таковом,—собственный объект, в противоположность тому, который дан в „составных частях" (людях и имуществах) и уже обрабатывается психологией, биологией, физикой, технологией, географией и т. д.

Но есть общественные науки, которые не являются психологией: сюда относится, по крайней мере, учение о народном хозяйстве и учение о государстве. Таким образом, наличность такой науки показывает, что цель специфических общественных наук, а следовательно, и общей науки об обществе, не есть факт, что неудачи натуралистической социологии не должны обескураживать, но лишь служить доказательством следующего положения: методы социальной науки надо строить исключительно на не-эмпирической почве.

Если должна существовать наука об обществе, то она не может не иметь объекта. Но понятие „взаимодействия" не дает собственного объекта; как мы видели, оно далее от-

128

нимает этот объект у науки. Откуда же она его возьмет? Тут надо как следует вдуматься в вопрос.

Понятие взаимодействия отнимает у, н а у к и об обществе объект благодаря тому, что оно вкладывает всю реальность в составные части, ибо последние принципиально должны быть самостоятельными, способными к собственному существованию отдельностями, которые своею взаимной деятельностью что-то производят. Но это значит: они одни существуют на самом деле, в то время как „общество“, в качестве чего-то особого, целого, само по себе более не существует. Вот к чему решительно приводит такой ход мыслей. Всякая реальность лежит в единичном по упомянутой схеме:

А (б, в, г...)

Если, напр., А означает лес, то а, р, у были бы деревья, единственно реальное, создающее своим взаимоотношением лес А,—кажущуюся вещь, кажущуюся коллективность. Если А означает фабрику, то б, в, г были бы: рабочие, машины, сырье—единственные реальности, своим взаимодействием создающие кажущуюся вещь, кажущуюся коллективность—фабрику. Если А означает армию, то б, в, г были бы солдаты, оружие, снаряды—единственные реальности, которые своим взаимодействием создают кажущуюся вещь, кажущуюся коллективность—армию. Если, наконец, А означает все человеческое общество вообще, тогда б, в, г были бы просто люди, которые, будучи единственной реальностью, своим взаимодействием создают абстрактную, кажущуюся коллективность— „общество“.

Какой бы пример ни выбрать, повсюду та же песня: когда налицо имеется первоначальное взаимодействие частей, тогда реальность лежит только в частях, а коллективное целое— мы будем называть его просто „целым“ или „целостностью“— является лишь абстракцией, чем-то производным, не действующим само по себе.

Этим окончательно формулирован вопрос: это вопрос о соотношении целого и части. И отсюда вывод: если должна существовать наука об обществе, то:

1. должна быть доказана, с точки зрения теории познания и логики, возможность подобного целого, возникающего не благодаря взаимодействию своих частей; таковая должна была бы заключать в себе не каузальное соотношение целого и части (ибо, если бы имелась каузальность частей, то тут опять-таки было бы взаимодействие); и

2.. должно еще быть доказано чисто аналитически (не дедуктивно, не „метафизически“), что именно „общество“ представляет подобную целостность (и к тому же, как само по себе, так и во всех своих формах: хозяйства, государства

129

и т. д.), в которой реальность не обуславливается причинно частями, но которая является настоящим целым (именно, в вышеуказанном смысле, заключая в себе некаузальное соотношение с частями). Короче говоря: во-первых, должна быть доказана, с точки зрения теории познания и логики, возможность некаузального понимания целостностей или коллективностей вообще, а во-вторых—фактическое применение этого понятия к общественным явлениям.

, Первое доказательство, будучи сведено ко второму, требует логики и учения о категориях целого; второе—расчленения по содержанию на основе тех не-каузальных категорий, которые доставляет логика целого, или, по крайней мере, на основе не-каузальных понятий (ибо, как указано было, каузальность частей неизбежно должна была бы вновь привести к взаимодействию и тем самым к уничтожению истинной целостности).

2. Ссылка на наличность науки

Я не могу здесь представить оба доказательства. Что касается логического доказательства, то я дал небольшой эскиз в „Zeitschr. f. Volkswirtschaft“ . Но я предполагаю дать в этой книге аналитическое доказательство науки об обществе, как и науки о народном хозяйстве (которая, равным образом, отнюдь не есть психология хозяйствующих субъектов . В самых общих словах, это доказательство заключается и, в

различении индивидуализма и универсализма, при чем допущение или отклонение этого различия вызывает собственное, иное учение об обществе и учение о народном хозяйстве; с этим, конечно, не согласятся теперь, когда каждый исследователь является бессознательно методологическим индивидуалистом.

Но возможно и совсем другое доказательство, довольно легкое: это, выражаясь по Канту, ссылка на „факт науки". Разве Платон, Аристотель, Адам Мюллер, Гегель не создали науки о государстве—„учения об обществе"? Разве это учение не отличается от натуралистической социологии или индивидуалистической политической экономии лишь в подробностях содержания, лишь в отдельных „успехах" науки? Это могли бы сказать только современники, просто не знающие другого лагеря, ибо они совершенно исключительно и бессознательно

130

живут в угарной атмосфере индивидуалистически-каузальной науки. Нет, этот „факт науки" обнаруживает некаузальный метод, который представляет собой не мнимое самостоятельное „взаимодействие" частей (это обман зрения и фикция), но анализ целого по способности к расчленению его частей. Можно было бы возразить, что и забытую науку Платона, Аристотеля, Адама Мюллера, Гегеля и т. д. следовало бы назвать безрезультатной, подобно тому, как мы это сделали выше по отношению к натуралистической социологии. Это утверждение было бы неправильно, но не в том вовсе дело! Мы апеллируем здесь не к результатам, но к другой методологической природе, к некаузальным процессам.

3. О сущности целого. (Целое против взаимодействия)

Дабы не ограничить этого методологического изложения одними лишь ссылками и доказать, хотя бы примерами, возможность того некаузального исследования, мы прибавим еще следующее:

Схема кажущейся коллективности А (б, в, г), в которой вся реальность принадлежит взаимодействующим частям, разлагается следующим образом: А означает, скажем, дом, затем кирпичную печь, затем „народную толпу", затем „армию", „рынок", „фабрику", „нацию". Напротив, б, в, г всякий раз будут означать соответственные составные части (кирпичи, люди). Ясно, что, поскольку мы не выводим целое из взаимодействия частей, мы должны сказать:

Дом вовсе не имеет кирпичей в качестве своих составных частей. „Дом" есть не то, что состоит из кирпичей (ибо тут может быть известняк, мрамор, дерево, железо-бетон, бумага, стекло и т. д.), но дом есть то, что имеет комнаты, кухню, погреб и т. д. Но „комната"—это значит: осмысленный орган с определенным назначением; но „имеет"—это значит: расчленяется, представляет, но не возникает из взаимодействия частей. Равным образом, кирпичная печь—это не то, что состоит из кирпичей, но то, что имеется в помещениях для известных надобностей. „Дом" или „кирпичная печь" состоят не из суммирования своих частей, но представляют собой самостоятельные целостности, стоящие над частями. „Дом" и „кирпичная печь" каждое в отдельности представляет собою расчленение других целостностей. И точно так же народная толпа, армия, рынок, фабрика, нация представляют собой в каждом случае иные целостности, несмотря на то, что во всех случаях конечные элементы (если бы их можно было рассматривать, как самостоятельное) одинаковы, а именно: люди. Но целое „армия" имеет своими членами (органами) бойцов; целое „рынок"—своими членами (органами) покупателей и продавцов; целое „фабрика—своими

131

членами (органами)—предпринимателей, мастеров, рабочих; целое „нация"—своими членами (органами)—носителей народного духа. Нелюди своим взаимодействием различного рода создали, составили те целостности, ибо: 1) люди сами по себе вовсе не существуют и 2) не существует также людей определяемых по их отношению к народу прежде их принадлежности к народу, и таких, которые уже покупали и хозяйствовали, прежде чем были членами рыночной и хозяйственной целостности и точно так же не существует людей, которые воевали прежде, чем принадлежали к целостности, в которой воевали, и к сверх-целостности, против которой воевали (сверх-целостности, в области которой происходит противоположение Центр тяжести лежит в этом „прежде", которое не дает составной части (члену) быть реальной самой по себе. Но вот и дальнейшие примеры. Нарисованная картина (А) не состоит из красочных

пятен (б, в, г), но есть целостность картины (сущность, идея), материалом для которой служат „красочные пятна“. Песнь нибелунгов (А) не состоит из букв (б, в, г), но есть целостность, идея, сущность песни нибелунгов, которая расчленяется на слова и звуки (буквы). Поэтому, как нельзя определить песнь нибелунгов в виде миллиона букв, „взаимодействующих" в известной последовательности, точно так же нельзя определять общество, государство, хозяйство количеством людей и их взаимодействий. А никогда не определяется (составляется, суммируется) б, в, г, но наоборот: А есть первичное, самостоятельное, первое (песня, картина, дом, государство, нация), которое расчленяется, составляется из б, в, г, как своего материала. Все это понимание отнюдь не ново. Оно лишь затерялось для нас и стало совершенно непривычным, вследствие всецело эмпирически-механического направления нашего образования. Еще Аристотель ясно понимал сущность состояния совокупности, и всем более высоко развитым в философском отношении эпохам было свойственно то же воззрение. Его знаменитые слова, что целое неизбежно предшествует части, уже исчерпывает вопрос. Конечно, тут имеется в виду не простое предшествование во времени, но логический приоритет. „Когда все тело погибло,—говорится далее у Аристотеля,—то нет уж также ни ноги ни руки, кроме имени... ибо отвлеченное определение каждого предмета лежит в его деятельности и возможности для него таковую выполнять (т. е., значит, в его поведении, в его свойствах), так что, когда их больше нет у него, нельзя также сказать, что он еще остался тем же самым, но только то, что он сохранил еще то же имя". Это заключение неопровержимо. Вне целого та „часть" не является вовсе

тем же, чем была прежде, но, вообще, чем-то совсем иным!.. Состояние совокупности есть нечто самостоятельное с собственными свойствами, а это значит, что логически оно предшествует этим свойствам. Так, в мертвом теле рука не есть более рука, но „мясо" и „кости". Но и обратно: в живом теле рука не есть „мясо и кости", но элемент, выполняющий определенные отправления. Равным образом, вне народного хозяйства человек не является более носителем хозяйственных действий, составляющих народнохозяйственное целое, но биологическую (животную) или психологическую сущность самое по себе. Поэтому, и наоборот, в качестве члена народного хозяйства человек представляет не биологическую или психологическую сущность, но член, свойство этого самостоятельного целого. Отсюда ясно вытекает методологическая возможность построить общую крышу над отдельными социальными науками, которые занимаются особыми областями общественного целого, путем общих рассуждений, основанных на рассмотрении не тех или иных частей целого, общества, напр., хозяйства, но целого, как такового, совокупной целостности, „общества".

4. Систематическая и методологическая природа учения об обществе

Все эти соображения уже разъяснили принципиально как методологическую природу науки об обществе, так и вопрос о взаимных отношениях общей и специальных наук об обществе.

Предметом науки об обществе является общественное целое, как таковое, предметом же специальных наук—„части целого", специальные стороны, частичные области, система органов (или как бы их там ни называли), поскольку таковые способны к самостоятельному научному исследованию. Это ведет к различению формального и материального понятия общества, каковое мне хотелось бы в дальнейшем развить, полемизируя с формалистическим пониманием Зиммеля и с методологическими ошибками других направлений'. '

Учение об обществе, социология, есть общая наука об обществе; но понимаемая не как синтез отдельных общественных наук, но как такая наука, самостоятельным, единым объектом которой является человеческое общество, как целое. Поэтому главные вопросы и задачи этой науки следующие:

1. Что такое, вообще, „общество"? Что составляет общую ее сущность? Этот вопрос ставит задачу дать общезначимое понятие об обществе.
2. Как расчленяется общество по различным частичным областям или сторонам своих проявлений (как хозяйство, право, государство и т. д.) и какова их органическая связь? Этот вопрос переходит на особые стороны существа обще-

ства, или, иначе выражаясь, на познание строения и содержания всего общественного тела, т. е. его формального строения и его материального расчленения по жизненному содержанию. Рассматривая хозяйство, право, государство, политику, религию, как общественные явления, мы встречаемся с проблемой расчленения общественного целого на отрасли или части.

Мы называем это понятие особых сторон общества понятием об обществе по его содержанию, материальным, вещественным понятием общества, а первое — общим или формальным понятием общества. В вещественном понятии общества уже заключается задача исследовать сущность отдельных видов явлений (частей целого), а равно их взаимных отношений.

3. Исследование изменчивости и закономерности развития общественного целого, как и особых его сторон: эта задача приводит к обоснованию теории исторического развития (теории истории, понимания истории).

Вышеуказанные определения задач и понятий можно выразить и в следующих положениях:

1. Понятие общества, распадающееся на формальное и вещественное, является главным понятием науки об обществе и собственно относящейся к ней проблемой, которая делает ее самостоятельной наукой.

2. Понятие общества, как главное понятие науки об обществе, есть вместе с тем высшее и центральное понятие всех наук об обществе вообще и потому высочайшая проблема в ее методологическом и систематическом построении. От него исходит и вокруг него группируется система специальных общественных наук.

Все это относится к систематике, перейдем теперь к вопросу о методе.

Если, согласно вышесказанного, взаимодействие не есть вовсе основное явление общества, и первичная реальность лежит вовсе не в частях, то ясно, что наука об обществе не может восходить от частей к кающемуся целому; что она поэтому не есть индуктивная и в этом смысле не чисто опытная наука, но исходит от истинно-реального, от целого к членам, как своим определением (детерминациям) и есть поэтому, аналитическая, дедуктивная и отвлеченная наука.

Конечно, должна существовать и индукция, должен быть и синтез; но определяющим, существенным является анализ целостности: > аналитическое, некаузальное, расчленяющее определяет и дает метод. Поэтому полнота опыта, круг его работы над тем, что до сих пор обнималось индукцией, не должны становиться меньше, чем при каузальной (индиви-

134

дуалистической, психологической и т. д.) науке об обществе. Только опыт учит нас познавать целостности, которые мы, однако, как открытые нам опытом, должны еще анализировать; лишь благодаря опыту, открывшееся нам познание целостности получает полноту, многообразие, завершенность, но самое существенное в них мы можем понять лишь аналитически, исходя от целостности. Песню нибелунгов можно понять не путем индукции из букв, но исходя из целого! Конечно, буквы необходимо прочесть. Но тот, кто читает буквы в отдельности, тот похож на человека, который читает по складам средне-германские фонетические знаки, не понимая средне-германского языка; он никогда не поймет песни нибелунгов. Но так происходит на деле с натуралистической социологией. Она читает отдельные буквы, как таковые, как собственную реальность, вместо того, чтобы рассматривать их, как члены их целостности-языка, песни!

Поэтому материалистическая социология, происходящая из индивидуалистического учения" об естественном праве, оставалась до сих пор лишь наукой, собирающей материал, и от нее было скрыто все великое и существенное в истории и в обществе; между тем как учение об обществе в классических философских системах всегда обладало всеми основными истинами и на протяжении своей истории, в конечном счете, всегда проводило одни и те же научные положения.

Поэтому можно сказать, что тот, кто не понял методологического различия между путем от целого к членам и путем от самостоятельно-действующей части к совокупности или кажущемуся целому, тот не переступил еще через порог истинной науки об обществе.

Макс Вебер

(1864-1920)

Типы господства

§ 1. „Господство“, согласно определения, означает вероятность того, что специфические (или все) приказания встретят повиновение у определенной группы людей; стало быть, не всякий вид вероятности¹ использовать „власть“ и „влияние“ над другими людьми. Господство („авторитет“) в этом смысле может в каждом отдельном случае покоиться

135

на самых различных мотивах повиновения: начиная с тупой привычки и кончая чисто целе-рациональными соображениями. Для каждого настоящего отношения господства необходим определенный минимум воли к повиновению, иначе говоря: интереса (внешнего или внутреннего) к повиновению.

Не всякое повиновение пользуется хозяйственными средствами. И еще, в гораздо меньшей степени, всякое господство преследует хозяйственные цели. Но всякое господство над некоторым количеством людей нормально (не абсолютно всегда) нуждается в соответствующем человеческом аппарате, обеспечивающем с полной вероятностью такое поведение известного числа повинующихся людей, которое собственно направлено на исполнение его общих предписаний и конкретных приказов. Этот административный аппарат может быть связан повиновением по отношению к своему господину или своим господам либо только в силу обычая, либо чисто-аффектуально, либо вследствие материальной заинтересованности, либо в силу идеальных мотивов (рациональная оценка). Характер этих мотивов весьма широко определяет тип господства. Чисто-материальные и целе-рациональные мотивы связанности между господином и его аппаратом указывают здесь, как и вообще, на относительную неустойчивость ее. Обычно, к этим мотивам присоединяются другие—аффектуальные или оценочно-рациональные. В случаях не повседневных последние могут быть исключительно решающими. В повседневной жизни эти отношения господства, как и другие человеческие отношения, определяются обычаем и рядом с ним материальным, целе-рациональным интересом. Но обычай или заинтересованность так же мало могли бы составить надежную основу для господства, как и чисто-аффектуальные или чисто оценочно-рациональные мотивы связанности. К ним обычно присоединяется дальнейший момент: вера в законность власти.

Весь прошлый опыт показывает, что ни одно господство не удовлетворяется, по доброй воле, только материальными или только аффектуальными или только оценочно-рациональными мотивами подчинения, обуславливающими вероятность его дальнейшего существования. Но всякая власть стремится пробудить и воспитать веру в свою „законность“. В зависимости же от рода законности, на которую заявляется притязание, коренным образом различается и тип повиновения административного аппарата, предназначенного обеспечить подчинение власти, и характер самого господства, а тем самым, и его результат. Поэтому является целесообразным различать роды господства в зависимости от типичных для них притязаний на законность. При этом мы, целесообразности ради, будем исходить из современных и, таким образом, известных отношений.

136

1. Только результат может оправдать выбор данного, а не какого-либо иного исходного пункта для различения. Не является серьезным неудобством то, что при этом известные другие типические признаки различения пока отступают на задний план и могут быть включены лишь позднее. „Законность“ господства имеет отнюдь не только „идеальное“ значение; хотя бы потому, что она имеет весьма определенное отношение к законности владения.

2. Не всякое условное или обеспеченное правом порядком „притязание" означает отношение господства. Иначе рабочий, в области своего притязания на заработную плату, был бы „господином" своего работодателя, ибо, по требованию рабочего, в его распоряжение должен бы быть предоставлен судебный исполнитель. В действительности, формально он является одной из „управомоченных" сторон в обмене услугами. Конечно, понятие отношения господства не исключает того, что это господство возникло путем формально свободного договора: таково господство работодателя над рабочими, проявляющееся в трудовых порядках, суверена над добровольно подчинившимися лэнным отношениям вассалами. То обстоятельство, что повиновение с помощью военной дисциплины формально „недобровольно", а с помощью фабричной дисциплины формально „добро вольно", ничего не меняет в том факте, что и фабричная дисциплина есть подчинение господству. И чиновники поступают на службу по соглашению и могут свободно уйти, и даже отношение „подданства" может возникнуть добро вольно и быть (в известных границах) расторгнуто. Абсолютная недобровольность существует лишь у рабов. Но, конечно, с другой стороны, обусловленная монопольным положением экономическая „власть", т. е. в данном случае возможность „диктовать" другой стороне условия обмена, сама по себе так же мало может означать „господство", как и всякая иная возможность: напр., обусловленное превосходством в области эротики или спорта, или полемики, или в любой иной области „влияние". Когда крупный банк в Состоянии навязать другим банкам „кондиционный картель", то это до тех пор не означает „господства", пока не устанавливается

- между ними непосредственного отношения зависимости одного от другого, в результате которого предписания правления крупного банка делаются с притязанием на вероятность безоговорочного исполнения этих предписаний в качестве таковых, при чем это исполнение может быть проконтролировано. Конечно, и здесь, как везде, имеются переходы: между долговым обязательством и долговым порабощением находятся всякие промежуточные ступени. И положение какого-нибудь „салона" может дойти вплоть до самой границы авторитарного положения власти, не будучи непременно „гос-

137

подством." В действительности, резкое разграничение тут часто невозможно, но поэтому тем более необходимы ясные понятия.

3. И „законная власть" должна, конечно, рассматриваться не как нечто абсолютное, а лишь как вероятность быть принятой за власть, имеющую в большой мере практическое значение. Далеко не всякая покорность перед господством первоначально сообразовалась с этим убеждением. Отдельные или даже большие группы могут лицемерно изображать покорность из чисто-оппортунистических оснований, практически повиноваться в силу материальной заинтересованности, либо неизбежно втягиваться в эту сферу вследствие индивидуальной слабости и беспомощности. Но это не есть мерило для классификации господства. Но мериллом служит то, что собственное притязание власти на законность, по своему характеру, дает реальный результат, укрепляет ее положение, и, таким образом, является одним из факторов, определяющих характер средств господства, которыми пользуется власть для своих целей. Господство может, далее—и это на практике частый случай—быть так абсолютно прочно вследствие очевидной общности интересов господина и его штаба (лейб-гвардия, преторианцы) по отношению к находящимся в подчинении и их беспомощности, что оно совершенно пренебрегает притязанием на „законность". И все-таки характер отношений законности между господином и его штабом складывается весьма различно в зависимости, от того, на чем основан авторитет власти для штаба, и является в высокой степени определяющим для структуры господства.

4. „Повиновение" означает, что поведение повинующегося протекает в существенных чертах так, как если бы он сделал содержание приказа максимой своего поведения ради самого повиновения и только ради него, независимо от собственных взглядов на положительное или отрицательное значение приказа, как такового.

5. Чисто психологически причинная цель может иметь различный вид, в частности, быть „внушением" или „вчувствованием". Но здесь для образования типов господства этого различия не требуется.

6. Область социальных отношений и культурных явлений, окрашенных принципом господства, значительно шире, чем это кажется с первого взгляда. Таково, напр., господство, которым пользуется школа, навязывающая нам определенные формы речи и письма, в качестве единственно правильных. Диалекты, функционирующие в качестве официального языка политически самостоятельных союзов, превратились в эти общепризнанные формы речи и письма и даже приводили иногда к „национальным" отграничениям (напр., Голландии

138

от Германии). Но господство родителей и господство школы далеко превосходит влияние тех (впрочем, лишь кажущихся) формальных культурных благ, в смысле формирования юношества, а тем самым и людей.

7. То обстоятельство, что руководитель и административный аппарат союза по форме выступают в качестве „слуг", находящихся в подчинении, конечно, еще ничего не доказывает против характера „господства". Но какой-нибудь минимум руководящей власти приказывать, а постольку „господства", должен быть им предоставлен почти во всех мыслимых случаях.

§ 2. Существуют три чистых типа законного господства. Законность его может иметь:

1) рациональный характер: покоиться на убеждении в законности установленных порядков и в праве органов, призванных к власти, на господство (легальное господство), либо

2) традиционный характер: покоиться на повседневном убеждении в святости издревле принятых традиций и в законности предоставленных ими органам власти прерогатив (традиционное господство), или, наконец,

3) харизматический характер: основываться на сверх обычной преданности к одному лицу в силу его святости или героизма, или превосходства, делающего его образцом для других, и любовном подчинении созданным им порядкам (харизматическое господство).

В случае рационального господства, повиновение легально установленному материальному безличному порядку и определенному им начальнику имеет место в силу формальной легальности его распоряжений и в пределах таковых. В случае традиционного господства, повиновение личности господина, призванного благодаря традиции и связанного традицией) (в предусмотренных ею границах), происходит в силу пиетета в сфере привычного. В случае харизматического господства, повиновение харизматически-квалифицированному вождю, как таковому, происходит в силу личной веры в откровение, в силу доверия к героизму и другим выдающимся качествам этого лица, в сфере отношений, предуказанных этой верой.

СОДЕРЖАНИЕ.

Игр.

Предисловие к русскому изданию	3
Введение Вернера Зомбарта	5
1. Огюст Кант.—Основные законы социальной динамики или об- щая теория естественного прогресса человечества" (1839) .	15
2. Густав-Адольф Линднер.—„Общественное самосознание" (1871) .	30
3. Герберт Спенсер.—„Общество есть организм" (1874—1877) ...	34
4. Альберт Шеффле.—„Основные связи умственной организации" (1875-1878)	16

5.	Фердинанд Теннис.—'Общение и общество' (1887)	59
О. Густав Лебой.—А. Раса (1894)	, 66	
В. Толпа (1895)	69	
7 Рудольф Штаммлэр.—'Социология упорядоченного общежития'		
(1896)	75	
8.	Габриель Тард. 'Социальные законы' (1898)	81
9.	Отто фон-Гирке.—'Сущность человеческих союзов'	
(1902) ...	89	
10.	Лестер Ф. УвЈД — 'Социальная статика' (1903)	94
11.	Курт Брейзг.—'Законы мировой истории' (1905)	
101		
12.	Вильгельм Вундт.—'Социальные законы' (1908)	
109		
13.	Георг Зиммель.—А. 'Социальная психология' (1908)	
115		
, В. 'Социология чувств' (1908)	121	
14. Отмар Шпанн.—'Необходимость не-эмпирического обоснования учения об обществе' (1914)	'27	
15.	Макс Вебер. — 'Типы господства' (1921)	^